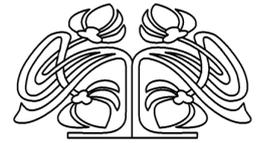

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X
ISSN 1819-4907

Издается с 2001 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Малышев А. Б.** Армяне в этнокультурных взаимодействиях на территории Золотой Орды 253
- Рабинович Я. Н.** Неизвестные страницы истории псковских пригородов Опочки и Себежа XV–XVI веков 262
- Мезин С. А.** «Хорошие наблюдатели»: об источниках сведений Д. Дидро о России 269
- Зайцев М. В.** Николай Милютин и реформа городского самоуправления 1846 года в Санкт-Петербурге 275
- Пирогова Е. П.** Государственный деятель царской России А. А. Зубов – потомок уральского заводчика А. Ф. Турчанинова: служебная карьера и личность 282
- Кочуков С. А.** «...Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое единодушие...» (военная пресса о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) 287
- Михайлик А. Г.** Второе наступление войск 2-го Украинского фронта на Будапешт (11–27 ноября 1944 г.) 294

Всеобщая история и международные отношения

- Высубов С. П.** «Описание Эллады» Павсания в эпоху поздней Античности и Средневековья: проблема рецепции 301
- Галямичев А. Н.** Возникновение и раннее развитие чешского города Колина-над-Лабой 305
- Мосолкина Т. В.** Город Йорк и англо-шотландские противоречия во второй половине XV века 309
- Третьякова М. В.** Отношения папы Пия IV с правителями итальянских государств в первой половине 60-х годов XVI века по сведениям венецианских послов Джироламо и Джакомо Соранцо 313
- Киясов С. Е.** «Шотландский след» в масонском движении Британии 319
- Голуб Ю. Г.** Начало несчастного дня шахривара: прием В. М. Молотовым иранского посла 25 августа 1941 года 324

Региональная история и краеведение

- Лисейцев Д. В.** Новые сведения о саратовских воеводах первой трети XVII века 329
- Руфин С. М.** Судебные процессы над старообрядцами и сектантами во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии) 335
- Герман А. А.** Трансформация национальной идентичности поволжских немцев в 1918–1941 годы 340
- Малов Н. М.** Профессор П. С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья 345
- Серов Д. В.** 121-й полк войск НКВД СССР на охране Рязано-Уральской железной дороги в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 годы) 351
- Конониренко В. А.** Переселение на территорию бывшей «Немецкой автономии» в годы Великой Отечественной войны: цели, задачи, реализация 354
- Гуменюк А. А.** Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 годы (на материалах Нижнего Поволжья) 359

Критика и библиография

Представляем книгу

- Чернова Л. Н.** Политический «театр власти» в эпоху «неспокойного столетия» 366

Сведения об авторах

370

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36018. Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 22.09.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 140-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Malyshev A. B.** Armenians in the Ethno-cultural Interactions on the Territory of the Golden Horde 253
- Rabinovich Ya. N.** The Unknown Pages of the History of Pskov Suburbs of Opochna and Sebez in the XV–XVI Centuries 262
- Mezin S. A.** «Good Observers»: On Diderot's Sources of Information about Russia 269
- Zaytsev M. V.** Nikolai Milyutin and the Reform of Municipal Self-government of 1846 in Saint Petersburg 275
- Pirogova E. P.** A Statesman of Imperial Russia A. A. Zubov – a Descendant of the Ural Factory Owner A. F. Turchaninov: Career and Personality 282
- Kochukov S. A.** «...The Press, Concerning the Slavic Question, Show Rare Unanimity...» (the Military Press on the Russian-Turkish War of 1877–1878) 287
- Mikhaylik A. G.** The Second Offensive of the Troops of the 2nd Ukrainian Front to Budapest (11–27 November, 1944) 294

World History and International Relations

- Vysukbov S. P.** Pausanias *The Description of Hellas* in the Late Antiquity and in the Middle Ages: the Problem of Reception 301
- Galyamichev A. N.** The Emergence and Early Development of the Bohemian City Kolínnad Labem 305
- Mosolkina T. V.** The City of York and the Anglo-Scottish Contradictions in the Second Half of the XV Century 309
- Tretyakova M. V.** The Relations of the Pope Pius IV with the Rulers of Italian States in the First Half of the 1560s According to the Venetian Ambassadors Girolamo and Giacomo Soranzo 313
- Kiyasov S. E.** «The Scottish Trace» in the British Masonry Movement 319
- Golub Yu. G.** The Beginning of Shahrevar's Unfortunate Day : V. M. Molotov's Audience with the Iranian Ambassador on the 25th of August, 1941 324

Regional History and Local Studies

- Liseitsev D. V.** New Facts about the Voivodes of Saratov of the First Third of the XVII Century 329
- Rufin S. M.** Trials Concerning Old Believers and Sectarians in the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Centuries (Based on Saratov Province Materials) 335
- German A. A.** The Transformation of the Volga Germans' National Identity in 1918–1941 340
- Malov N. M.** Professor P. S. Rykov – an Explorer of the Late Bronze Age of the Volga Region, the Volga-Ural and the Volga-Don Interfluves 345
- Serov D. V.** The 121st Regiment of the USSR NKVD Troops Defending the Ryazan-Ural Railway during the First Period of the Great Patriotic War (1941–1942) 351
- Kononirenko V. A.** The Removal to the Territory of the Former «German Autonomy» during the Great Patriotic War: Goals, Problem, Realization 354
- Gumenyuk A. A.** New Forms of Soviet Retail Trade and Public Service in the Daily Life of a Soviet Citizen in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region) 359

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Chernova L. N.** The Political «Theater of Power» in the «Turbulent Century» 366

Information about the Authors

370

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

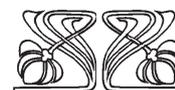
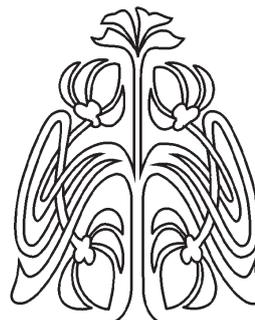
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

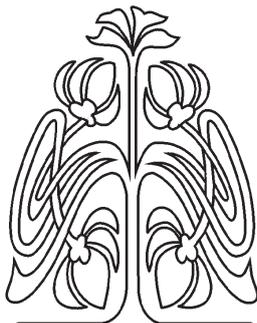
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

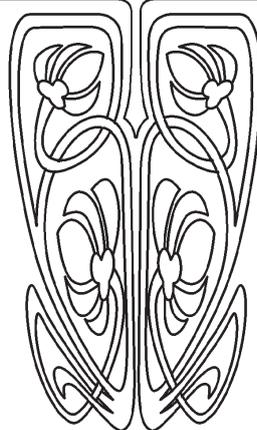
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(=811.19) (47).031

АРМЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А. Б. Малышев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Ordynez@yandex.ru

На основании письменных, эпиграфических и археологических источников в статье исследуются вопросы расселения армянских общин в Золотой Орде и на зависимых от неё территориях: в Крыму, Северном Причерноморье, Предкавказье, Нижнем и Среднем Поволжье в XIII–XV вв. Особое внимание уделяется этническому и культурному взаимовлиянию армян и других народов. Специально рассматриваются религиозные контакты и конфликты Армянской апостольской церкви и армянских общин с другими христианскими конфессиями: православием и католицизмом.

Ключевые слова: армяне, Золотая Орда в XIII–XV вв., этнокультурное взаимодействие, Армянская апостольская церковь.

Armenians in the Ethno-cultural Interactions on the Territory of the Golden Horde

A. B. Malyshev

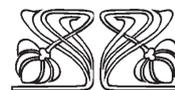
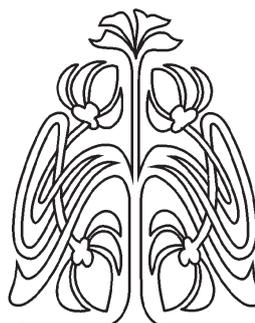
On the basis of written, epigraphic and archaeological sources, the article examines issues of the Armenian communities' settlements of in the Golden Horde and its dependent territories: in the Crimea, Northern Black Sea, Caucasus, Lower and Middle Volga Region in the 13–15th centuries. Special attention is paid to ethnic and cultural mutual influence of the Armenians and other peoples. Religious contacts and conflicts of the Armenian Apostolic Church and the Armenian communities of other Christian confessions – Orthodoxy and Catholicism – are particularly considered.

Key words: Armenians, Golden Horde in the 13–15th centuries, ethno-cultural interaction, Armenian Apostolic Church.

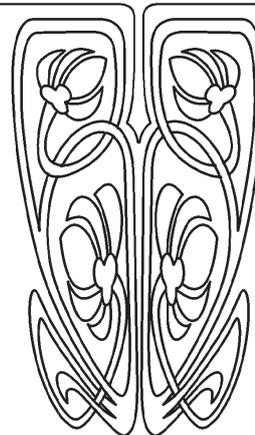
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-253-261

Монгольская империя, образовавшаяся в результате масштабных завоеваний первой половины XIII в., стала пространством, на котором проходили разноуровневые этнические и конфессиональные взаимодействия. В большинстве случаев правители империи и её улусов были не только веротерпимыми, но активно покровительствовали и поддерживали духовенство различных религий. Можно даже говорить о существовании в это время своеобразного монгольского «просвещённого религиозного космополитизма». По словам венгерского католического проповедника Юлиана, монголы «...подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь... о том, кто какой веры держится, – с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они (подданные) делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону...»¹

В период завоеваний монголы подчинили различные армянские государства, а также отдельные территории проживания многочисленных армянских общин. В 1236–1244 гг. военным путём были покорены армянские государства в Закавказье. В 1243 г. царь Киликийского Армянского государства (в юго-восточной части Малой Азии) – Хетум I – вступил в союз и зависимость от Монгольской империи². По-видимому, в 1240–1250-е гг. зависимость армянских государств от Монгольской империи была спорной по отношению к различным улусам империи.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Упомянутый царь Хетум I наладил дипломатические отношения с монгольскими императорами, но связывался с ними через правителя Улуса Джучи – Бату-хана. Сын Бату-хана – Сартак выдавал отдельным армянским правителям грамоты (ярлыки. – *А. М.*) на их владения³. При дворе Сартака служили армянские священники, исполнявшие обязанности переводчиков⁴. Это свидетельствует, что политическое влияние ранних джучидов (Бату-хан, Сартак) в армянских государствах в период единства Монгольской империи было весьма значительным. Позднее, в 1250–1260-х гг., армянские государства Закавказья и Киликии попали под власть другой монгольской династии – хулагуидов, обосновавшихся в Иране.

В Восточной Европе армянские переселенцы появились ещё в X–XII вв., а в XIII в. стали селиться в Поволжье и Крыму. С этого времени армяне стали составлять значительную часть городского и сельского населения Крыма⁵. В золотоордынских, а также зависимых от Золотой Орды городах Крыма в XIII–XV вв., количество армян было настолько велико, что некоторые армянские авторы стали называть Крым «Приморской Арменией» («*Armenia Maritima*») и даже «Большой Арменией» («*Armenia Majoris*»)⁶. Согласно легендам, армянское население Крыма в XIII–XIV вв. сильно увеличилось. Здесь существовало 10 тыс. армянских домов и 1 тыс. армянских церквей. Как повествует легенда, в середине XIII в. хан Золотой Орды разрешил армянским переселенцам селиться в Ак-Сарае, где они жили около 60 лет. В 1299 г. генуэзский консул разрешил им переселиться в Кафу (Феодосию). Переселение в Крым происходило в 1330 г., якобы с боями против золотоордынских войск. В легенде отмечается, что в Крым переселились армяне с различным материальным и общественным положением: князья, аристократия и простой народ⁷. Легенда, таким образом, подтверждает переселение армян разных сословий в Золотую Орду, в том числе на крымские территории. Однако вызывает сомнения известие о военных столкновениях армян с золотоордынскими войсками, так как это не подтверждается иными источниками. Кроме того, не совсем понятно, что в легенде понимается под городом Ак-Сарай: столица Золотой Орды – Сарай (что наиболее вероятно) или какое-то другое поселение в Крыму, или Поволжье.

Армяне селились в Кафе (Феодосии) ещё с XI в. – задолго до монгольских завоеваний и обоснования в городе генуэзцев. С этого времени, а также в XIII–XV вв. в Кафе и её округе велось активное строительство армянских церквей и монастырей, некоторые из которых сохранились до наших дней⁸. В генуэзских Уставах Кафы 1316 г. и 1449 г. содержались сведения о трёх армянских церквях в городе. В настоящее время в самой Феодосии сохранилось пять армянских храмов XIV–XV вв., а также развалины нескольких армянских церквей близ города⁹. Всего же в Кафе в

XIII–XV вв. действовало более десяти армянских храмов¹⁰, а также зафиксированы многочисленные надгробия и хачкары, датируемые с 1356 по 1496 г.¹¹ Основное население генуэзской Кафы в XIV–XV вв. составляли армяне и греки. Армяне упоминались в Уставе Кафы 1449 г. Занимались они в основном ремеслом и мелкой торговлей, но среди них были также крупные ростовщики и торговцы. Немаловажно, что генуэзцы наделили их правами избираться в органы городской администрации¹². Армянское население Кафы было дифференцировано по социальному и классовому признаку, что иногда приводило даже к социальным волнениям¹³.

Армянская община Кафы принимала активное участие в строительстве городских оборонительных сооружений¹⁴. Например, в 1455 г. кафинская генуэзская казна совсем опустела из-за казнокрадства чиновников. Не стало хватать денег на ремонт городских стен, содержание арсенала оружия, снаряжение морских рейсов за продовольствием, выплату жалования служащим. Генуэзские власти были вынуждены прибегнуть к займу в 1500 сомов у греческих, армянских и еврейских горожан¹⁵. В XV в. отдельные знатные армяне занимали высокие должности в гарнизоне Кафы и даже являлись комендантами крепости¹⁶. Есть сведения, что в начале XIV в. армянская община Кафы содержала и обслуживала городской водопровод, который, видимо, был ею построен¹⁷. Армянское население города постоянно увеличивалось с начала XIV в. и в 1439 г. составляло 50 % населения города (с сельской округой) – 30 000 человек, а в 1475 г. – 2/3 населения города и округи¹⁸.

Армяне составляли значительную часть населения Судака (Сугдея/Солдая/Сурож). В XIII в. они занимали здесь отдельные административные должности¹⁹. Значительная армянская община в XIII–XIV вв. проживала в Херсонесе, где было зафиксировано армянское кладбище, относящееся к данному периоду²⁰. Армянские общины существовали также в Чуфут-Кале и Мангупе²¹. Армянский монастырь Святого Или функционировал у с. Богатое, к востоку от Симферополя²². В XV в. армяне жили в Ялте и принимали активное участие в городском строительстве²³.

В Солхате (Старый Крым), центре золотоордынского наместничества в Крыму, в XIII–XV вв. проживало большое количество армян, которые стали селиться здесь ещё с XI–XII вв. Судя по эпиграфическим надписям 1338 г., близ Солхата был основан армянский монастырь «Сурб-Хач» (Святого Креста), существовавший и далее в XV в.²⁴

А. Л. Якобсон считал, что тюркское название города Солхат/Суркат является искажением армянского названия монастыря²⁵. По сообщению из «Жития мучеников армян», найденного в золотоордынском городе Маджаре, известно, что монастырь был построен братьями Ованесом и Геворком²⁶. Церковь Святого Георгия в монастыре была построена под покровительством Иоаннеса

Архимандрита Араратского²⁷. В самом Солхате известно ещё несколько армянских храмов XIV в., а также надгробия 1311, 1349 и 1362 годов. Здесь существовал армянский квартал «Чхбнис» («Верхние земляные жилища»), а также центр рукописной книги и книжной миниатюры. Церковь «Сурб Наш» («Святого Знамени») была воздвигнута в честь Господнего креста, фрагмент которого был привезён в Солхат монахом Ованесом Себастици из киликийской армянской епархии в г. Себастии. Среди армян-ремесленников Солхата известны: ювелиры, кузнецы, плотники, ткачи, красильщики, скорняки, сапожники, портные, садоводы, виноделы и другие мастера²⁸. Эти данные свидетельствуют о том, что армянские общины, жившие в разных районах Золотой Орды в XIII–XV в., не прерывали связей между собой, а также с родиной.

Армянские поселения в XIII–XV вв. существовали и в других районах Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Так, сохранились армянские надгробия XIII–XV вв. с кладбища из Кинбурнской крепости (Херсонская область)²⁹. Армянская надпись из Таганрога, повествующая об эпидемии в Армении, датируется 1366 годом³⁰. К началу XV в. относятся известия об армянской общине в Аккермане (Белгороде)³¹. Наличие значительной армянской общины и церкви святого Георгия Просветителя было зафиксировано в Азаке (Азове/Тане) на основании письменных, эпиграфических и археологических источников³². Фрагмент хачкара был также обнаружен в городе Маджаре³³. Преобладающее тюркоязычное население Золотой Орды также оказывало существенное культурное влияние на армянские общины. Именно поэтому в армянской эпиграфике Крыма получили некоторое распространение тюркские имена³⁴. Тюркские имена армян (особенно женские) и тюркская лексика часто встречаются также в армянских памятных записях. Наиболее популярными были имена: Тикин, Хатун, Хазар, Джохар, Мурад, Туман, Этил³⁵.

В XIV–XV вв. армянские монастыри и храмы Крыма, где работали писцы и художники, были очагами образованности и культуры³⁶. До наших дней дошло более 100 армянских рукописных книг из разных городов и монастырей Крыма в XIV–XV вв.³⁷

Армянские общины Крыма, Северного Причерноморья и Золотой Орды имели свою церковную организацию во главе с архиепископом, а также монастыри³⁸, но известия о ней фрагментарны. С середины XIII в. до рубежа XIV–XV вв. католикосы Армянской апостольской церкви пребывали в столице Киликийской Армении – городе Сисе, а с начала XV в. – в Эчмиадзине. Отдельные армянские епархии, по-видимому, существовали в Кафе, Солхате и, возможно, Судаке.

Сохранилось письмо (1286–1287 гг.) католического миссионера Владислава, адресованное руководителю Францисканского ордена³⁹. В письме сообщалось, что старшая жена хана Ногая (пра-

вителя западных улусов Золотой Орды) – Яйлагхатун (Байлак) – пожелала принять католичество и была окрещена Владиславом в Солхате, которому помогали представители армянского и греческого духовенства. Таким образом, можно проследить желание золотоордынских ханов урегулировать и примирить религиозные противоречия между различными христианскими конфессиями. Для этого, кроме административного ресурса, использовалось также принятие христианства членами ханской семьи, причём с явными признаками «униатского» крещения (одновременно от католиков, православных и армян). Также данное известие показывает, что в конце XIII в. армянские, греческие и католические священники активно участвовали в общественно-политической жизни Крыма, совместно отстаивали свои интересы перед золотоордынскими властями, иногда сотрудничая и заключая «унию», а не соперничая. Немаловажно, что сам обряд крещения был проведён именно в Солхате – одном из армянских церковных центров Крыма.

Вопрос о том, какого исповедания придерживалась основная масса крымских армян – григорианского или халкидонского, – остаётся до конца нерешённым⁴⁰. Видимо, большинство придерживалось григорианского исповедания, как и Армянская апостольская церковь⁴¹. Известное стремление части крымских армян к унии с католиками или православными в целом согласуется с аналогичными желаниями некоторых высших армянских иерархов, католикосов (находящихся в Сисе) и киликийских государей в первой половине XIV в. Реакция крымских армян на проповедь унии была негативной, как и во всём армянском обществе. Это, кроме того, показывает сохранение церковных связей отдалённых крымских общин с патриархатом.

С другой стороны, григорианское исповедание крымских армян доказывается одним известным событием, а именно тем, что в 1292 г. в Сугдее армяне разошлись с православными греками по вопросу о времени празднования Пасхи⁴². Дело в том, что у армянской церкви существовал свой календарь⁴³, ведущий отсчёт от 552 г. н. э. В целом пасхальный круг армянского календаря был идентичен греческому, однако четыре раза за один цикл (532 года) расходился с ним на одну неделю⁴⁴. Такие расхождения случались несколько раз (в 665, 750, 1007, 1102, 1197, 1292, 1538, 1634, 1729 и 1824 гг.*) и армяне называли греческую Пасху «нарушенной», или «ложной» («Дзразатик») ⁴⁵. В 1292 г. армянский католикос Анаварза Григор VII в Сисе провозгласил идею объединения церковью («унию») с католицизмом и православием, с унификацией обрядности и церковного календаря. Его поддержали царь Киликийской Армении Хетум II, отдельные представители аристократии и духовенства⁴⁶. В 1292 г. вопрос о времени празднования Пасхи рассматривался во всех армянских государствах и общинах (в Закавказье, Киликии

и Крыму). Произошли даже волнения, так как сторонники унии предложили праздновать Пасху как греки (6 апреля), а противники унии настаивали на праздновании по армянскому календарю (13 апреля)⁴⁷. Однако унию, изменения в обрядности и календаре не приняли Церковный Собор и большая часть армянского общества⁴⁸, а также крымские армяне, что и было зафиксировано в греческих источниках. Тем не менее некоторое количество армян приняло католицизм в XIV в. и проживали в Кафе и Солхате⁴⁹. Относительно небольшое количество армян, принявших православие, называлось «цатами»⁵⁰.

Известно, что в Кафе присутствовали армянские епископы, которые владели городским водопроводом. По-видимому, генуэзские власти оказывали влияние на их избрание и поставление⁵¹. В начале XIV в. среди крымских армян, как и в Киликийской Армении, были сторонники церковной унии с католиками. Генуэзские власти и католические священники стремились склонить многочисленные общины крымских армян к церковной унии. В 1318 г. римский папа Иоанн XXII специально обратился к кафинским армянам с предложением принять унию⁵². Вообще, одной из главных задач созданной в 1318 г. кафинской католической епархии было обращение крымских армян в католицизм⁵³. В 1318 г. в Кафу прибыл первый католический епископ, который начал проповедь унии и даже склонил к ней часть армянской общины. Это посеяло раздоры и несогласия в армянской среде, в связи с чем уния не была продолжительной. Ни папа, ни генуэзские власти не были удовлетворены её результатами⁵⁴. Прецедент, однако, привёл к постоянным попыткам католиков склонить к унии самую многочисленную в этническом отношении часть населения Кафы. Наиболее легко принимало унию богатое армянское купечество, экономически связанное с генуэзцами. О принятии унии отдельными армянскими священниками говорит тот факт, что одна из армянских церквей в Кафе – храм Гавриила и Михаила – не имеет ничего общего с армянской архитектурой, а построена целиком в западноевропейской традиции⁵⁵. В 1438–1439 гг. другой католический епископ города склонил к унии армянскую церковь, но основная масса армян опять не подчинилась этому⁵⁶. Тем не менее в XV в. назначение армянских епископов в Кафе осуществлялось уже генуэзскими консулами. В других городах Крыма армяне никогда не признавали унию⁵⁷.

По-видимому, отдельная армянская епархия была учреждена в 1379 г. в «стране руссов и влахов»⁵⁸. Эта территория находилась в Северо-Западном Причерноморье – территория современной Молдавии, Юго-Западной Украины, где проживало русское и валахское (молдавское) население.

Этнокультурное влияние армян в Крыму, да и в других районах Золотой Орды было значи-

тельным. Здесь наблюдалось активное этническое взаимодействие. Общность культуры различных этнических групп была ярко отражена в архитектуре Солхата, Кафы, Судака, Херсона и Мангупа. Сельджукский архитектурный стиль и орнамент, сложившийся в XII–XIV вв. в Армении и Малой Азии⁵⁹, распространился в Крыму, Золотой Орде и Средней Азии. Этот стиль был присущ в XIV–XVI вв. армянским и греческим церквям, татарским мечетям и еврейским синагогам. Сельджукские орнаменты встречались даже в отделке генуэзских католических храмов⁶⁰. Несомненно, что многие архитекторы и художники, работавшие в Крыму, были армянскими мастерами. Они были наиболее опытными, а армянские храмы в Крыму по величине и отделке были намного величественнее греческих⁶¹. В Солхате в XIV в. в сельджукском стиле были построены и орнаментированы знаменитая мечеть-медресе Узбека, Караван Сарай⁶² и многие надгробные мусульманские памятники⁶³. Также сельджукский орнамент встречался на мусульманских и христианских надгробиях, а также на христианских храмах Эски-Юрта⁶⁴.

На территории Русских княжеств, попавших в зависимость от Золотой Орды, армяне-переселенцы появились ещё в XI в. как беженцы от нашествия Сельджукидов. По-видимому, более массово армяне стали переселяться из Крыма и Северного Причерноморья на территорию Великого Княжества Литовского во время междоусобиц в Золотой Орде («Великой Замятни») 1359–1380 гг., а также в период распада Золотой Орды в XV в. Именно в это время литовские князья подчинили себе земли Киевского, Черниговского и Галицко-Волынского княжеств – ранее зависимых от Золотой Орды. Известно, также, что в 1397–1398 гг. литовский князь Витовт совершил победоносный поход в Крым и вывел оттуда в Литву отдельные общины караимов и татар.

Таким образом, во второй половине XIV в. многочисленные армянские общины появились в Киеве, Каменце-Подольском, Львове, Кременце, Луцке, Владимире Волынском, в стране Влахов (Молдаван) и Аккермане (Белгороде)⁶⁵. Позднее – в конце XV в. – к ним присоединился новый миграционный поток после захвата Крыма турками в 1475 г. В церковном отношении во второй половине XIV в. «польско-литовские», или «подольские» армяне, стали подчиняться Львовской епархии, известной с 1363 г., а позднее – к Белгородской (с 1459 г.)⁶⁶. Тем не менее эти общины в XIV–XV вв. поддерживали связи с золотоордынскими, закавказскими и киликийскими соотечественниками. Весьма интересным является тот факт, что эти армянские общины долгое время в XVI–XVII вв. продолжали использовать в общении и письменности тюркский (кыпчакский) язык («хыпчак тили»), но писали на армянской графике⁶⁷. Данный этноязыковой феномен мог сложиться только на территории Золотой Орды, откуда происходили

армяне-переселенцы. Письменному наследию, истории и культуре подольских армянских общин посвящена обширная литература⁶⁸. Таким образом, по-видимому, влияние тюркского (кыпчакского) языка и культуры на золотоордынских армян Крыма и Северного Причерноморья было довольно значительным – вплоть до явлений языковой ассимиляции. Византийский историк Георгий Пахимер рассказывал об этнических взаимодействиях во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье и западных улусах Золотой Орды, находящихся под властью Ногай. В частности, он писал, что Ногай подчинил себе государства и народы Северного Причерноморья. Увидев богатство этих земель и возможность легко управлять их жителями, Ногай отделился от законных ханов и стал владеть покорёнными землями самостоятельно. Со временем аланы, зихи, готы, русские и многие другие изучили язык, приняли нравы, одежду и сделались союзниками татар⁶⁹. Представляется, что данное свидетельство в полной мере относится и к армянам Северного Причерноморья.

Армянские общины проживали в поволжских и среднеазиатских городах Золотой Орды. Особенно активно армяне переселялись в Сарай в середине XIII в.⁷⁰ В 1335–1337 гг. францисканский миссионер Пасхалий вместе с армянскими купцами плыл на корабле по Волге и Каспийскому морю от Сарая до Сарайчика⁷¹. В 1346 г. армяне упоминались в числе народов, живших в городах Золотой Орды (Орда, Ургенч, Бельджамен, Сарай) и пострадавших от эпидемии чумы⁷². В 1366 г. упоминались армянские купцы, торговавшие по Волге и в Нижнем Новгороде, которых ограбили ушкуйники⁷³.

Влияние армянского ремесла прослеживается в технологиях изготовления золотоордынской посуды⁷⁴. По-видимому, крупная гончарная мастерская принадлежала армянскому мастеру Ананду сыну Саркиса. Об этом свидетельствуют его именные клейма, выполненные в арабской графике и помещённые на крупных сосудах – хумах, найденных на Царёвском, Водянском и Селитренном городищах, а также на городище Сарайчик и в районе Сарепты⁷⁵. Влияние сельджукского и армянского искусства прослеживается в золотоордынском изобразительном искусстве: архитектурном декоре, создании мозаик и майолик⁷⁶.

Согласно русским источникам (Сказание о Мамаевом побоище, летописи) армяне участвовали в Куликовской битве на стороне темника и беклярибека Мамая⁷⁷. Они упоминаются в числе других народов: фряги (итальянцы), бесермены (бесермяне в Волжской Булгарии), черкасы (абхазо-адыгские племена), ясы (аланы), буртасы, воины которых были в армии Мамая. Представляется наиболее вероятным, что армянские отряды, присутствовавшие в войсках Мамая, происходили с территории Крыма. Это косвенно подтверждается сообщениями крымских армянских авторов

о Мамае, которые весьма благожелательно относились к нему. Например, в записях 1370-х гг. армяне называли Мамаю эпитетами «миродержец», «господин господ» и даже титулом «хан»⁷⁸ (хотя Мамай и не мог быть легитимным ханом. – А. М.). Скорее всего, в армии Мамаю присутствовали наёмные или принудительно мобилизованные отряды, набранные из народов, проживавших на территориях, находящихся под контролем Мамаю (Северное Причерноморье, частично Поволжье) и его союзников – генуэзцев (Крым, Западный Кавказ). Известно, например, что в 1365 г. когда Мамай захватил Солхат, он принудительно мобилизовал 2000 человек в свою армию, в том числе армян⁷⁹.

Исходя из косвенных данных, можно предположить, что армянская община могла существовать и в Укеке. Английский путешественник и торговец Христофор Бэрроу, побывавший на Увекском городище в 1579 г., описал две могильные плиты с эпиграфическими надписями, которые путешественник посчитал армянскими⁸⁰. Известный историк и археолог Ф. В. Духовников описал фрагмент ещё одной могильной плиты с эпиграфической надписью, найденный в окрестностях Увекского городища. Исследователь также предположил, что это армянская надпись⁸¹. Однако стоит отметить, что все указанные предположительно армянские находки с Увекского городища не сохранились, а иные подтверждения существования здесь армянской общины пока отсутствуют.

В Волжской Булгарии, вошедшей в состав Золотой Орды, армянские переселенцы появились еще в начале XII в.⁸² Главным религиозным армянским центром в Волжской Булгарии золотоордынского периода была «Греческая палата» в Булгаре, находящаяся к западу от городища и представляющая собой развалины армянской церкви (аналогичной армянским храмам Армении и Крыма) XIII – начала XIV в. Рядом с ней было расположено армянское кладбище XIII–XV вв., состоящее из 150 погребений с могильными плитами и эпитафиями на армянском языке (1308 г., 1321 г. и 1335 г.). Видимо, здесь жили армянские ремесленники и крупные купцы, для которых в городе было отведено две улицы. Материалы погребений показывают различные этнические влияния на армянскую общину Булгара. В отдельных погребениях были найдены: монгольская элитарная женская шапочка – «боктаг», болгарские и русские украшения⁸³. Несколько захоронений были совершены по обряду, отличному от армянского, и, по-видимому, относились к представителям других христианских конфессий. Одно из женских погребений в антропологическом отношении принадлежало женщине-китайке⁸⁴. Армянские погребения находили и в других районах Волжской Булгарии: на надгробии 1318 г. из с. Кирельского была прочитана армянская надпись: «Могила Турган-Мелик»⁸⁵. С территории Волжской Булгарии

происходят также несколько армянских надгробий с арабскими надписями. Данные факты говорят об интенсивных культурных контактах и смешанных браках золотоордынских армян с монголами, тюрками, русскими и даже китайцами. По русской легенде, армянское население проживало и в Казани до середины XVI в.⁸⁶

В армянской рукописи 1319 г. из венского собрания содержится известие от имени некоего каллиграфа Хачатура, который писал, что создал Евангелие в столице Золотой Орды – Сарае, «на северной стороне», где суровая зима, вблизи Каспийского моря и большой реки Итиль, под сенью церковью Святой Богородицы и животворящего Святого Знамени в период католикоса Костандина (Константина III, бывшего при сане в 1307–1322 гг. – *А. М.*). Дальше в своей записи переписчик также восхвалял архиепископа тер Погоса⁸⁷. Таким образом, можно предположить, что в Сарае было два армянских храма. Возможно, в Золотой Орде существовала специальная армянская епархия, основанная в начале XIV в., руководитель которой носил титул архиепископа «всех северных сторон». Вероятно, Погос был епископом этой армянской епархии с центром в Сарае. Кроме него армянские источники упоминают в XIV–XV вв. и других архиепископов «всех северных сторон»⁸⁸. Точное и постоянное местопребывание архиепископов выяснить не представляется возможным. Это могли быть: Сарай, Солхат или Кафа.

* * *

Многочисленные армянские общины проживали в Золотой Орде или на зависимых от неё территориях: Крым, Северное Причерноморье и Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье. В середине XIII в. отдельные армянские священники были чиновниками и переводчиками на службе у золотоордынских ханов (Сартак) и, по-видимому, могли как-то влиять на их политику.

О проживании армян в Крыму и Северном Причерноморье свидетельствуют различные данные, в том числе письменные источники, остатки надгробий и хачкаров с эпиграфическими надписями, сохранившиеся или разрушенные храмы. Кроме того, здесь известны армянские монастыри, центры изготовления рукописных книг и книжных миниатюр. Наиболее крупные армянские общины Северного Причерноморья и Крыма проживали в Кафе, Солхате, Судаке, Херсонесе, Чуфут-Кале, Мангупе, Эски-Юрте, Азаке, Аккермане и их округах. В среде армянских общин были люди с различным материальным и общественным положением: князья, аристократия, духовенство, торговцы, ростовщики, ремесленники. Из армян-ремесленников известны: ювелиры, писцы, художники, архитекторы, камнерезы, строители, кузнецы, плотники, ткачи, красильщики, скорняки, сапожники, портные, садоводы, виноделы и другие мастера. Армяне активно участвовали в

городской общественно-политической жизни, в управлении городами (чиновники, коменданты) и городском строительстве (оборонительные сооружения, общественные и культовые здания, объекты благоустройства).

Армянские общины, жившие в Крыму и Северном Причерноморье, сохраняли культурные и религиозные связи между собой, а также с закавказскими и киликийскими соотечественниками. Большая часть армян придерживалась григорианского исповедания, как и Армянская апостольская церковь. В Крыму, Северном Причерноморье и Золотой Орде, по-видимому, существовала церковная организация, во главе которой стояли архиепископы – местоблюстители армянских католикосов «во всех Северных землях». Им скорее всего и подчинялись отдельные епархии в Кафе, Солхате, Судаке, Аккермане и Сарае.

Часть армян (священники, аристократия и крупные торговцы) имела стремление принять церковную «унию» с католиками или православными. К тому же одной из целей католических миссионеров и священников в Крыму было обращение армян в католицизм или привлечение их к унии. В конце XIII в. армянские, греческие и католические священники иногда совместно отстаивали интересы своих конфессий перед золотоордынскими властями, сотрудничая и заключая унию. На протяжении XIV–XV вв. известно несколько католических кампаний по обращению армян в католицизм или привлечению их к унии. Иногда это имело некоторый успех, хотя большая часть армянского общества сохранила своё исповедание.

В XIII–XIV вв. армянские общины проживали в золотоордынских городах Поволжья (Сарай, Булгар, Бельджамен, возможно Укек), Средней Азии (Ургенч) и Северного Кавказа (Маджар), где занимались ремеслом и торговлей. Среди традиционных армянских ремёсел, распространённых в Поволжье, можно назвать: гончарство, каменное строительство, декоративную отделку зданий. В Булгаре и Сарае функционировали армянские храмы и, возможно, существовала отдельная епархия.

Армянские общины оказали весьма значительное этнокультурное влияние на культуру Золотой Орды и других народов, проживавших здесь. Это влияние проявилось в храмовой архитектуре греческих церквей, мусульманских мечетей и еврейских синагог, в строительстве оборонительных сооружений и объектов городского благоустройства. Армянские традиции прослеживаются в архитектурном декоре храмов, зданий и надгробий: сельджукский стиль, мозаика, майолика. Довольно существенным было влияние армянского ремесла на гончарные технологии в Золотой Орде.

С другой стороны, армяне испытали весьма значительное этнокультурное влияние со стороны монголов, тюрков, греков, итальянцев, русских и других народов Золотой Орды. Весьма распространённым в армянской среде стало

использование арабского алфавита, особенно в эпиграфике, а также тюркской лексики в личных именах. Наиболее ярким примером тюркского влияния (вплоть до языковой ассимиляции) является переход отдельных армянских общин на тюркский (кыпчакский) язык при сохранении армянской графики письма. По-видимому, армяне подверглись мощному воздействию тюркского языка и культуры, как и другие народы Северного Причерноморья, Крыма и, вообще, Золотой Орды. Аналогичными примерами языковой ассимиляции в золотоордынском Крыму являются крымские и литовские караимы (иудеи-сектанты, говорящие по-тюркски) и греки в Судаке, массово принимавшие тюркские имена. Кроме того, золотоордынские армяне перенимали отдельные элементы монгольского, булгарского и русского костюма. Некоторые армянские общины приняли католицизм или православие.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. № 3. С. 91.
- ² См.: *Киракос Гандзакец.* История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян; отв. ред. М. О. Дарбинян-Меликян. М., 1976. С. 178, 179, 196.
- ³ Там же. С. 224–226; *Микаелян Г. Г.* История Киликийского Армянского государства. Ереван, 1952. С. 308, 328.
- ⁴ См.: Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 113.
- ⁵ См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. Новая серия : в 74 т. Т. VIII. 1956; *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму // Исторические связи и дружба Украинского и Армянского народов : сб. материалов Второй укр.-арм. науч. сессии. Киев, 1965; *Корхмазян Э. М.* Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.). Ереван, 1978; *Домбровский О. И., Сидоренко В. А.* Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978. С. 55–78; *Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И.* Религия в Золотой Орде : учеб. пособие для студ. ист. фак. Саратов, 1998. С. 57–58, 72–74.
- ⁶ *Меликсет-Бек Л. М.* Из истории армяно-украинских отношений // Исторические связи и дружба Украинского и Армянского народов : сб. материалов украино-армянской научной сессии. Ереван, 1961. С. 50; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР : в 187 вып. Вып. 17. М.; Л., 1950. С. 36; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. СПб., 1887. С. 34–35; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным территориям (XIV–XV вв.) / сост., рус. пер., введ. и примеч. Т. Э. Саргсян; отв. ред. В. Е. Григорьянц. Симферополь, 2010. С. 8, 16.

- ⁷ См.: *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Заметка о происхождении Новороссийских Армян // Записки Одесского общества истории и древностей : в 33 т. Т. VI. Одесса, 1867. С. 551–552; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 47–50.
- ⁸ См.: Армянские надписи, находящиеся на Юге России // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса, 1867. С. 328–332; *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму... С. 174–175; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. М., 1964. С. 113–116, табл. XXVIII, 2; *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 113.
- ⁹ См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 169–171.
- ¹⁰ См.: *Айбабина Е. А., Бочаров С. Г.* Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. Новая серия : в 74 т. 1997. Т. 57. С. 212–213.
- ¹¹ См.: *Айбабина Е. А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001. С. 62–104; *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 69.
- ¹² См.: Устав генуэзских колоний в Чёрном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 652, 655, 674, 695, 731; *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 109–111.
- ¹³ См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 111–112.
- ¹⁴ См.: *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Указ. соч. С. 552; *Домбровский О. И.* Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды / гл. редкол.: И. И. Артеменко. Киев, 1986. С. 525.
- ¹⁵ См.: *Данилова Э. В.* Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // Феодальная Таврика : материалы по истории и археологии Крыма / отв. ред. С. Н. Бибииков. Киев, 1974. С. 210–211.
- ¹⁶ См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 54–55.
- ¹⁷ См.: *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму... С. 175.
- ¹⁸ См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 116–117.
- ¹⁹ См.: Заметки XII–XV вв., относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом Синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 598, 603, 609; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес... С. 36; *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды... С. 113.
- ²⁰ См.: *Март Н. Я.* Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Известия археологической комиссии : в 66 вып. Вып. X. 1904. С. 107; *Соколова К. Ф.* Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года // Херсонесский сборник : в 18 вып. Вып. V / отв. ред. С. Ф. Стржелецкий. Симферополь, 1959. С. 73–74; *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес... С. 36.
- ²¹ См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес... С. 36–37.
- ²² См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 116.
- ²³ См.: *Кеппен П.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 181.

- 24 См.: Армянские надписи, находящиеся на Юге России... С. 325–326.
- 25 См.: *Якобсон А. Л.* Крым в Средние века. М., 1973. С. 105.
- 26 См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 176.
- 27 См.: *Кеппен П.* Указ. соч. С. 28.
- 28 См.: *Кирилко В. П.* Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине : в 5 вып. Вып. 1. Симферополь, 2008. С. 35–38 ; *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 67–69, 221 ; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 55.
- 29 См.: Армянские надписи, находящиеся на Юге России... С. 327–328; *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды... С. 113; *Восканян В. К.* Древняя Русь и Украина в судьбах армян // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван, 1961. С. 69.
- 30 См.: *Кучук-Иоанесов Х. И.* Сведения и заметки о старинных армянских рукописях и армянских надписях, находящихся в пределах России (с 20 снимками) // Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества : в 5 т. Т. IV / под ред. А. Е. Крымского. М., 1913. № 3. С. 11.
- 31 См.: *Емельянов Л.* Путешествие Гильбера де Ланнуа в восточные земли Европы в 1413–1414 гг. и 1421 г. // Университетские известия. Киев, 1873. № 8. С. 40–45; *Хачикян Л. С.* Новые материалы о древнеармянской колонии Киева // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван, 1961. С. 117.
- 32 См.: *Фомичёв Н. М.* Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака-Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова : в 12 вып. / ред. А. А. Горбенко. Азов, 1994. Вып. 2. С. 13 ; *Волков И. В.* Армяне // История татар с древнейших времён : в 7 т. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV вв. / гл. ред. : М. Усманов, Р. Хакимов. Казань, 2009. С. 391–392 ; *Масловский А. Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. : в 28 вып. Вып. 21 / отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 2006. С. 336–337.
- 33 См.: *Волков И. В.* Хачкар с города Маджары // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея : в 12 вып. / гл. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир ; М., 1996. Вып. 2. С. 213–214.
- 34 См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... 1956. С. 58.
- 35 См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 61–268.
- 36 См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 117.
- 37 См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 13–17.
- 38 См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 169.
- 39 См.: *Golubovich G.* Bibliotheca bio-bibliografica. Della Terra Santa dell'Orient francescano. Т. II. Quaracchi, 1913. С. 443–445.
- 40 См.: *Богданова Н. М.* Церковь Херсонеса X–XV вв. // Византия. Средневековье. Славянский мир / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1991. С. 39.
- 41 См.: *Григорьянц В. Е.* О некоторых вопросах истории армян Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8. С. 158.
- 42 См.: Заметки XII–XV вв., относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре... № 47. С. 603 ; № 88. С. 609.
- 43 См.: Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, Вардапетом Айриванским // Труды Восточного отделения Русского археологического общества : в 22 т. Т. 14. СПб., 1889. С. 392, 395–396, 398, 408.
- 44 См.: *Орманиан М.* Армянская церковь. Её история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература. Её настоящее. М., 1913. С. 158–159.
- 45 См.: *Киракос Гандзакеци.* Указ. соч. С. 290 ; *Кучук-Иоанесов Х. И.* Указ. соч. С. 20 ; *Орманиан М.* Указ. соч. С. 158–159 ; *Weitenberg J.* Armeniërs en Jeruzalem // Groniek. Historisch Tijdschrift. № 165. Jeruzalem, 2004. P. 521.
- 46 См.: *Петросян Е.* Армянская Апостольская Святая Церковь. Епархия Юга России Армянской Апостольской церкви. Краснодар, 1998. С. 40–47.
- 47 См.: *Аннинский А.* История армянской церкви (до XIX в.). Кишинёв, 1900. С. 237.
- 48 См.: *Петросян Е.* Указ. соч. С. 40–47.
- 49 См.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... № 31. С. 106; № 32. С. 107; № 33. С. 108; № 49. С. 125–126; № 61. С. 140–141; № 92. С. 176.
- 50 *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона. Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 71.
- 51 См.: *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму... С. 175.
- 52 См.: *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Указ. соч. С. 550–551 ; *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму... С. 176.
- 53 См.: *Кеппен П.* Указ. соч. С. 135–136.
- 54 См.: *Golubovich G.* Bibliotheca bio-bibliografica. Т. III. Quaracchi, 1919. С. 45–46 ; *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Указ. соч. С. 550–551 ; *Микаелян В. А.* Когда и как возникли армянские поселения в Крыму... С. 176.
- 55 См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 171–172, 185–191.
- 56 См.: *Якобсон А. Л.* Крым в Средние века... С. 119.
- 57 См.: *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 172–173.
- 58 Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... № 95. С. 179–180 ; № 105. С. 190.
- 59 См.: *Орбели И. А.* Проблема сельджукского искусства // Третий (III) международный конгресс по иранскому искусству и археологии. (Ленинград. Сентябрь. 1935 год) / гл. ред. академик И. А. Орбели. М. ; Л., 1939. С. 150–154 ; *Арутюнян В. М.* Каменная летопись армянского народа. Ереван, 1985. С. 103.
- 60 См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес... С. 36–41 ; *Якобсон А. Л.* Крым в средние века... С. 124 ; *Башкиров А., Боданинский У.* Памятники Крымско-Та-

- тарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток (Журнал в 29 книгах). Кн. 8–9. М., 1925. С. 298–302.
- ⁶¹ См.: *Кеппен П.* Указ. соч. С. 17, 20.
- ⁶² См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым... С. 106–108; *Домбровский О. И.* Средневековый Крым... С. 521. Рис. 1–4.
- ⁶³ См.: *Бороздин И. Н.* Солхат // Новый Восток. Кн. 13–14. М., 1926. С. 286; *Бороздин И. Н.* Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму (Работы археологической экспедиции 1926 года) // Новый Восток. Кн. 16–17. М., 1927. С. 270, 273.
- ⁶⁴ См.: *Башкиров А., Боданинский У.* Указ. соч. С. 298–302.
- ⁶⁵ См.: *Меликсет-Бек Л. М.* Указ. соч. С. 48–50; *Восканян В. К.* Указ. соч. С. 64; *Хачикян Л. С.* Указ. соч. С. 110–112; *Лукевич Е. А.* Памятники армянской культуры во Львове // Исторические связи и дружба Украинского и Армянского народов. Ереван, 1961. С. 122.
- ⁶⁶ См.: *Хачикян Л. С.* Указ. соч. С. 110–120.
- ⁶⁷ См.: *Гаркавец А. Н.* Кыпчакское письменное наследие : в 3 т. Т. I. Каталог и тексты памятников армянским письмом. Алматы, 2002.
- ⁶⁸ См.: *Григорян В. Р.* История Армянских колоний Украины и Польши (Армяне в Подолии). Ереван, 1980. С. 5–40; *Гаркавец А. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 5–12, 20–27.
- ⁶⁹ См.: *Георгия Пахимера* история о Михаиле и Андронике Палеологах тринадцать книг. Т. I. Царствование Михаила Палеолога (1255–1282) // Византийские истории, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии в 10 книгах. Кн. 8. СПб., 1862. С. 316–317.
- ⁷⁰ См.: *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Указ. соч. С. 552; Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 47–50.
- ⁷¹ См.: *Карпов С. П.* От Таны в Ургенч : эти трудные дороги средневековья // Средние века : в 76 вып. М., 2000. Вып. 61. С. 221–222.
- ⁷² См.: Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. XV. М., 1965. С. 57.
- ⁷³ Там же. Т. XI. С. 6.
- ⁷⁴ См.: *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес... С. 112–114; *Якобсон А. Л.* Армянская средневековая архитектура в Крыму... С. 178–187; *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 136–137; *Волков И. В.* Армяне в Золотой Орде (археологические свидетельства) // Проблемы взаимодействия национальных культур. Межэтнические взаимодействия в полиэтничном регионе : в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Е. М. Пигарёва. Астрахань, 1995. С. 25–26.
- ⁷⁵ См.: *Крамаровский М. Г.* Гончар-арменин из Сарая ал-Джедид // Труды Государственного Эрмитажа : в 78 т. Т. XIX. Л., 1978. С. 102–105; *Крамаровский М. Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда : история и культура. Каталог выставки / под общ. науч. ред. М. Б. Пиотровского. СПб., 2005. С. 119; *Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. Алматы, 2001. С. 240.
- ⁷⁶ См.: *Смирнов А. П.* Армянская колония города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР : в 187 вып. № 61; Труды Куйбышевской археологической экспедиции : в 2 т. Т. II. М., 1958. С. 357; *Носкова Л. М.* Мозаика и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья / под ред. А. П. Смирнова и Г. А. Федорова-Давыдова. М., 1976. С. 26–28; *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 164–166; *Зиливинская Э. Д.* Монументальное строительство в городах Золотой Орды : дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 69, 92, 98, 128, 157.
- ⁷⁷ См.: Памятники Куликовского цикла / под ред. акад. Б. А. Рыбакова. СПб., 1998. С. 30, 65, 254.
- ⁷⁸ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 41; № 84. С. 167; № 91. С. 175; № 94. С. 178.
- ⁷⁹ Там же. № 77. С. 158–159.
- ⁸⁰ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937. С. 264–265.
- ⁸¹ См.: *Кубанкин Д. А.* Армяне в золотоордынских городах Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края : в 12 вып. / под ред. А. И. Юдина. Вып. 12. Саратов, 2014. С. 173.
- ⁸² См.: *Айвазовский Гавриил, архимандрит.* Указ. соч. С. 552.
- ⁸³ См.: Шпилевский С. М. Древние города и другие Булгарско-Татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 226–228, 239–240, 247–253; *Миллер Б. В.* Об армянских надписях в Болгарах и Казани // Известия Государственной Академии Истории материальной культуры : в 14 т. и 139 вып. Т. IV / гл. ред. Б. Фармаковский. Л., 1925. С. 65–77; *Смирнов А. П.* Волжские Булгары // Труды Государственного исторического музея : в 201 вып. Вып. XIX. М., 1951. С. 59–60, 179, 185–191; *Смирнов А. П.* Армянская колония города Болгара... С. 330–359; *Смирнов А. П.* Волжская Болгария // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С. А. Плетнёва. М., 1981. С. 209–210; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / отв. ред. А. Х. Халиков. М., 1981. С. 38.
- ⁸⁴ См.: *Смирнов А. П.* Армянская колония города Болгара... С. 343–344, 350.
- ⁸⁵ Там же. С. 331, 354–357.
- ⁸⁶ См.: *Миллер Б. В.* Указ. соч. С. 65–77.
- ⁸⁷ См.: *Крамаровский М. Г.* Гончар-арменин из Сарая ал-Джедид... С. 102; *Крамаровский М. Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. С. 75; Свод армянских памятных записей относящихся к Крыму... С. 31–32, 61–62, № 3.
- ⁸⁸ Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму... С. 31–34; № 34. С. 109.

УДК 94 (470. 25) |14/15|

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПСКОВСКИХ ПРИГОРОДОВ ОПОЧКИ И СЕБЕЖА XV–XVI ВЕКОВ

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье приводятся некоторые подробности русско-литовского военного противостояния в XV–XVI вв. на южных границах Псковской земли, анализируются источники о походах литовского князя Витовта и гетмана Константина Острожского к псковскому пригороду Опочке. Особое внимание уделено судьбе Опочки и Себежа в заключительный период Ливонской войны, во время похода польского короля Стефана Батория к Пскову. Впервые представлен полный список воевод Опочки и Себежа за период от окончания Ливонской войны до начала Смутного времени.

Ключевые слова: Стефан Баторий, Ям-Запольское перемирие, Псковские летописи, Рейнгольд Гейденштейн, Станислав Пиотровский, Л. И. Софийский.

The Unknown Pages of the History of Pskov suburbs of Opochka and Sebez in the XV–XVI Centuries

Ya. N. Rabinovich

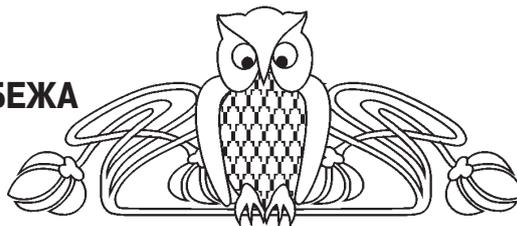
The article gives some details of the Lithuanian-Russian military confrontation in the XV–XVI centuries on the southern borders of the Pskov land, analyzes the sources of the campaigns of the Lithuanian Grand Duke Vitovt and Hetman Konstantin Ostrozhskiy to the Pskov suburb Opochka. Particular attention is paid to the fate of Opochka and Sebez in the final period of the Livonian War, during the campaign of the Polish King Stephan Batoriy to Pskov. For the first time a full list of the voivodes of Opochka and Sebez for the period from the end of the Livonian War to the beginning of the Time of Troubles is given.

Key words: Stephan Batoriy, Yam Zapolskaya armistice, Pskov chronicles, Reinhold Heidenshtein, Stanislaw Piotrowskiy, L. I. Sophiyskiy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-262-269

Город Опочка был основан псковичами вскоре после трагических событий 1406 г. В этот год литовский князь Витовт разорил южный псковский пригород Коложе, находящийся недалеко от места будущей Опочки.

Этот поход князя Витовта описан в Псковской первой летописи: «*Месяца февраля в 5 день, на память святых мученицы Агафьи, первое прииде на Коложскую волость на Фарисееве недели в пятюк: овых исече, а инья поведе в свою землю, а всего полону взяше 11 тысящ мужей и жен и детей, опроче сеченых*». После Коложе Витовт устроил настоящий погром в районе Вороноча, там «*наме-*

таша рать мертвых детей две ляди». Псковичи во главе с посадником Георгием Филипповичем Козачковским двинулись в погону за литовцами. В этом походе участвовали жители Изборска, Острова, Вороноча и Велье. В результате этой погони враг был настигнут в районе Великих Лук и потерпел поражение. При этом псковичи сумели отнять Коложский стяг и захватить множество пленных: «*Того же месяца февраля в 28 день, на память святого мученика Нестора, Гюргий посадник Псковский, сын Филипов Козачкович, подым с собою мало дружины Пскович, охочих людей, Семен с Изборяны, и Островичи, и Вороночани, и Вельяне, шедше повоеваша Ржеву, а на Великих Луках стяг Коложский взяша и полону много приведоша*»¹.

После этого разорения литовцами крепость Коложе больше не восстанавливалась. Она находилась в 11 верстах от современной Опочки, недалеко от озера Коложе, на правой стороне от дороги, идущей от Опочки к Новоржеву.

Прошло 8 лет, и в 1414 г. псковичи приняли решение построить новую крепость несколько западнее городища Коложе. В Псковской второй летописи под 6922 г. говорится: «*Псковичи поставиша град Коложе на новом месте на Опочке, а сделаша весь у две недели в осень по Покрове*». В Псковской первой летописи уточняется: «*Лета 6922. Псковичи поставиша город на Опочке, над Великою рекою; начаша делати за неделю по Покрове, а сделаша 2 недели весь*»².

Такая поспешность строительства этой крепости (в две недели) объясняется новой угрозой со стороны все того же Витовта, который в том же 1414 г. захватил находящийся южнее Опочки другой псковский пригород Себеж. Это первое упоминание о Себеже относится к польскому хронисту М. Стрыйковскому, который писал, что в 1414 г. Витовт, «идя к Дриссе против псковитян, взял и сжег» Себеж³.

Для строительства новой крепости псковичи выбрали удобное место. Там, где река Великая делает крутой поворот на запад, а затем на север почти под прямым углом, псковичи прорыли ров по направлению к северо-западу и соединили этот новый рукав с руслом реки. Это было возвышенное место, сюда же на остров нанесли землю, в результате чего получился насыпной вал, который быстро был обнесен деревянными стенами с бойницами. Получилась внушительная крепость, которая в XV–XVI вв. не раз сумела доказать свою

высокую обороноспособность, успешно отражая многочисленные атаки врагов.

В крепости была сразу же построена новая церковь св. Спаса. В Псковской первой летописи вслед за известием о построении Опочки говорится: *«Того лета поставлена бысть церковь новая святой Спас в Пустыню»*⁴. Обычно в практике строительства крепостей того времени существовало такое правило: на том месте, где планировалось строительство крепости, сначала ставились первые венцы будущей церкви, это место «на Пустыню» освящалось, затем начиналось строительство укреплений, которое продолжалось одновременно с возведением данной церкви.

Через 12 лет после строительства крепости защитники Опочки с честью выдержали первый экзамен на прочность. Все тот же литовский князь Витовт потерпел 1 августа 1426 г. под Опочкой неудачу. Он вынужден был прекратить осаду крепости и двинуться далее на север к Вороночу. В Псковской первой летописи отмечено, что Витовт пришел *«месяца августа в 1 день, в четверк ... прииде преже к городу Опочке и лезше усердно к городу велми, а опочане с ними бишася искрепка, а Бог им святой Спас помогаше ... много бо рече побииша Опочани Литвы и Немец и Тотар, а Опочан Бог блюдяше; и он неверный поиде опором к городу, а много голов своєю рати остави, а стоял под Опочкою два дни и две ночи. И в суботу рано поиде к Вороночу»*. Прибытие Витовта к Вороночу летописец относит к понедельнику 5 августа⁵.

Некоторые исследователи писали об иконе Спаса, которую прострелили литовцы во время крестного хода защитников, после чего на врагов напал страх, и они в панике отступили от крепости. Многие историки отмечали хитрость защитников, которые подрезали веревки у моста, после чего враги попадали в ров на колья. Среди них – первый историк города Опочки Л. А. Травин, митроп. Евгений, Н. М. Карамзин и др. Некоторые отмечали жестокое отношение опочан к пленным (Н. И. Костомаров, И. П. Бутырский, Л. И. Софийский). И. П. Бутырский, скептически относясь к данным известиям о неслыханной жестокости псковичей, указывал, что эти сведения имеются *«лишь в Никоновской летописи»*, об этом якобы говорит *«только один Никоновский летописец..., а лучше всего одному свидетелю – Никоновскому летописцу в этом случае не верить»*. Л. И. Софийский, также считал, что существует лишь один источник о хитрости и зверствах псковичей (Никоновская летопись), однако предпочитал верить этому источнику⁶.

Стоит отметить, что данное известие имеется не только в поздней Никоновской летописи, но и в составленном намного ранее Никоновской летописи Московском летописном своде конца XV в. Этот летописный свод был впервые опубликован лишь в середине XX в., о нем, по-видимому, не знали И. П. Бутырский и Л. И. Софийский.

К сведениям московских летописцев о расправе опочан над пленными следует относиться с осторожностью⁷. Что касается иконы Спаса, то в Опочке к тому времени действительно уже существовала церковь Спаса-Преображения. Следует отметить, что через два года после данных событий в 1428 г. по просьбе жителей Опочки с этой иконы был написан список, на котором изображены преподобные Далмат и Фавст, память которых отмечается именно 3 августа (день отступления Витовта от Опочки). На данном списке иконы в 1554 г. по указанию священника Спасской церкви Мины Михайлова (не отец ли будущего священника церкви св. Сергия Радонежского в Опочке Ивана Минина?) была сделана пояснительная надпись на прикрепленной серебряной пластинке, где говорится о поражении Витовта. Здесь же уточняется, что решающий штурм крепости происходил в субботу с утра до ночи. Из данной записи известно, что в 1428 г. в Опочке были старостами Семен Колосов и Федор Глина, а посадниками – Прокопий Маков, Тимофей Поткин и Зиновий⁸.

В дальнейшем набеги литовцев и орденов немцев на Опочку происходили неоднократно. Уже в 1427 г. от рыцарей Ливонского ордена пострадали опочечские бортники, были разорены земли в окрестностях Опочки. Псковский летописец отмечал: *«Того же лета Немци убиша шесть человек бортников, убиша на нашей земли, а инии Немци к Опочку вверх Уске (?), а посекише и пожгоша все на миру и на крестном целованыи невернии»*. 5 сентября 1441 г. Опочка была вся уничтожена в результате пожара (пожар начался от церкви св. Спаса), однако уже осенью того же 1441 г. псковичи быстро восстановили крепость под руководством псковского посадника Тимофея Поткина⁹.

В тяжелые для псковичей 1501–1502 годы, когда Русское государство вело одновременно войну с Литвой и Орденом, Псковская земля как союзник Москвы подверглась нападению обоих врагов. В Псковской первой летописи отмечено: *«Того же времени Немцы с Литвою совокупишася, и быти было им вместе подо Псковом, и пан Черняк не поспел, под Опочкою услышил, что Немцы выжгли Остров, а Литва мало не взяли Опочки, святой Спас ублюде»*¹⁰. Таким образом, целью похода литовцев был Псков, где они должны были соединиться с войсками магистра, а по пути они осаждали Опочку. Возможно, что эта задержка под Опочкой не позволила литовцам соединиться вовремя с немцами, а после прибытия к Пскову талантливого полководца Даниила Щени русские войска начали наступление на земли Ордена.

Во время очередной русско-литовской войны 1512–1523 гг. Опочка сыграла важную роль. Сюда в Опочку в феврале 1515 г. возвращались после успешного похода в литовскую землю русские войска воевод Ивана Шамина и Юрия Замятнина, отправленные на помощь псковскому наместнику

Андрею Васильевичу Сабурову и дьяку Мисюрю Мунехину¹¹. В 1517 г. сам литовский гетман Константин Острожский потерпел поражение под Опочкой. Эта борьба за Опочку, по мнению Д. Володихина, «хотя и малоизвестная, но по-настоящему героическая страница в истории московско-литовских войн» (на самом деле – хорошо известная со времен Н. М. Карамзина)¹².

Псковские летописцы подробно описывают данный сюжет, указывая имена литовских военачальников, а также русских воевод во главе с наместником Василием Михайловичем Салтыковым-Морозовым. Приведем текст Псковской летописи, где дается точная хронология данных событий, начиная с прибытия литовских войск 20 сентября 1517 г. (эта хронология важна для выяснения, какие именно храмы были позже построены в честь данной победы): «И биша град Опочку пушками, и полезоша ко граду со всеми силами и со всеми своими замышленми месяца Октября в 6, от утра и до вечера, тогда бысть день вторник, и много своих голов под градом под Опочкою покладоша князи и бояре; а град Опочку Спас ублюде Преображение, молитвами святых Богородица, и святого чудотворца Николы, и святого чудотворца Сергия, и святых мученицы Парасковии нарицаемая Пятницы, и отоидоша от града от Опочки посрамлени со многим студом, месяца октября в 18 день, на Лукин день; тогда же бысть день воскресение». Аналогичная информация содержится в Софийской первой летописи¹³.

Наиболее подробные сведения, связанные с боевыми действиями, развернувшимися в районе Опочки (но без точной хронологии), можно найти также в Софийской второй летописи. Здесь уточняется, что защитники крепости во главе с воеводой и наместником В. М. Салтыковым «боряхуся против их королева войска крепко, и на приступех из пушек и из пицалей и катки болише и слоны с города побиха многое множество людей королева войска, яко и Великую реку от всех сторон града запрудиха трупы людскими и кровию людскою река аки быстрыми струями потече, и воеводу их большого Лядской рати Сокола убиха и знамя его взяша»¹⁴.

Более подробно эта осада Опочки Константином Острожским описана в Степенной книге царского родословия, составленной митрополитом Макарием, который в 1520-е гг. был архиепископом Новгородским и Псковским, поэтому хорошо знал о событиях, произошедших в этих местах несколько лет назад. Некая жена во сне увидела преподобного Сергия, который указал ей место внутри крепости, где находятся боеприпасы, которые вскоре так пригодились осажденным при отражении вражеского штурма¹⁵.

Об этих событиях сообщает также Житие Сергия Радонежского, куда в середине XVII в. Симоном Азарьиным было включено сказание «Чудо преподобного Сергия чудотворца о преславной победе на Литву у града Опочки»¹⁶.

В период этих боев под Опочкой некоторые знатные русские воины были захвачены в плен Константином Острожским. Известны имена этих пленников, которые продолжали находиться в Литве и после заключения перемирия в 1526 г.

Среди них – отправленные сначала в Слоним, а затем переведенные в Каменец новгородец Ен (Иван) Федоров сын Мусоргского, пскович Злоба Воронцов сын Поливанова (он же Злоба Григорьев сын Воронцов), сын боярский Иван Семенов сын Срезнева, а также дворецкий псковского наместника Андрея Васильевича Сабурова Семен Захарьин сын (он же – Семен Некрасович или Семен Некрасов).

Еще четверо пленников, взятых под Опочкой, содержались в Троках (Федор Гаврилов сын Неплюев, братья Константин и Гаврила Даниловы дети Холоповы, Нефед Юрьев сын Шербинин). В Ковне находились четыре пленника, пойманных под Опочкой (Федор Новосильцев, Алексей Клеопин с двумя сыновьями, Василием и Нечаем)¹⁷.

Имперский посол в Россию Сигизмунд Герберштейн хорошо знал о событиях, происходивших под Опочкой. В это время он находился в Москве, вел переговоры о мире, но не сумел примирить враждующие стороны. Герберштейн указывал, что поражение Константина Острожского привело к тому, что Василий III отказался заключать мирный договор с Литвой, надеясь на новые победы и уступки с литовской стороны¹⁸.

Вскоре после разгрома литовцев благодарные опочане в 1518 г. поставили в крепости церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. Одновременно здесь же была построена церковь святой великомученицы Параскевы Пятницы, память которой празднуется 28 октября. В Псковской первой летописи данная информация помещена сразу же за сообщением о разгроме Константина Острожского. Вот что об этом говорится: «В лето 7026... на Опочки две церкви поставиша, Сергия преподобного да Пятницу святую». Здесь же сообщается, что в Пскове были поставлены церкви митрополита Петра, евангелиста Луки и апостола Фомы. Позже церкви этих святых будут построены и в Опочке¹⁹.

По-видимому, вскоре после завершения этой войны, когда посад Опочки стал разрастаться к югу (тогда появился Жидовский конец и Жидовская улица), жители Опочки, помня о том, что бегство Острожского произошло «месяца октября в 18 день, на Лукин день» построили здесь церковь святого евангелиста Луки.

События последующей войны с Литвой (так называемая Стародубская война 1534–1537) мало затронули Опочку. Псковский летописец упоминает, что после успешного похода русских войск «за Двину и за Березу реку» воеводы с большим количеством пленных прибыли в Опочку, а затем именно из Опочки псковичи и новгородцы направились строить новую крепость Себеж. Здесь в Опочке в самый разгар событий под Себежем

находились новгородские наместники князь Борис Горбатый и Михаил Воронцов, а также псковские наместники князь Михаил Кубенский и Дмитрий Воронцов, «да иные воеводы»²⁰.

Теперь все внимание литовцев было обращено на появившуюся в их пределах новую крепость Себеж. Именно под Себежем происходили наиболее ожесточенные сражения на северо-западе, в том числе так называемое «Ледовое побоище под Себежем» 27 февраля 1536 г., хорошо известное историкам и местным краеведам. Теперь Себеж и другая новая крепость Заволочье надежно прикрывали Опочку с юга. Граница на западе с Орденом в это время была спокойной (Орден соблюдал перемирие). Думается, что именно в эти десятилетия (1530–1550-е гг.) посад Опочки приобрел те границы, какие мы видим по описанию 1580-х гг., которое проводили писцы Григорий Иванович Мещанинов-Морозов и Иван Васильевич Дровнин. Они на протяжении нескольких лет описывали Псков и его пригороды, включая Опочку. В результате этих описаний появилась так называемая «Подлинная писцовая книга № 355», в которой можно найти сведения о находящихся в Опочке храмах и монастырях, в том числе о церквях митрополита Петра, евангелиста Луки, апостола Фомы и их земельных владениях²¹.

После начала Ливонской войны Опочка и ее уезд не раз подвергались нападениям врага с запада и юга. Еще осенью 1558 г. войска Ордена совершили нападения на западные районы Опоческого и Себежского уездов, сожгли посад у Красного. В 1562 г., когда земли Ордена вошли в состав Литвы, теперь уже войска Великого княжества Литовского напали на Себеж и Опочку. Эти события происходили в мае 1562 г. вскоре после Николина дня (9 мая). В Псковской первой летописи говорится: «Того же лета (7070) приходили литовские люди воевати, по Николине дни, на седмой недели по Пасце, к Опочке, и хотели посад зажечи, и гражане не дали зажечи посаду, за надолбами отбилися, и многих от них постреляли с города, и они же Литва воевали по волостям, и семь волостей вывоевали, и Себежщину вывоевали, и монастыри пожгли»²².

Судя по данной записи, посад Опочки в то время был огражден надолбами, которые представляли серьезную преграду для литовцев, а внутри крепости («города») имелась многочисленная артиллерия, результативный огонь опочечских пушкарей не позволил врагу приблизиться к крепости. Косвенно о большом количестве артиллерийских орудий может служить тот факт, что по описанию в 1580-х гг. в Опочке жили более 20 пушкарей, их имена известны (для сравнения – в Саратове и Царицыне в 1620-е гг. было всего по 4 пушкаря).

В том же 1562 г. русские войска совершили ряд походов в литовскую землю, после чего благополучно («здорово») вернулись назад. Местом возвращения русских войск стала Опочка: «...и

здорово вышли на Опочку», – сообщает псковский летописец²³. Именно к этому году относится первое описание Опочки и уезда, выполненное писцом Константином Тимофеевичем Замыцким. Через 10 лет, в 1572 г., Опочка и ее уезд были описаны вторично Захарием Ивановичем Плещеевым и Алексеем Михайловичем Старым с товарищами. Эти описания не сохранились. Сведения о данных описаниях приведены в книге И. П. Бутырского, на которого ссылался в 1912 г. Л. И. Софийский²⁴.

После событий 1562 г. в последующие несколько лет Опоческий уезд иногда подвергался нападениям отдельных вражеских отрядов. Некоторое затишье на данном направлении наступило в начале 1570-х гг., когда после смерти польского короля Сигизмунда II в новом государстве Речь Посполитая (куда вошла Литва) наступило беспрерывное, боевые действия здесь были временно прекращены и продолжались только против шведов лишь в районе северной Эстонии и Карелии.

Ситуация в корне изменилась после того, как новый польский король Стефан Баторий, захватив в 1579 г. Полоцк, предпринял после этого еще два похода на Россию. Во время данных походов Опоческий уезд подвергся сильному разорению, сам город Опочка, по мнению ряда исследователей, также был захвачен поляками. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) писал, что после взятия Великих Лук отряды венгров зимовали в 1580/1581 г. вели в районе Опочки: «Венгерский корпус с артиллерией зимовал уже около Опочки... Весною занят был Красный город и Опочка, а после сего король от Заволочья двинулся в поход тремя отделениями к Острову». Судя по данному тексту, Опочка и Красный были захвачены весной 1581 г. Далее этот исследователь уточняет время захвата поляками Опочки: «1580 Польский король Стефан Баторий взял приступом Великие Луки и Опочку и оттуда прислал отряды к Заволочью и Торопцу»²⁵.

Аналогичная ситуация наблюдается с находящимся южнее Опочки Себежем. Историки не могут прийти к единому мнению, когда этот город был захвачен польскими войсками Стефана Батория в завершающий период Ливонской войны. Некоторые считают, что это произошло во время первого похода короля в 1579 г. после взятия Полоцка и Сокола. К примеру, И. И. Лагунин пишет: «В 1579 г. 50-тысячная многоязыкая армия во главе с национальным героем Польши королем Стефаном Баторием взяла Себеж и двинулась на Псков (в действительности поход на Псков Баторий предпринял через два года, в 1581 г., а в 1579 г. поляки захватили только Полоцк и Сокол. – Я. Р.). Но и на этот раз город избежал окончательной передачи Польше: по мирному договору начала 1582 г. он в который уже раз был возвращен псковичам, на этот раз опустошенный и обезлюдивший»²⁶. Такого же мнения придерживается Ю. Г. Иванов: «В 1579 г. город снова взяли войска С. Батория, но в 1582 г. он по мирному договору перешел к России»²⁷.

Другие исследователи предполагают, что взятие Себежа поляками произошло во время второго похода Стефана Батория в 1580 г., когда были захвачены Великие Луки, третьи – в 1581 г. в период похода польского короля к Пскову, причем тогда же были взяты вместе с Себежем Опочка, Красный и Остров.

Н. М. Карамзин считал, что Стефан Баторий захватил Опочку в 1581 г., а Себеж – несколько ранее (когда именно, историк не уточнял). Автор «Истории государства Российского» писал: «Услышав, что Баторий взял Опочку, Красный, Остров и на берегах Черехи разбил легкий отряд нашей конницы, воеводы (18 августа) зажгли предместье, сели на коней, велели звонить в осадный колокол». В примечаниях Н. М. Карамзин при этом ссылается на труд Р. Гейденштейна (сноска 575), хотя данной информации у Гейденштейна обнаружить автору этих строк так и не удалось. В другом месте Н. М. Карамзин так писал об условиях Ям-Запольского перемирия: «Баторий согласился не требовать с нас денег, не упоминать в записи ни о шведском короле, ни о городах эстонских (Ревеле, Нарве), возвратит нам Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Гдов и все другие псковские занятые им пригороды»²⁸. Здесь историк в примечаниях (сноска 600) приводит текст Ям-Запольского договора, составленный польской стороной (польский вариант договора). Данный текст находился во времена Карамзина в архиве МИД (Дела Польские, № 14), сейчас – РГАДА.

Обратимся к другим источникам. В разрядных записях за 1579/1580 г. одновременно указаны сразу четверо начальных людей Себежа: Федор Булгаков, Матвей Воейков (которого сменил князь Григорий Ноздреватый), Иван Благово и Константин Скобельцын. Здесь же записаны воеводы Великих Лук, Невеля, Заволочья, Опочки и Красного, в том числе в Опочке – Максим (Максак) Судимантов (варианты – Судимонтов, Судиментов)²⁹.

На следующий год (1580/1581 г.) мы уже не увидим в разрядных записях воевод Великих Лук и Заволочья, однако Себеж, Опочка и Красный по-прежнему указаны. Отсутствие воевод Великих Лук и Заволочья связано с захватом этих городов осенью 1580 г. войсками Стефана Батория. Подробности взятия поляками Великих Лук и Заволочья хорошо известны. В Себеже за этот год вновь записаны четверо начальных людей, только вторым воеводой отмечен Смерд Иванович Плещеев, остальные остались прежние (Ф. Булгаков, И. Благово и К. Скобельцын). В Опочке по-прежнему – Максак Судимантов, а в Красном – Ермола Нащокин. В 1581/1582 г. на Себеже указаны двое начальных людей – «воевода князь Федор князь Васильев сын Тюфякин да Костентин Скобельцын», а в Опочке – князь Андрей Константинович Шеховской³⁰.

Ежегодное упоминание начальных людей Себежа и Опочки может с определенной долей

вероятности указывать на то, что Стефан Баторий не захватывал эти города. На мирных переговорах в Запольском Яме поляки действительно поднимали вопрос об отдаче им Себежа, однако это еще не говорит о том, что они захватили данный город и пытались его удержать, но якобы вынуждены были вернуть его русской стороне, как считают многие исследователи.

Следует также учесть, что польские современники этих событий (Ян Зборовский, Лука Дзялынский, Рейнгольд Гейденштейн, Станислав Пиотровский и др.) ничего не пишут о взятии Опочки, как и Себежа. В дневнике С. Пиотровского от 5 июля 1581 г. отмечено, что «король намерен послать отсюда (из Полоцка. – Я. Р.) отряд в Себеж и в Опочку, но это сомнительно». В королевском лагере специально распускали ложные слухи о планируемом якобы походе к Себежу и Опочке. Окончательный план летне-осенней компании 1581 г. стал известен польским воинам лишь по прибытии короля в Великие Луки. 29 июля 1581 г. здесь «происходило тайное совещание с литовскими сенаторами: обсуждали, в какую сторону обратиться, и решили, что на Псков»³¹.

В июле 1581 г., по сведениям С. Пиотровского, русские из Себежа совершили удачное нападение на окрестности Дриссы. Поляки узнали, что гарнизон Себежа составляет 400 русских воинов. Начиная новый поход, литовские паны опасались, что оставив в тылу Себеж, они очень рискуют: «Если мы отсюда уйдем и не возьмем Себежа, то тут бывать русским»³². Здесь имеется в виду, что окрестности Полоцка, где не будет польских войск, могут подвергнуться нападению русских отрядов из Себежа. Эти сведения из дневника С. Пиотровского от 6 июля 1581 г. убедительно свидетельствуют, что Себеж, а тем более Опочка, расположенная севернее, к лету 1581 г. оставались в руках московских воевод.

Базой для развертывания польских войск летом 1581 г. накануне похода к Пскову, было Заволочье. Маршрут войска Стефана Батория проходил из Заволочья через Вороноч и Остров к Пскову. Начало данного похода указано в дневнике С. Пиотровского 3 августа. 9 августа (в Вороноче) в дневнике отмечено, что недавно русские сожгли пригород Красный, а сами с имуществом переместились в Псков. В дневнике от 15 августа записано, что взятые двое русских пленных, «вероятно, бежали из Опочки». В самый разгар осады Пскова 27 октября имеется следующая запись в дневнике: «В лесах около Опочки хватают наших курьеров, и проезд в тех местах очень опасен»³³. Данные записи заставляют с сомнением относиться к мнению исследователей о захвате Опочки и Себежа поляками.

Другой польский хронист Рейнгольд Гейденштейн более подробно разбирает планы Стефана Батория в отношении Себежа и Опочки. Он подчеркивал, что польский король после некоторых колебаний отказался осаждать Себеж и Опочку:

«Что же касается до крепостей, угрожавших с боков, то король долго колебался: нужно ли ему попробовать взять их, прежде чем отправиться в Псков, или осаду их отложить до другого времени?»

Король узнал, что русские сами разрушили Красный и Велье, вывезя оттуда все припасы. *«Остались Себеж, Опочка и Остров. Хотя Себеж оставался у левого берега Двины с тылу, и мог, конечно, мешать судоходству по этой реке, однако, так как путь к нему вел лесистыми, по большей части непроходимыми и опасными местами, то казалось лучше или оставить его до другого времени, или в случае, если бы дело между тем пришло к миру, взамен его предложить другую крепость, нежели потратить время, нужное для более важных дел, на преодоление лесов и трудностей пути и наконец на самую осаду. Опочка, как казалось, не на столько преграждала путь, чтобы нельзя было ее обойти; кроме того река Великая выше Опочки еще не была так глубока, чтобы можно было спустить по ней пушки и военные снаряды, на каковое удобство некоторые преимущественно обращали внимание; и, хотя бы она была судоходна, все-таки казалось, не следовало ради ее замедлять осады Пскова».*

Стефан Баторий решил блокировать Опочку с разных направлений – с юго-востока (со стороны Заволочья), с северо-востока (из Вороноча), с севера (из Велье) и с северо-запада (из Красного). Р. Гейденштейн писал: *«К тому присоединялось еще то, что, как полагали, можно легко воспрепятствовать всяким из нее вылазкам, наблюдая за нею из крепостей Заволочья и Воронеча. Кстати произошло и то, что около того же времени казаки укрепили в поспешной работе Красногород, покинутый Москвитянами, чтобы сделать в нем склад для добычи, добываемой в неприятельской земле. Король тотчас отправил туда несколько войска с легкими пушками и, поставив туры, приказал тщательнее укрепить место и препятствовать гарнизонам Себежскому и Опочецкому. И так, по занятии Красногорска, Заволочья и Воронеча, из коих, как казалось, легко можно было удерживать Себежский и Опочецкий гарнизон, за исключением их оставался еще один только Остров, выходивший на самую дорогу ко Пскову»³⁴.*

Скорее всего, по пути из Заволочья к Вороночу и Острову либо во время осады Пскова какой-то польский отряд фуражиров разорил посад Опочки, но крепость полякам взять не удалось. Как блокированный гарнизон Опочки сумел выдержать эту полугодовую блокаду (с августа 1581 г. по февраль 1582 г.), неизвестно.

Наиболее полный список русских городов и крепостей, захваченных поляками в конце Ливонской войны, можно найти в тексте мирного договора, заключенного в местечке Киверова Гора (Ям-Запольское перемирие), который приведен в книге Антония Поссевино. Здесь все

населенные пункты разбиты на три группы. К первой относятся города, захваченные Стефаном Баторием и удерживаемые поляками к моменту заключения перемирия (эти города и крепости в административном отношении подчинялись Москве). Отметим, что в этом списке нет Старой Руссы, видимо, поляки после сожжения этого города, в котором к тому времени не было никаких укреплений, ушли оттуда в находящийся южнее Холм, не надеясь удержать Старую Руссу (рядом в Новгороде находились крупные русские силы). Ко второй группе относятся крепости Псковской земли, захваченные поляками. А вот к третьей группе относятся те города и крепости, на которые поляки «имели виды», но так и не смогли захватить их. Именно к этой третьей группе относятся Себеж и Опочка.

Приведем текст Поссевино полностью и разобьем его для удобства на три группы: *«Нашему государю, царю и великому князю передаются те города, которые король Стефан взял из владений великого государя:*

город Великие Луки, Невель, Заволочье, а также Ржеву Пустую, города: Холм,

и кроме того, те псковские пригороды, которые король Стефан взял во владениях великого государя: Воронеч, Велью, Остров, Красное,

и то, что мог бы взять впоследствии король Стефан из псковских пригородов: Врев или Владимирец, Дубков, Выборец, Вышеград, Изборск, Опочку, Гдов, Кобылье городище и Себеж»³⁵.

В тексте договора, напечатанного Н. М. Карамзиным, и в тексте, который был опубликован в книге Поссевино, имеются существенные различия. Исследователи давно обратили внимание, что в русском и польском вариантах имеются различия в титуле Ивана Грозного. Приведем текст, опубликованный Карамзиным, и сравним его с текстом Поссевино в том месте, где говорится о городах (для удобства также разделим на три группы): *«Великий государь наш Стефан король для покою Хрестьянского велел поступитись Великому Государю Ивану Божьей милостью Государю всея Руси и Великому Князю городов, которые Государь наш взял:*

Луки Великие, Невль, Заволочье (тож Ржева Пустая), Холм, со всеми уезды и волостями;

а Псковские пригороды Вороноч, Велью Остров, Красный,

або что будет ныне после того взял изо Псков, пригородов: Врев, Володимерец, Дубков, Вышегород, Выборец, Изборск, Опочька, Гдов, Кобылье Городище и Себеж»³⁶.

Мощные крепости Изборск и Гдов враги точно не захватывали, поэтому что касается данного третьего пункта, то следует больше доверять русскому тексту у Поссевино, чем польскому тексту у Карамзина (хотя некоторые сомнения вызывают слова *«Врев или Владимирец»* – это ведь разные городки). Если говорить о правильности фраз *«Заволочье, а также Ржеву Пустую»* и *«Заволочье*

(тож *Ржева Пустая*)», то данный вопрос требует отдельного изучения.

В завершение данного небольшого очерка укажем начальных людей Опочки и Себежа, за период от окончания Ливонской войны до начала Смутного времени (примерно 20 лет), которых удалось выявить по данным разрядных книг. В книге Л. И. Софийского указан за этот период только один человек – Никифор Кокошкин (1595 г.), который нигде в разрядах не фигурирует, а затем идет сразу Иван Бороздин (1614 г.)³⁷.

Что касается начальных людей Себежа, то в исторической литературе к настоящему времени отсутствует список этих людей (в справочнике А. П. Барсукова воеводы Себежа указаны с 1612 г.). Поэтому приведем на основании разрядных книг наиболее полный перечень начальных людей этого города.

После окончания Ливонской войны в течение 1582–1584 гг. мы видим на Опочке князя А. К. Шаховского (в 1584 г. он записан как голова). В 1585 г. на Опочке находятся уже воевода князь И. Щепин-Ростовский и наместник Ф. Лихарев (именно о нем писали писцы Мещанинов-Морозов и Дровнин). После Ф. Лихарева короткое время начальным лицом на Опочке в 1586 г. был голова М. Перетрутов. Начиная с 1587 г. на протяжении трех лет на Опочке указан наместник В. А. Квашнин (1587–1589 гг.). Во время очередной русско-шведской войны 1590–1595 гг. начальные люди на Опочке менялись ежегодно. Ими были осадные головы (или просто головы) С. Карповский, затем М. Шишкин, Д. Л. Станищев, которого вскоре отправили в Себеж, а на его место был назначен уже не осадным головой, а воеводой И. Г. Бороздин. В 1593 г. на Опочке указан наместник Б. Лихарев, переведенный сюда из Невеля. В дальнейшем этот Б. Лихарев записан на Опочке как наместник и одновременно осадный голова. Он находился в этом городе вплоть до 1596 г. В конце 1590-х гг. власть на Опочке в течение нескольких лет принадлежала осадному голове А. Ордин-Нащокину. С 1600 до 1603 г. на Опочке записан осадный голова П. Горяинов. Возможно, что он служил здесь и в первые годы Смуты.

Что касается самого южного псковского пригорода Себежа, то после Ливонской войны статус этой крепости понижается, вместо воевод в Себеж теперь назначаются головы. В 1583 г. здесь мы видим одного К. Скобельцына, который за время своей службы в Себеже на протяжении почти десяти лет «пережил» многих своих начальников. В 1584 г. в Себеж назначен голова Юрий Васильевич Дмитриев, а его помощником – К. Скобельцын. Теперь в Себеже две головы, в одной из разрядных записей указан не Константин, а Захар Скобельцын. Вскоре Юрия Дмитриева сменил Никита Григорьевич Бороздин (К. Скобельцын у него остался помощником). В 1585/1586 г., когда страна стояла на пороге очередной войны с Польшей, в пограничный Себеж в прибавку к Н. Г. Бороздину

и К. Скобельцыну был направлен В. Квашнин. К. Скобельцын оставался вторым головой и при новом начальнике Л. А. Окуневе.

Вскоре умер злейший враг России король Стефан Баторий. Теперь опасности войны с Польшей больше не было, и мы видим в Себеже только одного начальника – голову Л. А. Окунева. После него начиная с 1590 г. головы в Себеже сменялись ежегодно (В. Нащокин, Ф. Лихарев, М. Скудин, Д. Л. Станищев, И. Нечаев, В. Лодыгин). В 1597 г. на Себеже записан осадный голова Д. Воронцов, а с февраля 1598 г. уже более знатный человек – князь Иван Оболенский (не сказано, в каком статусе), которому помогал осадный голова Данила Воронцов (вновь временно в Себеже мы видим двух начальных людей). Последний раз накануне Смуты начальствующее лицо в Себеже указано в 1600–1603 гг. Это был осадный голова А. Хвостов. Возможно, он оставался в Себеже и в дальнейшем³⁸.

К сожалению, за период 1604–1612 гг. пока не удалось обнаружить в источниках сведений о начальных людях в этих южных псковских пригородах. После 1603 г. сведения об Опочке, как и о Себеже, надолго пропадают в источниках.

Примечания

- 1 Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным. М., 1837 (далее – Псковская летопись. М., 1837); Псковские летописи: Псковская первая летопись // ПСРЛ: в 43 т. СПб., 1848. Т. 4. С. 197; Ср.: Псковские и Софийские летописи: Псковская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 19. См. также: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1; М.; Л., 1955. Вып. 2.
- 2 ПСРЛ. Т. 4. С. 202; Т. 5. С. 22; Псковская летопись. М., 1837. С. 50.
- 3 Цит. по: *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков: Псковская областная типография, 2004. С. 34 (1-е изд.: Псков, 1912); *Лагунин И. И.* Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 12. Псков: Изд-во ПГПИ им. С. М. Кирова, 2000. С. 125–126.
- 4 ПСРЛ. Т. 4. С. 202; Псковская летопись. М., 1837. С. 50.
- 5 ПСРЛ. Т. 4. С. 203–204; Т. 5. С. 25; Псковская летопись. С. 58, 59.
- 6 *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 39; *Бутырский И. П.* Опыт древней истории города Опочки / изд. Н. И. Кукольника. Псков, 1879. С. 16–17.
- 7 Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 7 (М., 1965); Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 247.
- 8 *Софийский Л. И.* Указ. соч. С. 23–24.
- 9 ПСРЛ. Т. 4. С. 205, 211; Т. 5. С. 29; Псковская летопись. С. 73.
- 10 ПСРЛ. Т. 4. С. 275; Псковская летопись. С. 172–173.

- ¹¹ Софийские летописи : Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 28.
- ¹² Володихин Д. Московско-литовские войны (конец XV – середина XVI веков) // Энциклопедия для детей : в 48 т., 57 ч. Т. 5, ч. 1 (История России и ее ближайших соседей) / сост. С. Т. Исмаилова. М. : Аванта+, 1995. С. 308.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 4. С. 291 ; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. С. 28 ; Псковская летопись. С. 184–185.
- ¹⁴ Софийские летописи : Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 260.
- ¹⁵ Книга Степенная царского родословия : в 2 ч. Ч. 2 // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, вторая половина. С. 592–595 (Степень 16, гл. 11 «Чюдо преподобного чудотворца Сергия о преславной победе на Литву у града Опочки»).
- ¹⁶ Софийский Л. И. Указ. соч. С. 28–29 ; Житие преп. Сергия Радонежского. Гл. 55.
- ¹⁷ Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 155–176.
- ¹⁸ Гебберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малейна и А. В. Назаренко ; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 235–239.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 291 ; Псковская летопись. С. 185.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 4. С. 300 ; Псковская летопись. С. 187.
- ²¹ Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355 письма и меры Григория Ивановича Мещанинова-Морозова и Ивана Васильевича Дровнина : Город Опочка и его уезд. 1585–1587 гг.) // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5 (далее – Сб. МАМЮ. Т. 5). М., 1913. С. 395–417.
- ²² ПСРЛ. Т. 4. С. 311, 314 ; Псковская летопись. С. 196, 200–201.
- ²³ ПСРЛ. Т. 4. С. 314 ; Псковская летопись. С. 201.
- ²⁴ Бутырский И. П. Опыт древней истории города Опочки. С. 87, 96 ; Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. С. 59.
- ²⁵ Митрополит Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского / сост. Н. Ф. Левин, Т. В. Круглова. Псков : обл. типогр., 2009 (Псковская историческая библиотека). С. 107, 378 (первое изд. : Киев, 1831).
- ²⁶ Лагунин И. И. Историко-градостроительный очерк г. Себежа и его окрестностей. С. 130.
- ²⁷ Иванов Ю. Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2004. С. 184.
- ²⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IX, гл. V // Карамзин Н. М. История Государства Российского Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII). СПб., 1843. Стб. 194, 205 (текст) ; Стб. 128, 133 (примеч.).
- ²⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, вв. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966. С. 313.
- ³⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 320, 330.
- ³¹ [Пиотровский С.] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию // Осада Пскова глазами иностранцев : Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / пер. с польск. О. Н. Милевского ; вступ. ст. и коммент. д-ра ист. наук проф. А. А. Михайлова ; биогр. очерк Н. Ф. Левина. Псков, 2005. С. 299.
- ³² Там же. С. 276.
- ³³ Там же. С. 301, 302, 315, 403.
- ³⁴ Гейденштейн Р. Записки о московской войне / пер. И. И. Виноградов ; ред. В. Г. Васильевский. СПб., 1889. Кн. 4. С. 184–185.
- ³⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», Ливония» и др.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 183.
- ³⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. Примеч. Стб. 133 (сноска 600).
- ³⁷ Софийский Л. И. Указ. соч. С. 90.
- ³⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 338–339, 347, 358, 376, 389, 398, 411–412, 434, 458, 469, 477–478, 484, 491–492, 502, 511, 536 ; Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; под ред. В. И. Буганова : в 4 т. М., 1994. Т. 4, ч. 1. С. 11–12, 94 ; Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. М., 1975. Т. 2, вып. 1. С. 7, 174, 197 ; Разрядная книга 1598–1604 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 74, 112, 127–128, 144.

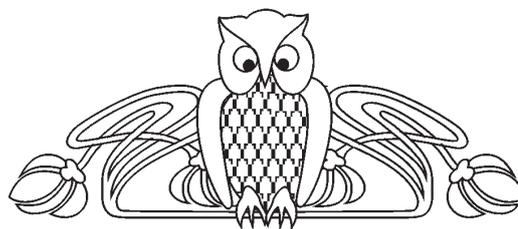
УДК 94(47).05/06+929Дидро

«ХОРОШИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ»: ОБ ИСТОЧНИКАХ СВЕДЕНИЙ Д. ДИДРО О РОССИИ

С. А. Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: mezinsa@mail.ru

Статья посвящена выяснению источников сведений Д. Дидро о России накануне его визита в Петербург. Автор анализирует сочинения и переписку философа и приходит к выводу, что Дидро

был хорошо знаком с основными произведениями европейской россики. Он вел активный обмен мнениями со своими французскими и русскими собеседниками о путях «цивилизации» России. Взгляды этих «наблюдателей» представлены автором статьи.

Ключевые слова: французская россика XVIII века, Д. Дидро, Ж. Шапп д'Отерош, А. Р. Санчес, Е. Р. Дашкова, Д. А. Голицын, цивилизация.

«Good Observers»: On Diderot's Sources of Information about Russia

S. A. Mezin

The article is devoted to the sources of Diderot's information about Russia before his visit to St. Petersburg. The author analyses works and correspondence of the philosopher and comes to the conclusion that Diderot was quite familiar with the main works of the European *rossika*. He actively shared his opinions with his French and Russian interlocutors concerning the ways of "civilization" of Russia. The names of these "observers" are ascertained by the author of the article.

Key words: French *rossika* of the 18th century, D. Diderot, J. Chappé d'Auteroche, A. R. Sanches, E. R. Dachkova, D. A. Golitsyn, civilization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-269-275

Размышляя о путях «цивилизации» России, Дени Дидро в первом издании «Истории обеих Индий» (1770)¹ поставил под сомнение результаты преобразований Петра I: «хорошие наблюдатели, которые исследуют результаты деяний, без труда разберутся в череде блестящих ошибок [Петра I], оставивших обширные области без законов, без свобод, без богатств, без населения и без промышленности»².

Один из главных вопросов, которые возникают в связи с отрывком 1770 г., – это вопрос об источниках сведений Дидро о России, о том, кого он считал «хорошими наблюдателями». Прямо или косвенно Дидро мог познакомиться с критическими замечаниями авторов начала XVIII века: Д. Перри, Ф. И. Страленберга, Ф. Х. Вебера. Негативные черты в состоянии «преображенной» Петром I России позже отмечали многие очевидцы – Ф. Локателли³, Ф. Альгаротти⁴, Ж. Шапп д'Отерош. Не весьма привлекательный образ России рисовался в известной Дидро «Истории и анекдотах о революции в России в 1762 году» К. К. Рюльера. Мимо внимания Дидро не прошло, наверное, и письмо физиократа П. П. Ле Мерсье де Ла Ривьера, которого он высоко ценил, к Рейналю, с которым Дидро прямо сотрудничал:

«Мой дорогой аббат, всё необходимо делать заново в этой стране. Ещё лучше сказать, всё необходимо разрушить и сделать заново. Вы хорошо понимаете, что невозможно, чтобы незаконный деспотизм, абсолютное рабство и невежество не посеяли бы всякого рода злоупотреблений, которые пустили глубокие корни, так как нет более плодovitого и неприхотливого растения, чем злоупотребления. Они произрастают повсюду, где их культивирует невежество»⁵.

Как видим, известный физиократ вынес суровый приговор всей предшествующей «цивилизации» России. Здесь слышится переключка со словами Фонтенеля, который в «Похвальном слове царю Петру I» аналогично характеризовал Древнюю (допетровскую!) Русь: «Всё необходимо было делать заново в Московии, там нечего было

улучшать»⁶. По де Ла Ривьеру получалось, что труды Петра I и его наследников тоже ни к чему не привели, не приблизили Россию к цивилизованному состоянию.

В 1768 г. Дидро прочитал книгу ученого-астронома аббата Шаппа д'Отероша «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году», которая наделала тогда много шума. Путешественник, пробывший в России почти полтора года, нарисовал мрачную картину русской истории и современности. Все прошлое России представлялось автору чередой тиранов, непрерывно укреплявших рабство, кровавых мятежей и войн. Автор, близкий к просветительским кругам, отмечал отсутствие третьего сословия в России. Деспотизм и рабство были для него главными отличительными чертами русского общества. Досталось и Петру I:

«Может показаться, что Пётр I создал новую нацию, но он не сделал ни малейших изменений в устройстве правительства; народ так и остался в рабстве, царь лишь укрепил его узы. Он заставил дворянство служить, всех без исключения. Из среды простого народа набирают молодых рабов, которых направляют в академии и школы: одним уготовано литературное поприще, другим – наука и искусства, без учета их таланта и склонности...»⁷ Автор не раз высказывал сомнения в том, что «эта страна станет цивилизованной».

В «Антидоте»⁸ (1770) Екатерина II попыталась опровергнуть основные положения книги Шаппа, впрочем, её доводы были не особенно убедительны.

Дидро не питал большого уважения к своему коллеге-астроному, называя его «дураком, зовущимся аббатом Шаппом»⁹. В письме к М. Гримму от 4 ноября 1771 г. философ писал об «ошибках и лжи» Шаппа¹⁰. Однако еще большую неприязнь он испытывал к «Антидоту», не подозревая о его принадлежности перу русской императрицы:

«Вот книга наихудшая по своему тону, самая мелочная по своей сущности, абсурдная по своим претензиям. Всё опровергается таким образом, будто русские – самый мудрый, самый цивилизованный, самый многочисленный и богатый народ на земле. Тот, кто опровергает Шаппа, достоин большего презрения за свою лесть, чем Шапп за свои ошибки и ложь»¹¹.

В этом отзыве заслуживает внимание вновь продемонстрированный Дидро скепсис в отношении уровня цивилизации России. Как уже не раз указывали исследователи, критике Дидро в отношении книги Шаппа не следует придавать особого значения, поскольку чтение «Путешествия в Сибирь», а также «Антидота» могло стать толчком к дальнейшим размышлениям философа о российской цивилизации, которые в некоторых случаях оказались созвучны идеям Шаппа¹².

Ценную информацию для понимания процессов, которые идут в России, могли дать Дидро беседы с русскими знакомыми.

В своем критическом отношении Дидро мог утвердиться в ходе бесед с одной из самых образованных русских женщин того времени Екатериной Романовной Дашковой¹³. По её словам, в ноябре 1770 г., будучи в Париже 17 дней, она часто встречалась с Дидро¹⁴. По свидетельству Дидро, они провели в беседах четыре вечера¹⁵. Через тридцать пять лет, описывая в мемуарах свои встречи с Дидро, Е. Р. Дашкова, конечно, могла ошибаться в подробностях. Но едва ли она ошибалась в том, что в те вечера речь шла о «рабстве наших крестьян», о «деспотизме». Беседа касалась и Петра I, которого Дашкова упрекала в усилении тирании помещиков над крестьянами.

«Однажды он заговорил со мной о рабстве, в котором, по его мнению, находятся наши крестьяне»¹⁶. Дидро полагал, что крепостное состояние не позволяет русским крестьянам стать богатыми и просвещенными. Дашкова не была сторонницей немедленной отмены крепостного права, она разделяла господствующую среди просвещенных россиян точку зрения, согласно которой крестьян следует сначала просветить, а потом освобождать. Кроме того, она пояснила Дидро существование связи между крепостным состоянием крестьян и зависимостью дворянства от воли монарха. Дашкова не без оснований полагала, что всё русское общество сковано одной цепью, и разрушение лишь отдельных звеньев этой цепи не принесёт пользы¹⁷. Утверждение автора «Записок», что она сумела убедить Дидро в правоте своей позиции, не вызывает доверия у современного биографа учёной княгини¹⁸.

Нельзя сказать, что взгляды Дашковой на реформы Петра I и последующее развитие России во всём совпадали с суждениями Дидро и Рейналя. В её высказываниях проскальзывают элементы великодержавной риторики, почти славянофильского патриотизма, сословной спеси, – всё это было чуждо французским философам. И, тем не менее, нельзя не увидеть определенного параллелизма в их восприятии «цивилизации» России. Дашкова, как и Дидро, отрицает идею Фонтенеля–Вольтера о «творце новой нации». Для неё, как и для французских просветителей, отличительными чертами деятельности Петра I были деспотизм, грубость, насилие. Указание на то, что цивилизация должна идти мирным, естественным путём, неприятие милитаризации русского общества, отрицательное отношение к Петербургу, признание неудачи образовательной политики Петра I – всё это роднило взгляды Дашковой и Дидро. Таким образом, вполне можно допустить взаимное влияние двух собеседников в понимании исторического пути России в XVIII веке.

Одним из верных источников знаний о России было для Дидро общение с доктором Антонио Рибейро Санчесом, известным врачом и ученым, прожившим в России семнадцать лет – с 1731 по 1747 г. Санчес хорошо знал Россию и русских, более того, он, как и Дидро, размышлял о ее

настоящем и будущем, проявляя интерес к теоретическим трудам физиократов и философов шотландской исторической школы. Уже в 1760 г. доктор Санчес был среди собеседников Дидро, с которыми он в гостях у барона Гольбаха обсуждал «Историю Петра» Вольтера и положение дел в России. В 1764–1771 гг. он написал целый ряд (до 20!) записок о России, в том числе собственный проект развития науки и образования в России, не просто созвучный «цивилизационным» планам знаменитого энциклопедиста, но, по-видимому, оказавший на него прямое влияние¹⁹. Медицинское образование Санчес получил в Лейдене под руководством знаменитого Германа Бургаве, который лично знал Петра I. Доктор Санчес приехал в Россию через шесть лет после смерти Петра, он был знаком со многими современниками знаменитого императора и состоял в дружеских отношениях с Я. Штелиным, который собирал анекдоты о Петре Великом (один из них повествует о встрече царя с Бургаве в Лейдене), и с М. М. Щербатовым, который был крупнейшим знатоком и издателем документов петровского времени. Д. Виллемс, специально изучавший вклад Санчеса в русскую культуру, справедливо отмечал, что Санчес относился к России в высшей степени доброжелательно, без тени высокомерного пренебрежения, свойственного некоторым западноевропейским визитерам. Однако нельзя вслед за Виллемсом признавать Санчеса безусловным поклонником реформаторских талантов Петра I, близким по своим оценкам А. Кантемиру и В. К. Тредиаковскому²⁰. За внешне уважительными высказываниями португальского врача в адрес Петра Великого просматривается отнюдь не восторженная оценка культурных новшеств петровского времени. Он справедливо полагал, что панегиристы Петра, как правило, не задумывались о «средствах и основаниях» культурной политики царя.

Проект Санчеса «О насаждении наук и искусств в Российской империи»²¹ был написан в 1765 г. для И. И. Бецкого, который был главным помощником Екатерины II в делах просвещения. При внимательном рассмотрении его текста мы видим, что это не просто предложения по реформированию Кадетского корпуса. Это целостная программа переустройства российской системы образования и науки, предполагающая серьезные изменения в общественном устройстве России. Для осуществления этой программы автор считал необходимым создать в государстве пост министра образования и искусств. Для дворян он предлагал программу изучения «гражданских наук», необходимых для управления государством, для простолюдинов – «полезных наук», направленных на обеспечение жизнедеятельности государства и общества. На первый взгляд может показаться, что автор является сторонником жесткого сословного разграничения в образовании. На самом же деле Санчес, исходя из оценки реального состояния русского общества, предполагал поставить дело

образования так, чтобы в будущем преодолеть сословные барьеры. Учить гражданским наукам (это в первую очередь мораль, право и экономика, а также логика, математика, физика, история, языки) простолюдинов, не обладающих в России правами собственности и свободы, тратить на это государственные средства, – абсолютно бесполезно. В этом можно убедиться, считал Санчес, на примере политики Петра I в области образования.

«Поскольку этот великий монарх управлял с помощью указов и благодаря своему удивительному уму и неподражаемой активности и проворству компенсировал твердые законы, он не создал и не основал никаких учреждений для образования, которое должны иметь дворяне, где они могли бы совершенствоваться в науках управления государством. Такое поведение монарха соответствовало его правилам и его манере управления, он не признавал у своих подданных ни собственности, ни свободы: в таком случае образование было излишним и бесполезным»²². Иными словами, деспотическое государство не испытывает необходимости в образованных чиновниках. И лишь такой необыкновенный монарх, как Петр Великий, мог благодаря своему гению достигнуть успехов в управлении государством. Если же такового монарха не найдется, государство может впасть в «многочисленные замешательства и беспокойства». Доктор Санчес, переживший в России эпоху дворцовых переворотов, не понаслышке знал об этих нежелательных «замешательствах».

Гораздо более стабильной, по мнению Санчеса, является монархия, которая управляется с помощью «твердых законов». Автор полагал, что именно в этом направлении движется Россия. Только в законной монархии есть смысл создавать университеты, академии, кадетские корпуса, где будут изучаться «гражданские науки». Только свободные люди могут с пользой изучать их, а в екатерининской России таковыми могут считаться только дворяне.

Что же касается простонародья, то его обучение «полезным наукам», считал Санчес, должно происходить за счет общества, а не за счет государства. Иначе было при Петре I, когда государству пришлось оплачивать потребность во врачах, механиках, архитекторах, приглашая их из Европы. «Если этот великий монарх хотел подготовить этих образованных специалистов, он должен был произвести большие затраты (может быть, бесполезные), чем в случае приглашения их из-за границы, как он и делал. Полезные науки, если бы они были учреждены в то время, не произвели бы ни малейшей пользы ни империи, ни монарху, чья непостижимая активность не сочеталась с медленной подготовкой собственных специалистов в этих науках»²³. Согласно Санчесу, изучение выходцами из простонародья «полезных наук» станет эффективным и полезным при двух условиях: в случае отмены крепостного права и роста городов, которые смогут на свои средства

содержать художников, врачей, механиков. То есть науки должны распространяться по мере развития собственности и свободы. Это должно происходить медленно, в соответствии с ростом естественных потребностей общества.

Санчес также указывал на огромную пропасть, которая разделяет в России культурный уровень столицы и провинции. Он считал, что главные учебные заведения для народа должны находиться в Москве. Он писал о необходимости интеграции завоеванных прибалтийских провинций с Россией.

Для настоящего развития культуры, полагал он, бесполезно приглашать иностранцев в Россию, бесполезно посылать взрослых людей учиться за границу, надо, чтобы Россия, исходя из своих потребностей и общественных условий, сама занималась подготовкой своих подданных, как в «гражданских», так и в «полезных» науках.

Ж. Дюлак, изучивший неопубликованные записки Санчеса, показал, что оценка преобразовательской деятельности Петра I была обязательным элементом собственных проектов португальского доктора по «цивилизации» России²⁴. В частности, в записке «Некоторые средства, позволяющие связать приобретенные провинции с Российской империей» (1765) Санчес высказал замечания в связи с завоевательной политикой России, а также по поводу «колоний», основанных Петром Великим. В деятельности царя он видел некий поворот в завоевательной политике русских монархов: от завоеваний с целью ограбления и порабощения к завоеваниям ради укрепления собственного государства и приведения своих подданных в «гражданское состояние». Например, в завоеванной Прибалтике жители сохранили все свои права и привилегии, но при этом, как замечает Санчес, царь не смог обеспечить подлинной интеграции прибалтийских провинций в составе империи.

Введение царём подушной подати Санчес рассматривал как «первый шаг, сделанный правительством по пути введения в империю гражданской свободы и собственности»²⁵. Такая оценка кажется несколько странной, ибо русские историки традиционно оценивали этот шаг, привязавший крестьян к государству и армии, как их окончательное закрепощение²⁶. Но утверждение Санчеса имеет свою логику в том смысле, что в петровское время даже частновладельческие крестьяне были накрепко привязаны своими платежами к государству, которое оказалось заинтересованным в «бережении земледельцев»²⁷.

Говоря о «колониях» Петра I, Санчес имел в виду не поселения иностранцев, а внутреннюю колонизацию: заселение русскими вновь завоеванных и пустующих окраинных земель. Автор записки «Некоторые средства» одобрял меры петровского правительства по заселению и хозяйственному освоению Юга России, Слободской Украины, Дона, Нижнего Поволжья. Продолжая традицию XVII в., правительство строило здесь

новые оборонительные линии, основывало крепости и города. Главными недостатками этой деятельности, по мнению Санчеса, посещавшего южные районы России, были насильственный характер этих мер, когда земледельцев отрывали от насиженных мест, и невозможность наладить тесные связи между центром и окраинами страны. Правительство не смогло придать провинциям страны органическое единство, чтобы сделать из России «единый народ и единую нацию»²⁸.

Таким образом, хотя Санчес и признавал исторические заслуги Петра, его собственная программа «цивилизации» России расходилась с реальной политикой «великого монарха»: он предлагал другой образ управления государством, иное социальное устройство, а также способы просвещения, противоположные мерам Петра I. Он указывал на отрицательные последствия завоевательной политики царя и на отсутствие подлинного единства в огромной империи. Эта программа не только в основных идеях, но и в частности совпадала с взглядами Д. Дидро.

Вслед за Ж. Дюлаком нельзя не заметить явного параллелизма во взглядах на проблемы России Санчеса, Дидро, а также Д. А. Голицына, которые тесно общались между собой в 1765–1767 гг. Как иронически замечал в 1767 г. М. Grimm, «этот триумvirат забавлялся тем, что два или три раза в неделю во время ужина управлял Российской империей»²⁹.

Князь Дмитрий Алексеевич Голицын – экономист и друг Дидро³⁰. Русский посол в Париже, а затем в Гааге, ученый и политик, франкофил и поклонник просветителей и физиократов, он с энтузиазмом воспринял реформаторские начинания Екатерины II 1760-х годов. В переписке со своим троюродным братом российским вице-канцлером Александром Михайловичем Голицыным он сформулировал свои предложения по реформированию России, своеобразный план её «цивилизации». Хотя Голицын не использовал это слово, речь шла о создании базовых условий для дальнейшего подъема экономики и культуры России в их тесной взаимосвязи, что в кругах, близких к Дидро, вскоре выльется в концепцию «цивилизации». Главным препятствием на пути прогрессивного развития страны князь Голицын считал крепостное право. Пока русские крестьяне не только не обладают собственностью, но сами являются собственностью господ, считал автор писем, нельзя надеяться на процветание государства. «Собственность <...> должна рассматриваться как истинная основа, как солидная база процветания государства. Без неё искусства и науки никогда не будут процветать»³¹. Путь собственности и свободы Голицын считает естественным путем развития, который при помощи хороших примеров должен быть осознан самим народом. Личная свобода и обладание хотя бы собственностью на движимость могут стать залогом подъема сельского хозяйства и внутренней

торговли, что в свою очередь будет способствовать формированию третьего сословия, без которого невозможны рост населения России, развитие городской жизни и процветание искусств и наук. «Собственность необходима для формирования третьего сословия, без которого искусства и науки никогда не смогут расцвести, ибо нельзя сказать, что они процветают там, где с помощью денег и покровительства монарха академии и университеты готовят некоторое количество художников и ученых и где лучшие художники являются иностранцами»³².

Предложения Д. А. Голицына целиком основаны на изучении исторического опыта европейских стран от средневековья до современности. Он ссылается на примеры средневековой Франции, Англии, Италии, а также указывает на происходящую отмену крепостного права в Дании³³. Исторические труды Вольтера, Юма, Мабли, Аржансона служили для него источниками фактов. Отмена крепостного права, рост населения и городов, развитие торговли, формирование третьего сословия в позднесредневековой Франции являются особенно вдохновляющим примером для князя-франкофила, высоко оценивавшего современное состояние наук и искусств на берегах Сены. Екатерина II, которая читала письма Голицына и сделала ряд критических замечаний, выразила некоторое сомнение в том, что опыт Франции годится для России, ведь «Вся Франция не составляет и половины Новгородской губернии»³⁴.

С деятельностью Екатерины II Голицын связывал и определенные политические надежды. В частности, он, как и Дидро, полагал, что Уложенная комиссия, распущенная в связи с русско-турецкой войной возобновит свою работу и станет постоянным законодательным органом³⁵.

Д. А. Голицын в своих письмах почти не ссылается на исторический опыт России XVIII века. Он слишком осторожен, чтобы указать на него как на отрицательный пример, ибо хорошо знает об официальном культе Петра I, который поддерживала и правящая императрица. Лишь негативная характеристика социально-экономического состояния России косвенно указывает на то, что Голицын не очень высоко оценивал результаты петровских реформ. Низкий уровень сельского хозяйства и торговли в стране, а также отсутствие естественных условий для развития науки и искусства для него очевидны. «Современное состояние России в отношении агрикультуры и внутренней торговли должно рассматриваться как соответствующее состоянию других стран Европы во времена феодального правления»³⁶. Кроме того, Голицын подчеркивает, что реформы следует проводить постепенно, исподволь: «Нельзя внезапно вводить новшества в государство»³⁷.

Д. А. Голицын не удержался и без почти обязательной для русских авторов XVIII в. ссылки на пример Петра I. Говоря о возможном устройстве

«передвижного» суда в случае личного освобождения крестьян, он находит поддержку в словах первого императора. «Я тем более склонен утвердиться в своем мнении, что я нахожу почти такую же идею у Петра Великого. Смотри его вновь изданный Журнал, часть 1, страница 329»³⁸. Речь идёт о «Журнале, или Поденной записке Петра Великого», изданном М. М. Щербатовым в 1770–1772 гг. Увы, на указанной странице ни о каких судебных установлениях Петра I речь не идёт.

Несомненно, общение с Д. А. Голицыным способствовало интеллектуальной подготовке поездки Дидро в Россию выработке его концепции «цивилизации» России. Однако можно усомниться, что Дидро, говоря о «хороших наблюдателях», адекватно оценивая состояние России, имел в виду именно Голицына. Этому аристократу почти не пришлось жить в России. (Примечательно, что он сам ссылаясь на мнение долго жившего в России доктора Санчеса.) Пребывание Голицына в Петербурге летом 1769 г. было скорее исключением. Это был человек, сформировавшийся во Франции.

К сказанному остаётся добавить, что «хорошими наблюдателями» могли быть для Дидро не только путешественники и очевидцы происходящих в России событий, но и мыслители, к которым автор испытывал уважение, такие, например, как Ш. Монтескье³⁹ или Д. Юм. Последний, в частности, писал о Петре I: «Последний царь был без сомнения выдающимся гением: он был проникнут любовью и восхищением к европейским искусствам. Но это ему совсем не мешало проводить во многих случаях политику Османов и силой утверждать свои абсолютистские решения, обычные для этой варварской империи, где не существует ни метода, ни формы, ни закона, чтобы умерить власть судей. Он не чувствовал, насколько этот обычай противоречил задуманному им плану цивилизовать свой народ»⁴⁰.

Все сказанное свидетельствует о том, что накануне своего путешествия в Россию Д. Дидро был хорошо знаком с произведениями европейской мысли, которые формировали его представление о далекой северной стране. Памятуя о том, что французы, побывавшие в России, как правило, не разделяли восторженного отношения Вольтера к России и её «просветителям», можно понять истоки критического настроения Дидро накануне его поездки в Петербург. Философ вел активный обмен мнениями по поводу путей «цивилизации» России со своими французскими и русскими собеседниками, не понаслышке знавшими о российской действительности.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 16-01-00083).

Примечания

¹ Принадлежность Дидро «русских» страниц первого издания «Истории обеих Индий» Г. Т. Рейналя убедительно

показана Д. Годжи: *Goggi G. Diderot et la Russie : quelques remarques sur une page de la première édition de l'« Histoire des deux Indes » // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet 1915–1990. Paris, 1991. P. 99–112.*

² (*Raynal G. T.*) *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. T. 2. Amsterdam, 1770. P. 204–205.* Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

³ (*Locatelli F.*) *Lettres Moscovites. Paris, 1736. P. 4–5.* Хотя нет прямых свидетельств знакомства Дидро с книгой Локателли, идейная перекличка их высказываний очевидна. Автор «Писем» с первых страниц заявляет о своём намерении описывать русский народ «таким, каким я его нашел, а не таким, каким его представляют другие». Локателли, сохраняя личное уважение к Петру I, объявляет его реформы неудачными. Он много раз возвращается к идее о их бесполезности. По его мнению, формы управления, заимствованные из Европы, не соответствовали деспотическому характеру власти в Московии, а также национальному характеру русских. Автор критически отзываясь о Петербурге, он отмечает нежизнеспособность русского флота и неразвитость коммерции. Осуждая стремление царя идти «гигантскими шагами», Локателли выдвигает свой вариант начала реформ, который предполагает основание не академий и кадетских корпусов, а элементарных школ. См.: *Locatelli F. Op. cit. P. 12, 50–51, 113–114, 141–142, 157, 218, 230–231.*

⁴ (*Algarotti F.*) *Lettres du comte Algarotti sur la Russie... Londres ; Paris, 1769.* Наблюдения Альгаротти, который побывал в Петербурге летом 1739 г., были одним из главных источников статей о России в Энциклопедии Дидро. См.: *Goggi G. Diderot-Raynal e Algarotti sulla Russia // Letteratura fra centro e periferia. Studi in memoria di Pasquale Alberto De Listo. Napoli ; Roma, 1987. P. 543–584*

⁵ *Бильбасов В. А.* Дидро в Петербурге. СПб., 1884. Приложение I. С. 151 (оригинал по фр.).

⁶ *Fontenelle. Oeuvres complètes. T. 1. Genève, 1968. P. 343.*

⁷ *Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761. Amsterdam, 1769 (2-e éd.). P. 339.*

⁸ См.: *Карпер д'Анкос Э.* Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша / пер. с фр. О. Павловской. М., 2005. С. 225–424.

⁹ *Diderot D. Correspondance recueillie, établie et annotée par G. Roth. Vol. III. Paris, 1957. P. 242.*

¹⁰ *Diderot D. Corr. Vol. X. Paris, 1963. P. 237.*

¹¹ *Ibid.*

¹² См.: *Mervaud M. Introduction // Chappe d'Auteroche J. Voyage en Sibérie fait par ordre du roi en 1761 // Studies on Voltaire and eighteenth century. 2004. № 3. P. 96–97 ; Goggi G. Alexandre Deleyre et le Voyage en Sibérie de Chappe d'Auteroche : la Russie, les pays du Nord et la question de la civilisation // Le Mirage russe au XVIII siècle / textes publiés par S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 77–83.*

¹³ Подробнее см.: *Мезин С. А.* Д. Дидро и Е. Р. Дашкова о «цивилизации» России // Из истории русской

- общественной мысли XVIII–XX веков : сб. науч. ст. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Н. Новгород, 2012. С. 65–72.
- ¹⁴ Mémoires de la princesse Dashkaw // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М., 1881. С. 137; *Даикова Е. П.* Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 98.
- ¹⁵ *Diderot D.* La princesse d'Ashkow // Diderot D. Oeuvres complètes / éd. par H. Dieckmann, J. Proust, J. Varlot. Paris, 1984. T. XVIII. P. 374.
- ¹⁶ Mémoires de la princesse Dashkaw. P. 138.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978. С. 48–49.
- ¹⁹ См.: *Dulac G.* Ribeiro Sanches et le développement de la Russie : le travail politique d'un médecin encyclopédiste (1764–1771) // Ici et ailleurs : le dix-huitième siècle au présent. Mélanges offerts à J. Proust. Tokyo, 1996; *Idem.* Science et politique : Les réseaux du Dr Antonio Ribeiro Sanches (1699–1783) // Cahiers du Monde russe. 43/2–3. Avril–septembre 2002.
- ²⁰ *Willemse D.* António Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave et son importance pour la Russie. Leiden, 1966. P. 111–112.
- ²¹ Опубликовано: *Willemse D.* Op. cit. P. 126–167.
- ²² Ibid. P. 132.
- ²³ Ibid. P. 140.
- ²⁴ См.: *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России (1765–1766) // Европейское Просвещение и цивилизация России / отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 264–280.
- ²⁵ Там же. С. 269.
- ²⁶ См.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1718–1728 гг. Л., 1982.
- ²⁷ Царские указы о «бережении» крестьян, см.: ПСЗ. Т. 5. № 2707, 3294, 3770.
- ²⁸ *Дюлак Ж.* Рибейро Санчес о политике колонизации и колониях в России. С. 273.
- ²⁹ *Dulac G.* Le discours politique de Petersburg // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. Octobre 1986. № 1. P. 51 (в конкретном случае речь шла о Дидро, де Ла Ривьере и Голицыне, но можно предположить и присутствие Санчеса при обсуждении этих проблем).
- ³⁰ О нем см.: *Цвирева Г. К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985; *Кучеренко Г. С.* Д. Дидро и Д. А. Голицын // Французский ежегодник. 1984. М., 1986. С. 203–219; *Dulac G., Evdokimova L.* La correspondance de Dmitri A. Golitsyn (1760–1784) // Dix-huitième siècle. 1990. № 22. С. 367–400.
- ³¹ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie (1765–1771), éd. G. Dulac // Politique et économie au temps des Lumières / textes réunis par Gérard Klotz. Publications de l'Université de Saint-Etienne, 1995. P. 119.
- ³² Ibid. P. 128.
- ³³ Ibid. P. 118–119.
- ³⁴ Ibid. P. 138.
- ³⁵ *Dulac G., Evdokimova L.* Op. cit. P. 385.
- ³⁶ *Golitsyn D. A.* Lettres sur le servage et le développement de la Russie. P. 133.
- ³⁷ Ibid. P. 149.
- ³⁸ Ibid. P. 152.
- ³⁹ См.: *Мунути П.* Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 31–41.
- ⁴⁰ *Hume D.* Essais politiques. Paris, 1972. P. 233.

УДК 94 (470.23–25) |1846| + 929 Милютин

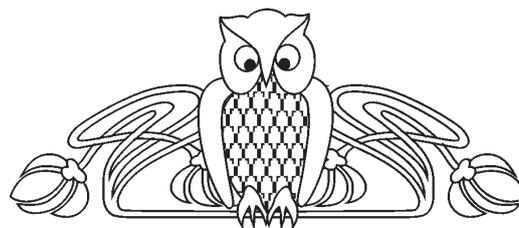
НИКОЛАЙ МИЛЮТИН И РЕФОРМА ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 1846 ГОДА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

М. В. Зайцев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zaytsev-mv@mail.ru

Статья посвящена реформе городского самоуправления Санкт-Петербурга, осуществленной в 1846 г. Рассматривается роль Н. А. Милютина в подготовке и реализации этого преобразования. Автор пытается проследить исторические последствия реформы, а также ее влияние на дальнейшую карьеру Милютина.

Ключевые слова: история России XIX в., история русского города, Н. А. Милютин, история Санкт-Петербурга, реформа 1846 года.

Nikolai Milyutin and the Reform of Municipal Self-government of 1846 in Saint Petersburg

M. V. Zaytsev

The article is devoted to the reform of municipal self-government in St. Petersburg carried out in 1846. The role of N. A. Milutin in the preparation and implementation of this transformation is considered. The author tries to trace the historical impact of the reform and its impact on Milutin's future career.

Key words: history of Russia in XIX century, history of Russian cities, N. A. Milutin, history of Saint Petersburg, reform of 1846.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-275-282

Личность Н. А. Милютин привлекает внимание исследователей уже почти полтора столетия, хотя за это время не было создано всеобъемлющего труда, посвященного деятельности этого выдающегося человека. Участие Милютин в подготовке важнейших преобразований, осуществленных российским правительством в середине XIX столетия, рассматривалось многими специалистами, но основное внимание при этом концентрировалось на его роли в крестьянской и земской реформах, а также в урегулировании положения Царства Польского¹. Эта историографическая тенденция сохраняется и в последние годы².

Гораздо меньше внимания уделялось вкладу Милютин в разработку городских реформ, первой из которых стало введение в 1846 г. «Положения об общественном управлении Санкт-Петербурга». Даже И. И. Дитятин, подробно проанализировавший в своей монографии «Устройство и управление городов России» ход работ связанных с изменением основ городского самоуправления столицы, лишь мимоходом упоминает имя их главного действующего лица³. Между тем данная сторона деятельности Н. А. Милютин представляет, на мой взгляд, не меньший интерес, чем другие.

Биография и служебная карьера Милютин изучены достаточно хорошо, поэтому имеет смысл воспроизвести лишь их основные вехи, непосредственно относящиеся к заявленной теме. Работа в центральных государственных учреждениях началась для него в 1835 г., когда будучи еще семнадцатилетним он получил назначение на должность чиновника Хозяйственного департамента МВД. Первые годы довольно низкий статус не позволял Милютину активно участвовать в каких-либо серьезных мероприятиях, и он открыто тяготился поручаемой ему «канцелярскою хриєю»⁴. Ситуация начинает постепенно меняться с 1837 г., когда его назначили представителем МВД в комиссию, возглавляемую П. И. Кеппеном, целью которой было статистическое и камеральное описание Таврической губернии. В течение года комиссия собирала экономическую и этнографическую информацию о данном регионе⁵. Поездка в Крым оказала большое влияние на развитие Николая Алексеевича. Как вспоминал Д. А. Милютин: «умственный его кругозор расширился, прежнее поэтическое настроение уступило место стремлению к деятельности на почве реальной жизни; пред ним открылся новый мир народного быта. С этого времени заинтересовался он вопросами экономическими и административными; начал заниматься статистикой, которую прежде находил сухим предметом»⁶.

Вскоре после этой командировки Милютин был назначен столоначальником, т. е. вошел в тот круг чиновников, которые согласно приписываемому Николаю I крылатому выражению реально управляли тогда Россией. С 1841 г. его положение в МВД еще больше укрепилось, так как на пост министра пришел Л. А. Перовский, по каким-то

причинам благоволивший Милютину и отличавший его среди других подчиненных⁷.

Уже с начала 20-х гг. XIX в. российское правительство негативно оценивало состояние сферы городского самоуправления и пыталось разработать меры по ее оздоровлению⁸. Довольно вялая бюрократическая деятельность в этом направлении велась много лет, не принося никаких реальных результатов. Чтобы активизировать эту работу в 1842 г. новый министр внутренних дел Л. А. Перовский создает в Хозяйственном департаменте специальное «Временное отделение для устройства городского управления и хозяйства», главой которого назначает Н. А. Милютин.

Получив столь важную миссию и штат из тридцати чиновников, Милютин сразу же поставил дело на широкую ногу. Прежде всего, отделение ознакомилось с теми проектами, которые выдвигались в предшествующие годы, пытаясь извлечь из них рациональное зерно. Затем были изучены постановления правительства в городской сфере, начиная с эпохи Петра I. Наконец, желая обеспечить успешное решение поставленной перед ним задачи, Милютин организовал планомерный сбор объективных сведений о состоянии городского хозяйства. С этой целью в 1843 г. «Временное отделение» рассылает чиновников для ревизии городского хозяйства в различные регионы России. Первоначально во имя наилучшей репрезентативности были избраны две «земледельческие» губернии (Саратовская и Воронежская), две «мануфактурные и торговые» (Тульская и Ярославская), Лифляндская, имевшая особое городское устройство, а также города Рязань, Могилев и Тамбов. Тогда же внимательному изучению подверглось городское самоуправление обеих столиц. В дальнейшем ревизии чиновников отделения охватили еще и города Смоленской, Волынской, Витебской и других губерний, а всего проверки прошли в 163 пунктах⁹.

Интересно, что во «Временном отделении» трудился довольно сильный контингент чиновников, хотя большинство из них, под стать начальнику, были людьми молодыми (не старше 30 лет) и делали только первые шаги на государственной службе. В этом составе стоит выделить И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина, впоследствии известных славянофилов (Самарину, кроме того, в будущем суждено было стать одним из активнейших деятелей крестьянской реформы, во многом благодаря поддержке Милютин). Также здесь работали К. К. Грот, сделавший потом большую государственную карьеру, и А. Д. Шумахер, который, забегая вперед, сменил в 1861 г. Милютин на посту директора Хозяйственного департамента и стал одним из главных разработчиков Городового положения 1870 г.

Под руководством Милютин в 1843 г. был составлен «План административной статистики городов», который служил основой для составления инвентарных описаний каждого российского

города. План включал следующие пункты: 1) Пространство и расположение города и его земель; 2) Население; 3) Постройки; 4) Хозяйство городских жителей; 5) Общественные заведения (учебные, кредитные, благотворительные и др.); 6) Общественные повинности; 7) Городовое управление; 8) Обороты сумм общественного хозяйства¹⁰. Для составления описаний использовались уже имеющиеся у МВД материалы, а также данные, собиравшиеся чиновниками «Временного отделения» на местах. Интересно, что таким путем центральное ведомство, помимо главных социально-экономических показателей, пыталось выяснить формальные основания, на которых то или иное поселение пользуется правами городского, и какие правительственные акты, вышедшие в прошлом, регулируют статус, общественное и хозяйственное устройство данного поселения. Собранные по отдельным городам сведения в эти годы публиковались в официальном печатном органе ведомства – «Журнале Министерства внутренних дел», в котором Милютин выполнял обязанности помощника редактора¹¹.

Сбор сведений о городском хозяйстве оказался настолько громоздким процессом, что растянулся на годы. Между тем молодому и энергичному чиновнику хотелось поскорее продемонстрировать результаты деятельности вверенного ему отделения. Поэтому Милютин решил составить проект изменения системы городского самоуправления Санкт-Петербурга, благо подробную информацию о столичном хозяйстве получить было гораздо проще. Смысл созданного им и его подчиненными плана сводился к тому, чтобы творчески переработать основы Жалованной грамоты городам 1785 г. и применить их к реальным условиям существования имперской столицы. Главной целью Николая Алексеевича было создание таких общественных установлений, которые могли бы самостоятельно распоряжаться местным хозяйством и освободили бы МВД от необходимости постоянно контролировать городские дела. При этом он не хотел полностью перестраивать муниципальную систему, а предполагал лишь «вдохнуть жизнь» в старые органы, сделать их более жизнеспособными. Для этого, в частности, требовалось привлечь к городским делам самое образованное и общественно активное на тот момент сословие – дворянство. Проект был готов уже в 1844 г., но Государственный совет, одобрив его основные начала, обязал МВД провести дополнительное редактирование документа¹².

Стоит подчеркнуть, что хотя проект по замыслу авторов должен был стать развитием Жалованной грамоты 1785 г., активное вовлечение дворян в сферу городского самоуправления составляло принципиальное новшество. Закон Екатерины II формально не исключал благородное сословие из состава городских обывателей, но на деле под таковыми понимались лишь представители «типично городских» сословий. Теперь же в состав

городского общества вводилось не только податное население Санкт-Петербурга, но и, вообще все, кто имел в столице недвижимость. Таким образом, к участию в городском самоуправлении непосредственно привлекались неподатные категории, прежде всего дворяне. В остальном проект базировался, как и екатерининский закон, на сословном начале, хотя и с большими изменениями относительно «первоисточника». Очевидно, эти изменения воспринимались Государственным советом не без труда, поскольку в 1845 г. он еще раз возвратил его на окончательную доработку в МВД¹³.

Необходимо отметить, что в эти годы Милютин не только руководил деятельностью «Временного отделения», но также принимал участие в других административных мероприятиях, связанных с подготовкой городских преобразований. С 1843 по 1845 г. он являлся членом Комиссии для начертания проектов преобразования городской судебной части, с апреля 1843 г. наблюдал за переоценкой недвижимости в Санкт-Петербурге, а в 1844 г. осуществил командировку в Эстляндскую и Лифляндскую губернии по делам вверенного ему отделения. Масштабные труды пагубно отразились на здоровье Николая Алексеевича, в связи с чем с апреля 1845 по февраль 1846 г. он находился на лечении в Германии, хотя и там продолжал изучать общественное устройство германских городов, а также прусские учреждения, относящиеся к ремесленным цехам¹⁴.

Пока Милютин находился за рубежом созданный им проект «Положения об общественном устройстве Санкт-Петербурга» прошел, наконец, все инстанции и стал законом 13 февраля 1846 г. Для введения его в действие создавалась специальная комиссия, куда был включен и Николай Алексеевич. Эта комиссия, действовавшая до 1857 г., подготовила целую серию локальных постановлений, касающихся петербургского самоуправления¹⁵.

Новая система городского самоуправления, вводившаяся в столице империи, предусматривала выборы в Общую городскую думу по пяти категориям: 1) потомственных дворян; 2) личных дворян, почетных граждан и разночинцев; 3) купцов; 4) мещан; 5) цеховых ремесленников. Каждая курия делегировала в Общую думу от 100 до 150 гласных. При этом к выборам горожане допускались, только если обладали несколькими обязательными критериями, в том числе довольно высоким имущественным цензом.

Важно, что условия и нюансы предоставления избирательных прав в данном законе были очерчены гораздо определеннее, чем в Жалованной грамоте 1785 г. Так, например, в отличие от документа Екатерины II, четко устанавливалась возможность участия в выборах женщин, которые не голосовали лично, но могли доверить свой голос родственнику мужского пола или даже постороннему лицу, если оно удовлетворяло всем

цензам. Еще одно важное новшество, введенное Положением 1846 г., состояло в отстранении от участия в городских выборах губернатора, обер-полицмейстера, чинов полиции и прокуратуры. Очевидно, таким путем авторы закона хотели уменьшить влияние администрации на ход голосования.

В Общей думе гласные формировали пять сословных отделений, и в Положении разделялись случаи, в которых заседания отделений происходили сообща и раздельно. Помимо этого, каждое отделение избирало по пять представителей в Городовое депутатское собрание со своими более узкими обязанностями, где, как и в случае с Общей думой, депутаты чаще заседали сословными группами. И сословные отделения Общей думы, и сословные группы Городового депутатского собрания возглавлялись специально избираемыми старшинами.

Исполнительные функции поручались Распорядительной думе, заменившей Шестигласную. Она состояла из городского головы, члена, назначенного коронной властью, и 12 выборных от сословий (по три от каждого, а мещане и ремесленники избирали троих сообща). Предметы ведомства Общей и Распорядительной дум практически не отличались от аналогичных, определенных Жалованной грамотой 1785 г. Кроме того, в составе муниципалитета действовали управы для каждого из податных сословий, занимавшиеся их внутрисословными делами, а также торговая полиция, хозяйственная полиция и аукционная камера¹⁶.

Положение 1846 г. носило весьма умеренный характер и было все еще проникнуто принципом сословности. Самостоятельность городских органов, как и раньше, была сильно стеснена контролем коронной администрации, которой утверждались все городские постановления, включая росписи бюджета. Тем не менее эта реформа навлекла на Милютина обвинения в радикальных взглядах, консерваторы навесили на него ярлыки «красного» и «революционера». Недоброжелателям из консервативной части бюрократической среды казалось, что новый закон «колеблет монархические начала», поскольку потомственные дворяне в общем составе гласных занимали только одну пятую часть, заседали вместе с представителями низших сословий, и сама обстановка этих заседаний (кафедра для речей, стенографирование, публичность) напоминала парламентские порядки¹⁷. Дворянство было недовольно тем, что его приравнивают в городских делах к «мужикам», считало ниже своего достоинства «обсуждать дела и вотировать на равных правах с низшими сословиями, и присутствовать в общих собраниях в такой смешанной компании»¹⁸. Интересно, что столичное купечество также поначалу встретило новое Положение неприязненно, увидев в нем ущемление своих сословных прав¹⁹. Первые же выборы на пост городского головы по новому за-

кону дали пример несовпадения общественного и царского доверия. Главным кандидатом на эту должность дума избрала Л. К. Нарышкина, которого Николай I не любил и считал либералом, поэтому утвержден был второй кандидат – купец В. Г. Жуков²⁰.

Тем не менее содержание этого закона, выработанное не одним Милютиным, а всем аппаратом МВД, неоднократно обсужденное другими ведомствами и Государственным советом, очевидно, устроило Николая I, который утвердил его 13 февраля 1846 г. Слово императора в ту эпоху преодолеvalo любые другие мнения, поэтому реформа состоялась. Правда в результате репутация Милютина несколько пострадала, несмотря на явную абсурдность обвинений в радикализме. Как будет видно далее, долгое время отголоски полученного имиджа «красного» сказывались на его карьере. Недовольство отдельными аспектами реформы, высказывавшееся некоторыми представителями правящей бюрократии и общественных кругов, затормозило дело подготовки преобразования городского самоуправления в других городах России. Не стоит забывать также и об ужесточении правительственного курса в последние годы царствования Николая I, во многом связанном с европейским революционным движением, развернувшимся с 1848 г. В такой обстановке было нереально даже помышлять о реформах хоть с каким-нибудь оттенком либерализма.

Положение Милютина в МВД, несмотря на указанные проблемы, продолжало оставаться устойчивым. С 1849 г. он являлся вице-директором Хозяйственного департамента, сохраняя в своих руках дела по городскому хозяйству. Надо сказать, что каждый министр, под руководством которого ему приходилось работать²¹, высоко ценил выдающиеся личные и профессиональные качества Николая Алексеевича. Показателен в этом отношении пример с министром Д. Г. Бибиковым. Назначенный руководить ведомством в 1852 г., Бибииков буквально с порога заявил Милютину, что, «находясь на службе государя императора, надо вести дела в духе самодержавия, а не проводить свои идеи, не согласные с монархическим правлением». Однако, познакомившись ближе и с самим Милютиным, и с петербургским Положением 1846 г., министр убедился в абсолютной несправедливости той репутации, которую поддерживали недоброжелатели. Буквально через месяц после своего назначения Бибииков сделал представление царю о производстве Милютина в следующий чин (действительного статского советника), в 1853 г. способствовал назначению его директором Хозяйственного департамента, а еще через год ходатайствовал о награждении своего подчиненного орденом Св. Станислава I степени. Когда свежеиспеченный кавалер ордена явился благодарить за полученную награду, министр заявил, что истинное место Милютина

не в Хозяйственном департаменте, а в том кресле, которое занимал сам Бибиков²².

В начале 1850-х гг. Хозяйственный департамент МВД продолжал кропотливую работу по сбору статистических сведений о состоянии городов. Имеющиеся данные были дополнены за счет извлечения некоторой информации из Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ) и разосланы по губерниям для дальнейшего уточнения. Их проверка была возложена на органы городского самоуправления, полицию, губернские правления и статистические комитеты. Интересно, что местным органам поручалось «удостоверить, все ли города, посады и местечки и вообще городские поселения исчислены в списке и верны ли указания по Полному собранию законов на разные о них постановления; о сведениях же, не вошедших в Полное собрание, приложить копии с документов (курсив мой. – М. З.)»²³. Таким образом, в эти описания попали и те юридические акты с середины XVII до XIX в., которые относились к конкретным городам, но по каким-то причинам не были включены в ПСЗ.

Эти масштабные работы продолжались до конца 1850-х гг., а на их основе были опубликованы два крупных статистических издания – «Общественное устройство и хозяйство городов»²⁴ и «Городские поселения в Российской империи»²⁵ (в составлении обоих Милютин принимал непосредственное участие). Наибольший интерес представляет второе из них, поскольку включает самые подробные результаты статистических работ Хозяйственного департамента.

После воцарения Александра II и окончания Крымской войны происходит изменение правительственного курса в сторону либеральных реформ, первой и главной из которых должна была стать крестьянская. На пост министра внутренних дел назначается С. С. Ланской, который с самого первого приема обошелся с Милютиным вежливо и по-дружески, сказав, «что деятельность его давно ему известна с отличной стороны, что иметь такого сотрудника для него лестно»²⁶. В свою очередь, и у Николая Алексеевича сложилось положительное мнение о начальнике, поэтому вся их совместная работа (1855–1861) протекала во взаимном понимании и поддержке.

По мере того как разворачивалась подготовка крестьянской, земской и других реформ, Милютин все больше отходил от вопросов городского самоуправления и хозяйства. Правда, в 1857 г. он съездил в командировку во Владимирскую и Нижегородскую губернии, где оценивал состояние местных Приказов общественного призрения и их заведений, квартирных и продовольственных комиссий, а также городских дум. Но постепенно его активность в данной сфере все больше снижалась, чему в большой степени поспособствовала весьма неприятная история, произошедшая в 1858 г.

Дело началось с того, что Городовое депутатское собрание Санкт-Петербурга решило

разослать грамоты на причисление к городскому обществу, подтверждавшие права обывателей по владению недвижимостью и участию в самоуправлении. Почти все домовладельцы приняли этот, в общем-то, формальный документ абсолютно спокойно, но нашелся один, который отказался это сделать. Н. А. Безобразов, известный в ту эпоху публицист крайне консервативных взглядов, заявил, что, «принадлежа к одному из родов древних великороссийских дворян московских, он и семья его имеют уже на это установленные грамоты, о причислении же к городскому обществу они не просили и до времени просить не желают». С его точки зрения, городское общество должны были составлять только те, кого еще Жалованная грамота 1785 г. называла «городскими обывателями в особенности» или «среднего рода людьми». Он также обратился с жалобой на действия муниципалитета к Санкт-Петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву, неприязненно относившемуся к повысившейся в результате милютинской реформы самостоятельности городских учреждений столицы²⁷. Тот переправил письмо Безобразова в думу, с «предложением» разобраться в ситуации²⁸.

Отделение потомственных дворян депутатского собрания в своем ответе, основываясь на статье закона и на инструкции, полученной от МВД, аргументированно доказало, что причисление дворян к городскому обществу никоим образом не умаляет их сословных прав. Выборные представители того же сословия, к которому относился и Безобразов, утверждали, что хотя он «и принадлежит, как он объясняет, к древнему роду великороссийских дворян, но доколе он владеет недвижимую собственностью в столице, не может находиться в исключительном к городскому обществу, против других дворян-владельцев, положении». Депутатское собрание просило Общую думу «обязать г. Безобразова подчиниться установленному порядку и принять изготовленную на имя его грамоту, при чем поставить ему на вид неуместный его поступок в отношении городского общества»²⁹.

На этом конфликт мог бы и угаснуть, но старшина дворянского отделения Д. П. Хрущев, параллельно служивший в это время в МВД, решил предать гласности жалобу Безобразова и постановление депутатского собрания по его поводу. Хотя Милютин пытался отговорить Хрущева, внушая ему, что петербургская дума и так вызывает раздражение части бюрократических кругов и не нужно дразнить их еще больше, последний не внял голосу благоразумия. По его инициативе в октябре 1858 г. «Русский вестник» под редакцией М. Н. Каткова опубликовал материал с описанием этой истории³⁰.

Обращение к прессе разозлило Безобразова еще больше, он пустил в ход свои связи в высших сферах и через Игнатьева, а также через своего близкого родственника – председателя Государ-

ственного совета кн. А. Ф. Орлова, добился рассмотрения этого дела в самом Совете министров под председательством императора. На заседании Совета обвинения ретроградов относились и к думе («Как!.. Дума не только делает оппозицию генерал-губернатору, не только самовластвует в своих распоряжениях, она еще присваивает себе гласность печати, которая не существует! Не самое ли это вредное, революционное учреждение?»), и лично к Милютину, в котором видели «создателя этого революционного учреждения и ныне главного защитника его в министерстве внутренних дел». Ланской, выслушавший претензии в том, что он терпит при себе столь неблагоняменного человека, не решился в такой ситуации заступиться за своего подчиненного. Единственным, кто осмелился это сделать, оказался министр иностранных дел кн. А. М. Горчаков, заявивший, что самостоятельность муниципальных учреждений есть норма в европейских государствах, что «особенных революционных нововведений со стороны Милютина он тут не видит и что все дело ему кажется очень преувеличено». Но на это Александр II заметил: «Напрасно заступаетесь; Милютин уже давно имеет репутацию красного и вредного человека»³¹.

Столь ясно выраженное царское мнение определило решение Совета: сделать думе выговор и создать комиссию для пересмотра Положения 1846 г. Кроме того, цензор, пропустивший в печать пресловутый материал, был отстранен от работы³².

Милютин, узнав в пересказе Ланского об отношении к нему царя, естественно был сильно обеспокоен и даже задумался об отставке. Здесь, наконец, проявил себя и министр. Не решившись защищать Николая Алексеевича на заседании правительства, Ланской поднял тему доверия к нему со стороны императора во время всеподданнейшего доклада. На вопрос Александра II: может ли он ручаться за директора Хозяйственного департамента? – министр ответил: «Как за самого себя, ваше величество». В результате царь сказал, что не видит необходимости в отставке. Еще через некоторое время, когда Милютин лично представлялся Александру II по поводу награждения орденом Владимира II степени, император принял его хоть и не очень тепло, но без какого-либо выговора³³.

Забегая вперед, нужно сказать, что Николаю Алексеевичу так и не удалось избавиться от клейма «красного» в глазах царя. С марта 1859 г. в течение двух лет он был исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел. Ланской трижды ходатайствовал об утверждении Милютина в этой должности, но не смог победить предубеждение Александра II. Когда были закончены работы по подготовке крестьянской реформы, император лично благодарил Милютина за труды. Но, признавая его «просвещенный ум», упомянул о закрепившейся за ним репутации противника дворянства. На это Николай Алексеевич

ответил, что «он не может быть противником этого сословия, потому что сам имеет честь принадлежать к нему; оно занимает первое место в России не только по привилегированному его значению, но и ввиду того, что, по образованию своему, оно стоит гораздо выше других сословий; а за сим, он, которого считают поборником просвещения, не может быть противником этого наиболее развитого сословия; все особенно полезные меры в России принимались по инициативе и при участии дворян, и, наконец, лучшие люди из их среды оказали ревностное содействие величайшей из реформ, именно – освобождению крестьян»³⁴.

Так или иначе, в конце 1858 г. Николай Алексеевич тяжело переживал все произошедшее, а решение о выговоре думе и пересмотре Положения 1846 г. воспринимал как личное поражение. Насколько известно к пересмотру закона о городском самоуправлении Санкт-Петербурга он отношения не имел, что, впрочем, вполне логично вытекало из предшествующих событий. Эта работа заняла более трех лет и Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о общественном управлении в Санкт-Петербурге» вышло только 20 марта 1862 г. Характерно, что эти изменения не носили принципиального характера, а коснулись только частных аспектов: сокращена численность гласных Общей думы до 50 чел. от каждой из пяти категорий, сокращен срок пребывания в должности городского головы с 6 до 4 лет, уточнен порядок проведения выборов и т. п.³⁵

С точки зрения политической вводимые изменения совершенно не меняли статуса городского самоуправления и не делали его менее «революционным» или менее «либеральным». Почему же противники Положения 1846 г. не добились своего? Ответ, на мой взгляд, кроется в перемене общественно-политической обстановки, которую переживала Россия на рубеже 1850–60-х гг. Полным ходом шла подготовка реформ, в связи с чем настроения общественности и власти менялись буквально на глазах. Еще в ноябре 1858 г. в Совете министров металась «громы и молнии» в адрес Милютина и его детища, а уже в январе 1859 г. московское дворянство на губернском собрании большинством в 264 голоса против 35 постановило ходатайствовать перед правительством о преобразовании состава московской городской думы по примеру петербургской, т. е. о включении тех из них, кто владел в Москве недвижимой собственностью в состав городского общества со всеми вытекающими из этого правами. В мае аналогичное ходатайство поступило из Одессы – третьего по численности населения города империи (если не считать крупнейших центров Царства Польского)³⁶. А далее потянулись с такими же просьбами и другие города³⁷.

Таким образом, само дворянство показало власти свою заинтересованность в том, чтобы стать органичным элементом городского социума

и активно участвовать в городском самоуправлении. Отменить или значительно ограничить в этих условиях Положение 1846 г. было бы просто нелепо, поэтому изменения, опубликованные в 1862 г., имели почти чисто редакционный характер. Ходатайства Москвы и Одессы были удовлетворены, и в 1862 и 1863 гг. соответственно эти города получили новое муниципальное устройство, основанное на тех же принципах, что и в Санкт-Петербурге, но с некоторыми изменениями и дополнениями. А в 1866 г. аналогичная реформа произошла в Тифлисе³⁸.

Однако локальные изменения уже не устраивали власть, на повестке дня стоял вопрос об общегосударственном преобразовании городского самоуправления. Поэтому буквально в тот же день, когда были утверждены изменения Санкт-Петербургского Положения и Положение об общественном управлении Москвы (20 марта 1862 г.), Александр II отдал распоряжение МВД «безотлагательно принять меры к улучшению общественного управления во всех городах империи, применяясь к принятым для С. – Петербурга основным началам (курсив мой. – М. З.), и соображения по этому предмету внести, установленным порядком, в Государственный совет»³⁹.

Так началась подготовка городской реформы, завершившаяся утверждением Городового положения 16 июня 1870 г. К этому преобразованию, так же, как и к городским реформам 1860-х гг., Милютин не имел непосредственного отношения. Как известно, в начале 1859 г. он «с головой» погрузился в работу по подготовке крестьянской и земской реформ, а в апреле 1861 г. был вынужден уйти из МВД вместе со своим начальником – Ланским. Их отставка была своего рода жертвой, принесенной крепостникам, лишившимся, как они считали, по милости Милютина и Ланского своих привилегий⁴⁰. После двух с лишним лет на почетной, но малозначимой должности сенатора Николай Алексеевич вернулся к активной государственной деятельности с 1863 г., когда ему было поручено проведение реформ в Царстве Польском, сразу после восстания в этом крае. Но к городским делам он уже не был причастен.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что «Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга», созданное благодаря усилиям Н. А. Милютина, следует признать достаточно успешной реформой, имевшей глубокие исторические последствия. Новая форма городского самоуправления, возникшая в 1846 г., доказала свою жизнеспособность, несмотря на противодействие, которое ей оказывала реакционная часть российской бюрократии и дворянства, и просуществовала до 1872 г.⁴¹ Ею было положено начало создания модели муниципалитета, базирующейся на вовлечении в городские дела представителей всех сословий, а также на более четком разграничении прав и обязанностей между думой и коронной администрацией. Эти основы, а

также частные элементы Положения 1846 г. были использованы в дальнейших реформах городского самоуправления – в Москве (1862), Одессе (1863), Тифлисе (1866) и Городовом положении 1870 г.

С другой стороны, реформа 1846 г. оказала негативное влияние на карьеру самого Милютина, создав ему репутацию радикала. По этой причине более масштабное участие в разработке дальнейших преобразований в городской сфере оказалось для него невозможным.

Примечания

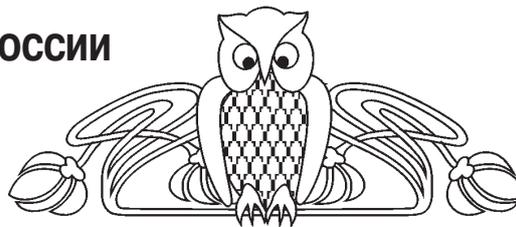
- 1 Основную библиографию работ о Н. А. Милютине, вышедших до 2007 г., см.: Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 499–501.
- 2 См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов, 2000 ; *Ее же*. История формирования концепции земской реформы : «Соображения по проекту о земских учреждениях» Н. А. Милютина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 26–32 ; Шестопалов А. П. Николай Алексеевич Милютин // Вопр. истории. 2004. № 12. С. 57–68.
- 3 См.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 2. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877.
- 4 Хрия – термин риторики, означающий совокупность приемов для развития предложенной темы. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары : в 4 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 11.
- 5 Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 176.
- 6 Там же. С. 186.
- 7 Шумахер А. Д. Поздние воспоминания о давно минувших временах // Вестник Европы. 1899. Кн. 3. С. 127.
- 8 Подробно об этом см.: Дитятин И. И. Указ. соч. С. 369–384.
- 9 Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Ч. III, кн. 2. С. 704–705 ; Ч. III, кн. 3. С. 258.
- 10 План административной статистики городов // Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел, с учреждения министерства по 1 октября 1853 г. Т. 1. СПб., 1854. Приложения. С. 268–270.
- 11 Там же. С. 269 ; Дитятин И. И. Указ. соч. С. 386–387.
- 12 Дитятин И. И. Указ. соч. С. 387–388.
- 13 Там же. С. 389–394.
- 14 Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Указ. соч. С. 497.
- 15 Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005. С. 11.
- 16 Положение об общественном управлении Санкт-Петербурга // ПСЗ. Собрание второе. Т. 21, отд. 1. СПб., 1847. С. 234–246.
- 17 Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 3. С. 128.
- 18 Из записок М. А. Милютиной // Русская старина. 1899. № 1. С. 46–47.
- 19 Дитятин И. И. Указ. соч. С. 395–397.

- ²⁰ Чичерин Б. Н. Русское общество 40–50-х годов XIX в. : в 2 ч. Ч. II. М., 1991. С. 95.
- ²¹ А. Г. Строганов (1839–1841), Л. А. Перовский (1841–1852), Д. Г. Бибииков (1852–1855), С. С. Ланской (1855–1861).
- ²² Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 4. С. 698–699.
- ²³ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860. Т. I. С. XI.
- ²⁴ Общественное устройство и хозяйство городов : в 2 т. СПб., 1859.
- ²⁵ Городские поселения в Российской империи : в 7 т. СПб., 1860–1864.
- ²⁶ Из записок М. А. Милютиной. С. 43.
- ²⁷ Там же. С. 47.
- ²⁸ Современная летопись. Внутренние известия // Русский вестник. 1858. Т. 17. Октябрь. Кн. 2. С. 343–344.
- ²⁹ Там же. С. 345–346.
- ³⁰ Никитенко А. В. Записки и дневник : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 94.
- ³¹ Из записок М. А. Милютиной. С. 48–49.
- ³² Никитенко А. В. Указ. соч. Т. 2. С. 98–99.
- ³³ Из записок М. А. Милютиной. С. 50.
- ³⁴ Шумахер А. Д. Указ. соч. Кн. 3. С. 128.
- ³⁵ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о общественном управлении в Санкт-Петербурге» от 20 марта 1862 г. // ПСЗ. Собрание второе. Т. 37, отд. 1. СПб., 1865. С. 244–246.
- ³⁶ Дитятин И. И. Указ. соч. С. 502–503.
- ³⁷ Это были, в частности, города Могилевской и Костромской губерний, а также Пенза, Самара и Нижний Новгород. См.: Хрущев Д. П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Vol. II. 1859 и 1860. Вып. 3. Берлин, 1861. С. 473.
- ³⁸ См.: Дитятин И. И. Указ. соч. С. 502–552.
- ³⁹ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Т. 1. СПб., 1877. С. 173.
- ⁴⁰ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 95–96.
- ⁴¹ 20 июня 1872 г. были утверждены правила о применении Городового положения 1870 г. к столицам и Одессе.

УДК 94(470.44)+929 Зубов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЦАРСКОЙ РОССИИ А. А. ЗУБОВ – ПОТОМОК УРАЛЬСКОГО ЗАВОДЧИКА А. Ф. ТУРЧАНИНОВА: СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА И ЛИЧНОСТЬ

Е. П. Пирогова

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург
E-mail: eppirogova@yandex.ru

Статья посвящена одному из представителей государственного аппарата России пореформенного периода тайному советнику А. А. Зубову. На основе документов, выявленных в центральных и областных архивах страны, а также личного архива итальянских потомков Зубова, представлены история его семьи, этапы военной и гражданской карьеры. В рамках актуальных проблем переходного периода российской власти и общества рассмотрены основные результаты деятельности конкретного чиновника на занимаемых им высоких должностях (например, саратовского губернатора), его гражданская позиция, вклад в общественную жизнь России.

Ключевые слова: государственная власть, российский чиновник, пореформенный период, Саратовская губерния, Нижегородская губерния, наследники уральского заводчика А. Ф. Турчанинова, итальянские потомки, русское дворянство, русское офицерство, библиотека А. А. Зубова, служебная карьера.

**A Statesman of Imperial Russia A. A. Zubov –
a Descendant of the Ural Factory Owner A. F. Turchaninov:
Career and Personality**

Е. П. Pirogova

The article is devoted to one of the representatives of the Russian government of the post-reform period, Privy Councillor A. A. Zubov. A

history of his family, stages of military and civil career are presented on the basis of the documents revealed in the central and regional archives, and personal archive of Zubov's Italian descendants. Within the frame of acute problems of the transition period of Russian power and society, the main results of a definite official's activity at high posts (for example, as the Governor of Saratov), his civic stand, and contribution to Russian public life are considered.

Key words: government, Russian official, post-reform period, Saratov province, Nizhny Novgorod province, successors of the Ural factory owner A. F. Turchaninov, Italian descendants, Russian nobility, Russian officers, A. A. Zubov's library, career.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-282-287

Среди проблем в изучении пореформенной истории России, не потерявших своей актуальности в наше время, есть проблемы переходного периода российской власти и российского общества, формирования новых гражданских отношений, гражданского общества. В рамках этих проблем стоит вопрос о личном составе госаппарата, о деятелях, являвшихся носителями и представителями государственной власти, о том, каков был их вклад в развитие общества. Соотношение личной инициативы и социальной необходимости, индивида и общества, изучение социальной и интеллектуальной среды, в которой возникали и распространялись те или иные идеи,

изучение роли личности и ее мировоззрения, вклада в развитие общества, к которому эта личность принадлежит, – круг этих вопросов, намеченных еще в середине XX в. основателями «Новой исторической науки» М. Блоком и Л. Февром, в силу ряда причин только в последние десятилетия начинает рассматриваться российской исторической наукой. Выдающийся отечественный медиевист А. Я. Гуревич, говоря о проблеме методологии исторической науки и обосновывая проблему синтеза в истории, сформулировал одну из новых в конце прошлого столетия, но по-прежнему злободневных научных тем, как «связь социальной истории с историей духовной жизни, культуры, ментальностей; изучение поведения индивида и масс, групп людей»¹.

Предметом исследования данной статьи является не просто конкретный человек (А. А. Зубов) с интересной биографией, но государственный деятель, чиновник, являвшийся частью государственной системы XIX в., которая наделила его властными полномочиями. Изучение ментальности крупного чиновника царской России на конкретном примере поможет глубже понять историческую трансформацию советского управленца вплоть до феномена плохо познаваемой ментальности представителей современного госаппарата. Несколько сужая высказывание М. Блока, сделанное им в отношении глобального изучения исторического прошлого, приведем его известное высказывание о том, что «незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего» и, далее мысль, что «без индивидуумов» «история неизбежно принимает несколько безжизненный облик»². Историю государственной власти в России трудно представить без конкретных личностей. Необходимо дать справедливую оценку их деятельности, определить их вклад и влияние на общественные процессы и сопоставить исторические типы государственных деятелей разных периодов российской истории.

Берясь за тему, связанную с восстановлением биографии и служебной карьеры деятеля такого масштаба, как А. А. Зубов, мы прекрасно осознаем недостаток источников, позволяющих ее раскрыть. Однако отсутствие дневников и воспоминаний Зубова, небольшое выявленное количество исторических документов о нем компенсируется значительным зубовским наследием – семейным архивом, фотографиями, фамильными портретами, предметами искусства, богатейшей библиотекой – хранящимся у итальянских потомков его рода³.

Нельзя с полной уверенностью говорить о том, принадлежал ли Зубов к известному дворянскому роду Зубовых. В генеалогии этого рода более или менее разработанной считается только графская линия, а была еще и княжеская⁴. Его прадедом по женской линии был один из крупнейших уральских промышленников XVIII века А. Ф. Турчанинов, младшая дочь которого, Анна

Алексеевна, унаследовала часть огромного состояния. Ее мужем был боевой офицер полковник Н. П. Зубов (?–1808), а их сын – действительный статский советник и камергер Алексей Николаевич Зубов (1798–1864) – известен как автор книг, посвященных Нижегородской ярмарке⁵, и труда под названием «Путевые заметки о некоторых губерниях Средней России» (СПб., 1848).

Алексей Алексеевич Зубов (1838–1904) происходил из дворян Нижегородской губернии. О его учебе и служебной карьере мы можем судить на основании формулярного списка о службе, составленного по случаю его перевода в 1881 г. в губернский город Саратов⁶. А. А. Зубов окончил Пажеский корпус 16 июня 1856 г., выйдя «из камер-пажей», т. е. из тех учеников, которые отличались особыми успехами. Завершение учебы по высшему 1-му разряду давало ему чин корнета, 500 руб. на обмундирование и направление в кавалергардский полк⁷. Вскоре после окончания корпуса Зубов был направлен в Николаевскую академию Генерального штаба, где «был зачислен в геодезическое отделение академии»⁸. Все состоявшие в геодезическом отделении офицеры по окончании основного курса были обязаны пройти дополнительный курс и затем прикомандировывались на полтора года к Пулковской обсерватории, куда и оказался причислен Зубов с 29 декабря 1860 года. Тогда же «за отличные успехи в науках в Николаевской академии генерального штаба» он был произведен в штабс-ротмистры, а 14 марта 1861 г. «отчислен от академии и временно назначен состоять при департаменте Генерального штаба»⁹. В эти же годы он женился на дочери русского дипломата Н. А. Кокошкина Марии Николаевне (1841–1917)¹⁰.

В 1861 г. Зубов был утвержден мировым посредником по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Крестьянская реформа вынуждала его как землевладельца к скорейшему решению земельного вопроса для своих освободившихся от крепостной зависимости крестьян. В уральских имениях Зубовых обстановка была беспокойной и требовала личного присутствия владельца. Зубову пришлось изучать законодательство, связанное с крестьянской реформой, искать поддержки у местных властей, пытаясь с их помощью и самостоятельно вразумить крестьян, не желавших работать и занявшихся простым грабежом хозяйского имущества. Только подарив в конечном итоге крестьянам четверть причитавшегося им по закону надела, Зубов заставил их подписать уставные грамоты¹¹, что позволило ему в феврале 1863 г. вернуться в Петербург.

Некоторое время Зубов состоял на службе при Департаменте Генерального штаба, а с ноября 1863 г. – при штабе Виленского военного округа. Приобретенный им опыт работы мировым посредником на Урале был учтен правительством при следующем назначении: 17 августа 1864 г. Зубов был призван «состоять в Виленском губернском

по крестьянским делам присутствия для занятий». Но применение опыта гражданской службы пришлось отложить. Виленская губерния к тому времени уже больше года находилась на военном положении в связи с затянувшимся польским восстанием, которое продолжалось до поздней осени 1864 г. В сентябре Зубов «высочайшим приказом» получил новое назначение: «состоять для особых поручений при командующем войсками Рижского военного округа». Ротмистр Зубов уже на завершающем этапе восстания успел поучаствовать в его подавлении, за что был награжден светло-бронзовой медалью «В память усмирения Польского мятежа».

В январе следующего 1865 г. Зубов был уволен от военной службы и определен «статскими делами с переименованием в надворные советники», получив новое назначение: «членом Комиссии по крестьянским делам при Виленском генерал-губернаторе» М. Н. Муравьеве. Последний руководил тогда проведением крестьянской реформы в Северо-Западном крае (с апреля его заменил К. П. Кауфман). Кандидатура Зубова устраивала Муравьева, вероятно, не только благодаря его знаниям законодательства по крестьянской реформе и имевшемуся у него опыту работы с крестьянским населением. Муравьеву наверняка импонировало участие молодого чиновника в подавлении Польского восстания.

Проработав полтора года в Комиссии по крестьянским делам, Зубов 30 августа 1867 г. был «принят вновь в военную службу прежним чином ротмистра с определением в кавалергардский полк и с назначением адъютантом» к известному военному и государственному деятелю генерал-фельдмаршалу князю А. И. Бярятинскому. Зубов находился при князе более восьми лет. Это кажется странным, если учесть, что знаменитый командующий Кавказским округом, завершивший многолетнюю войну России на Кавказе, с конца 1862 г. был уволен от службы по личному прошению и оставался только членом Государственного совета. Видимо, как герою войны, пользовавшемуся особым расположением государя, Бярятинскому по статусу было положено иметь личного адъютанта. Уйдя в отставку по болезни, бывший наместник России на Кавказе много времени проводил на лечении за границей, а в 1871 г. был зачислен в кирасирский его величества полк, чуть позднее – шефом 2-го стрелкового батальона, а в 1873 г. – шефом прусского № 14 гусарского полка. Все это время Зубов находился при нем (его успехи отражены в полученных в 1875 г. орденах: Анны 2-й и Владимира 4-й степени) и только в январе 1876 г. он был уволен от службы «по болезни» в чине генерал-майора «с мундиром»¹².

Почти два года Зубов поправлял здоровье, живя то в Европе, то в северной столице. Тогда же он стал членом старейшего в России Петербургского Английского клуба, получив возможность знакомиться и общаться со многими государ-

ственными и военными деятелями. Вынужденная отставка и длительное бездействие, по-видимому, тяготили Зубова, и в декабре 1877 г. он отправился добровольцем в качестве уполномоченного от недавно созданного Общества Красного Креста в Черногорию, где служил в санитарном отряде¹³. За успешную службу Зубов был вскоре «пожалован» князем Черногорским Николаем I Петровичем (будущий король Черногории) орденом Даниила 2-й степени, а через год – темно-бронзовой медалью в память войны с Турцией 1877–1878 гг., кроме того, он был удостоен права носить знак Красного Креста¹⁴.

В 42 года Алексей Алексеевич Зубов решает заново начать карьеру государственного деятеля. Приказом по Министерству внутренних дел от 24 декабря 1880 г. он получил назначение на должность Екатеринославского вице-губернатора при губернаторе И. Н. Дурново. Согласно табели о рангах чину генерал-майора соответствовал чин действительного статского советника, в который Зубов и был произведен. В этой должности он пробыл меньше года, успев приобрести небольшое имение на южном берегу Таганрогского залива Азовского моря – Павло-Очаково («Павло-Очаковка»). В формулярном списке в графе «благоприобретенное имение» сказано: «земли, 4925 десятин, в Екатеринославской губернии Ростовского-на-Дону уезда».

В сентябре 1881 г. Зубов делает следующий шаг в своей служебной карьере, получив назначение на должность саратовского губернатора. Оценку его деятельности на этом посту дает документ, составленный по материалам заседания местной городской думы 6 марта 1887 г., на котором подводились итоги его более чем «пятилетнего управления Саратовскою губерниєю». В документе говорилось, что «саратовский губернатор... Алексей Алексеевич Зубов... проявлял особенные заботы об интересах г. Саратова и его населения, которые не могут не вызывать глубокой благодарности со стороны городского общественного управления. Вследствие его неусыпных стараний городское благоустройство и общественный порядок в настоящее время не оставляют желать лучшего...» Конкретный вклад Зубова гласные видели в том, что при нем город был «украшен» «многими общественными, благотворительными и просветительными зданиями и сооружениями», такими как: «разрешенною к открытию конно-железною дорогою, устроенною по берегу Волги ветвью железной дороги и пристанью, Радищевским музеем, психиатрическою лечебницею, вновь перестраиваемым помещением Мариинской женской гимназии и проч.»¹⁵. Упомянутое в цитированном документе событие – открытие по инициативе художника и просветителя А. П. Боголюбова художественного музея им. А. Н. Радищева – стало важнейшим для развития культуры края этого периода.

Вернемся к документу и оценке деятельности Зубова-губернатора гласными саратовской городской думы. В некоторых фрагментах текста просматриваются личные качества Зубова, характеризующие его доброту и человечность, – качества, кажется, не столь характерные для российских чиновников высокого ранга. Вот несколько примеров: «... отзывчивый на все доброе и сострадательный к бедственному положению горожан в деле благотворения он подавал всегда первый пример. Не только ранее него открытые заведения призрения бедных и неимущих за время его управления не терпели в материальном отношении нужды и приведены в хорошее состояние, но народились и новые, удовлетворявшие насущные потребности, таково: дешевая городская столовая, особый приют для семейств лиц, впадших с течением обстоятельств неблагоприятных в нищету и проч.».

И далее: «близко принимая к сердцу интересы народного образования, он своим влиянием и просвещенным содействием облегчал город в его заботах, направленных на эту сторону городской деятельности и путем представительства пред высшим правительством помогал ему в проведении ходатайств об открытии новых учебных заведений...»¹⁶ В другом документе, присланном ранее (29 января 1885 г.) в губернскую канцелярию от епископа саратовского и царицынского, было предложено («покорнейшею просьбою») губернатору Зубову «принять на себя звание почетного попечителя церковно-приходских школ Саратовской губернии»¹⁷.

Конечно, можно сказать, что Зубов просто добросовестно выполнял свои служебные обязанности. Согласно Уставу о службе ст. 705 «по определению от правительства» квалифицировала необходимые для чиновника черты характера, среди которых перечислялись «добрая воля в отправлении порученного», «человеколюбие», «усердие к общему добру», «радение о должности», «честность, бескорыстие и воздержание от взяток», «покровительство невинному и скорбящему»¹⁸. Но вся история государственной службы России показывает, как по-разному относились к своим обязанностям чиновники, как много при этом зависело от их человеческих качеств. Хочется верить, что приведенные выше документы есть не просто обычные знаки внимания или подобострастия по отношению к высокому начальству, а свидетельства признания реального вклада Зубова в развитие возглавляемой им губернии. Можно вспомнить, что период его губернаторства связан с началом работы Саратовской ученой архивной комиссии, проведением сельскохозяйственной выставки, открытием отделений Крестьянского поземельного и Дворянского банков, началом возрождения деятельности губернской типографии¹⁹.

Признание всех этих заслуг и послужило основанием для единогласного постановления

саратовской городской думы «просить его превосходительство Алексея Алексеевича Зубова принять на себя звание почетного гражданина Саратова»²⁰.

Кроме звания почетного гражданина города Саратова, А. А. Зубов получил чин тайного советника, что соответствовало 3-му классу «Табели о рангах». После короткой поездки в Европу (о своем согласии на звание почетного гражданина он известил саратовского городского голову телеграммой из Вены) Зубов уже в марте 1887 г. вступил в новую должность – товарища главного управляющего Собственной е.и.в. канцелярией по учреждениям императрицы Марии Фёдоровны. Канцелярия была высшим органом управления благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, находившимися под покровительством императрицы и других представителей императорской фамилии. Зубов сразу занялся вопросами, связанными с готовящимся тогда изданием нового устава женских институтов Ведомства императрицы Марии Фёдоровны²¹. Однако столь успешно складывающаяся карьера не была реализована им до конца по причине, скорее всего, его нездоровья. Побыв какое-то время попечителем находившегося в управлении Канцелярии Александровского лицея, Зубов в 1890 г. был уволен в бессрочный отпуск и пожалован почетным званием высшего сановника – статс-секретарем. С этого времени он жил и лечился во Флоренции, где и умер от диабета в 1904 г.

Такова в общих чертах биография одного из представителей государственной власти пореформенной России тайного советника Алексея Алексеевича Зубова. Его принадлежность к древнему дворянскому роду Зубовых документально не подтверждается, вероятнее всего, его предки могли быть связаны с одной из боковых ветвей этого рода, очевидно, небогатой. Не случайно наследственное достояние его семьи было связано не с дедом, а с прадедом по материнской линии, уральским заводчиком А. Ф. Турчаниновым. А. А. Зубов многого добился благодаря своим незаурядным способностям и трудолюбию. Получив элитное образование в Пажеском корпусе, закончив с отличием Николаевскую академию Генерального штаба, он быстро сделал военную карьеру. Уже к 30 годам Зубов получил чин полковника и стал относиться к категории штаб-офицерского состава офицерского корпуса. А через восемь лет дослужился до одного из четырех генеральских чинов – генерал-майора и стал принадлежать к высшей категории, генеральскому составу. Столь успешно складывавшаяся военная карьера по какой-то причине (вероятно, связанной с состоянием здоровья) была прервана, и Зубов в 42 года сделал решительный поворот в сторону гражданской службы. Удивительно, как быстро и успешно он добился результатов, занимая одну за другой высокие должности в чи-

новничьей иерархии Российской империи. В этом смысле Зубов – не вполне типичный представитель высшего чиновничества периода расцвета бюрократического государства с характерным для XIX в. «отлаживанием» государственной машины²². В то же время в успешном становлении разных карьер (военной и гражданской) одного и того же деятеля видится отзвук влияния реформ Александра II на общественную жизнь России, рост ее гражданского самосознания, заинтересованность российской власти переходного периода в усилении влияния на общество. Отметим справедливости ради и столь характерную для российской государственной системы роль личных связей и протекций.

О том, что Зубов был человеком незаурядным, думающим, равнодушным к судьбе России, свидетельствует и его личная библиотека, в составе которой каждый период его жизни, каждое служебное перемещение так или иначе получили отражение. Библиотека имела ярко выраженный гуманитарный профиль, была прекрасно скомплектована²³. Идеалом дворянского воспитания для Зубова являлась семья, которая, как он писал в прошении на высочайшее имя, «должна служить благим примером трудовой жизни, нравственного и умственного развития и духа преданности Престолу и Отечеству»²⁴. Обращение к Александру III он завершил характерными словами: «Да не будут русские потомки мои исключены из сословия моих предков и да будет им милостию Вашего императорского величества дана возможность служить своему государю верою и правдою, как наши предки служили, на поле бранном и в гражданских должностях императорам, царям и великим князьям московским, начиная от святого Александра Невского!»²⁵ В этих словах Зубов сформулировал общее понимание главных ценностей русского дворянина со времен Петра Великого: верность и служение государю и Отечеству.

В то же время жизнь и деятельность Зубова пришлось на переходный пореформенный период, когда в российском обществе складывались гражданские отношения. Представленная биография и история становления его служебной карьеры дают многие примеры его серьезного отношения к должностным обязанностям, деятельности на благо общества сверх этих обязанностей. Дальнейшее изучение сохранившегося у итальянских потомков Зубова документального наследия поможет уточнить наше понимание личности этого представителя высокопоставленного чиновничества государственного аппарата, лучше оценить его вклад в общественную жизнь царской России второй половины XIX века.

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области (проект № 14-11-66007).

Примечания

- ¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. : «Индрик», 1993. С. 133.
- ² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., доп. / пер. Е. М. Лысенко ; прим. и ст. А. Я. Гуревича. М. : Наука, 1989. С. 27, 36.
- ³ Случай позволил автору статьи быть гостьей владельца замка Робелла в Пьемонто (под Турином) профессора политологии старинного университета г. Сиены господина Маурицио Котто, любезно предоставившего возможность познакомиться с документальными и художественными богатствами замка, описать русскую часть личной библиотеки А. А. Зубова.
- ⁴ См.: Думин С. В. Зубовы // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. Т. 10. М., 2008. С. 581–582.
- ⁵ Краткое описание Нижегородской ярмарки. Составлено директором ярмарочной конторы А. Н. З. СПб. : в тип. И. Глазунова и К°, 1838. 20 с. ; Описание Нижегородской ярмарки. Составленное директором ярмарочной конторы А. Зубовым. СПб. : в тип. Мин-ва внутр. дел, 1839. 51 с.
- ⁶ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562. Л. 9–15 об.
- ⁷ См.: Список выпускников Пажеского корпуса URL: <http://regiment.ru/reg/VI/C/1/1.htm> (дата обращения: 10.06.15).
- ⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562. Л. 9 об.
- ⁹ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁰ М. Н. Кокошкина приходилась А. А. Зубову троюродной сестрой, т. е. как и он, была правнучкой уральского заводчика А. Ф. Турчанинова.
- ¹¹ Об уральских имениях Зубовых см.: Ларионова М. Б. Пермские помещики Зубовы : владельцы и имения // Шестые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщений / под ред. С. П. Постникова : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : ИИиАУрО РАН, 2006. С. 150–155.
- ¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562. Л. 10–10об., 12об.
- ¹³ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 777. Тихонов П. Н. Д. 1045. Л. 1.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562. Л. 12.
- ¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 324. Л. 410–410 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 410 об.–411.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3562. Л. 69.
- ¹⁸ Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России. XVIII–XX века : учеб. пособие. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. С. 127.
- ¹⁹ См., напр.: [Кораманский В. М.] Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894. Саратов, 1895. С. 50 ; Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. Саратов : Изд-во «Надежда», 1998. С. 154–157.
- ²⁰ РГИА Ф. 1287. Оп. 38. Д. 324. Л. 411–411 об.
- ²¹ См.: Труды совещания под председательством товарища главноуправляющего тайного советника А. А. Зубова. Т. 1, 2, 3 за 1887–88 гг. // РГИА. Ф. 759. Оп. 97. Д. 161, 162, 163.

- ²² Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. Указ. соч. С. 11.
- ²³ См.: Пирогова Е. П. Библиотека саратовского губернатора А. А. Зубова в Италии // «Когда б я был царь...»: материалы Михайловских Пушкинских чтений. Журналистика и власть (21–25 авг. 2013 г.) и научно-практических

чтений «Библиотека в усадьбе» «...На их полях она встречается / Черты его карандаша...» (23–27 апреля 2014 года): [сб. ст.]. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2014. С. 312–324.

²⁴ РГИА Ф. 1405. Оп. 94. Д. 10895. Л. 2 об.

²⁵ Там же. Л. 3.

УДК 94(470+571)«1877/1878»:347.781.52

«...ПЕЧАТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ ПРЕДСТАВЛЯЕТ РЕДКОЕ ЕДИНОДУШИЕ...» (военная пресса о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.)

С. А. Кочуков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается освещение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах специальных военных периодических изданий. Привлечены многочисленные источники, которые характеризуют позицию русской прессы. Даются оценки ряда журналов: «Военный Сборник», «Морской Сборник», «Русский инвалид», «Артиллерийский журнал». Показано сотрудничество военной прессы с «гражданскими» журналами и газетами, но в то же время выявлены различия в способе изложения информации о военном конфликте.

Ключевые слова: Балканский полуостров, периодические издания, русская армия, Русско-турецкая война, общественное мнение, корреспонденты.

«...The Press, Concerning the Slavic Question, Show Rare Unanimity...» (the Military Press on the Russian-Turkish War of 1877–1878)

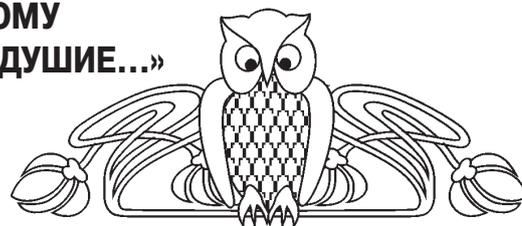
S. A. Kochukov

The article deals with depicting the Russian-Turkish war of 1877–1878 on the pages of the special military periodicals. The author uses a lot of sources that characterize the position of the Russian press. Estimates of a number of journals – «Military Collection», «Naval Collection», «Russian Invalid», «Artillery Journal» – are given. Cooperation between military press and «civil» magazines and newspapers is displayed, but at the same time, differences in the method of presenting information about the military conflict are shown.

Key words: Balkan peninsula, periodicals, Russian army, Russian-Turkish war, public opinion, correspondents.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-287-294

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. находила отражение не только в «гражданской» прессе, но и на страницах специальных военных периодических изданий. К началу вооруженного столкновения с Османской империей в России уже сформировался ряд периодических изданий, адресованных военным. Подобные издания имели

определенную специфику. Военные журналы и газеты выходили под эгидой Военного или Морского министерств, как, например, «Военный сборник» и «Морской сборник». А те периодические издания, которые были основаны частным порядком, «Русский инвалид», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Листок конторы и склада Березовского», в конечном итоге получали достаточно весомую финансовую поддержку от того же военного ведомства. Все военные журналы и газеты, как правило, состояли из двух частей (разделов). В первой части помещались нормативно-распорядительные документы, а вторая часть была более информативна и, главное, интересна. Применительно к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на страницах военных периодических изданий помещались новости с театров боевых действий, характеристики противника и др.

Все материалы, помещенные в военной прессе, так или иначе являлись отражением позиции Военного и Морского министерств. Уже в силу этого обстоятельства на страницах русской военной периодики фактически не было разброса мнений по Балканскому вопросу. Особенностью военной периодики являлся тот факт, что к проблеме Балканского полуострова она обратилась сравнительно поздно, только с началом открытия военных действий на Дунае и Кавказе. В этом отношении единственным исключением из общего числа военных периодических изданий являлась газета «Русский инвалид».

Газета «Русский инвалид» была основана в 1813 г. выходцем из Лифляндии П. П. Помиан-Пезеровиусом. Цель ее издания заключалась в том, чтобы употребить все доходы от реализации «на пособия раненым воинам, их вдовам и сиротам»¹. Издание подобной газеты не вызвало у русского общества интереса – подписчиков первоначально было 12 человек². Однако после того как на газету обратили внимание члены царской семьи и пожертвовали на издание 1600 руб., отношение к «Русскому инвалиду» в русском обществе из-

менилось. Уже в 1814 г. газета выходит два раза в неделю, а с 1816 г. – ежедневно. С 1862 г. «Русский инвалид» становится официальной газетой Военного министерства, а в 1869 г. был присоединен к журналу «Военный сборник» и стал выходить под одной с ним редакцией.

К балканской проблеме газета «Русский инвалид» впервые обратилась в 1871 г., когда только разгорался очередной этап «балканской драмы», причем о самой поддержке славян или участии русских войск против вооруженных сил Турции речи не было. Тем не менее Османская Порта рассматривалась «Русским инвалидом» как вероятный противник. И исходя из этого русским офицерам, безусловно, было полезно знать, что собой представляли вооруженные силы Турции в 70-х гг. XIX в.³ Ни для кого не было секретом, что после Крымской войны Порта старалась реформировать свою армию, опираясь на опыт и техническую поддержку Англии и Франции.

По мнению газеты «Русский инвалид», Турция готовилась к войне против России, что было заметно из того, как администрация Порты не только перевооружала армию, но и начинала строительство железных дорог, которые имели, безусловно, стратегическое значение. Османская империя вынесла определенные уроки из Крымской войны, где одной из причин поражения России являлась плохая инфраструктура железнодорожных магистралей. В 1873 г. на страницах газеты напрямую указывалось: «Несмотря на финансовые затруднения, Порта не оставляет своего намерения присвоить государству управление существующими железными дорогами и постройку новых. Недавно турецкое правительство заключило с английской компанией условие, по которому последнее по истечении 16 лет поступит в распоряжение правительства»⁴.

Газета «Русский инвалид» была подвержена тем же иллюзиям, что и вся русская пресса. Незадолго до войны и с началом открытия боевых действий военная пресса чрезвычайно красочно со всеми возможными подробностями описывала угнетения несчастных славян и вообще всех подданных турецкого султаната, что, безусловно, способствовало эскалации напряженности общественного мнения России. Заметки о положении на Балканском полуострове, которые выходили на страницах «Русского инвалида», нельзя рассматривать как нечто особенное. Все достаточно типично для ситуации 70-х гг. XIX в. – в эмоциональной форме выраженные указания на постоянные угнетения славянского населения со стороны Османской империи: «Хищники сжигают и уничтожают все, что попадет им на пути; убивают мужчин, бесчестят женщин, словом, производят такие же злодеяния, как и в прошлом году. Неудивительно, что при таких обстоятельствах население смотрит на русских, как на своих избавителей»⁵. Таких заявлений на страницах газеты были сотни.

Газета опубликовала статью о лишениях не только христианского, но и мусульманского населения в лице черкесов. В публикации отмечалось: «Из разных частей Азиатской Турции слышатся сетования на судьбу переселившихся туда черкесов. Еще недавно они обращались к нашему послу в Константинополе, с просьбой позволить им, в числе 8500 семейств, переселиться в Россию. Излагая подробности своего действительно ужасного положения, они приводят знаменательные примеры жестокости их собственных беев и равнодушия к их жестокости турецких властей. Так, два черкеса со связанными руками были брошены живые в колодец, и все ходатайства родственников по этому вопиющему делу остались без последствий. Поборы с черкесского населения достигают половины его заработка и это еще в льготные годы, так как турецкое правительство даровало эмигрантам десятилетнюю свободу от податей, по крайней мере, не уравнило их в этом отношении с прочими своими подданными»⁶. Подобная информация, сообщенная «Русским инвалидом», оказалась чрезвычайно популярной в русской гражданской прессе.

«Русский инвалид», точно так же, как и большинство русских периодических изданий, в значительной степени формировал отношение русского общества к славянской проблеме на Балканском полуострове, рассказывая на своих страницах о реакции турецких властей на восстание сербов и болгар: «...в Болгарии продолжается господство ужаса. Учрежденные в некоторых местах комиссии для производства следствия и суда над виновниками смут, по-видимому, соперничают в усердии с башибузуками, которые далее продолжают безнаказанно совершать злодеяния. Можно подумать, что главная забота правительства заключается в том, чтобы вырезать по крайней мере десятую часть населения и истребить всех болгар, выдающихся из среды своих сограждан по уму и состоянию. В Филиппополе, например, было повешено 14 лучших граждан, обвинявшихся в участии в мятеже, и двое из них, священники, были казнены в облачении»⁷.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в «Русском инвалиде» традиционно для всей русской прессы печатались материалы с фронтов, сухие сводки, интересные только для военных. Газета отстаивала идею, что борьба с турками должна быть делом общим для всех православных. Исходя из этого «Русский инвалид» постоянно помещал сообщения о комплектовании болгарских дружин, которые должны были оказывать русской армии посильную помощь. Хотя боевые качества подобных подразделений оставляли желать лучшего, на страницах военной прессы были представлены настоящие агитки, в которых расхваливались боевые качества и возможности болгарских дружин: «В состав этих дружин вошли люди, потерявшие у себя на родине все – дом, семью, и только успевшие сами кое-как спастись

от турецких тюрем и черкесских кинжалов. Россия приютила у себя на время этих несчастных беглецов, содержала их на государственном иждивении, а ныне снарядила и вооружила на средства частных жертвователей. Успех в формировании первых двух батальонов превзошел ожидания: понятливость, дисциплина, рвение и любовь к делу отличают всех этих болгар до последнего человека, а присутствие в их рядах в весьма внушительном количестве местного интеллигентного элемента уже заранее может служить залогом ожидаемой от них пользы»⁸.

В отличие от «Русского инвалида», который был создан в начале XIX в., уже в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был образован целый ряд периодических изданий, которые должны были функционировать только в период военной кампании – «Иллюстрированная хроника войны»⁹, «Обзор известий о русско-турецкой войне»¹⁰. Но настоящим событием стало открытие газеты «Летучий военный листок»¹¹. Особенность этого периодического издания заключалась в полноте изложения. Если «Иллюстрированная хроника войны» являлась, по сути, приложением к газете «Всемирная иллюстрация», а «Обзор известий о русско-турецкой войне» выходил всего два раза в месяц, то «Летучий военный листок» появлялся три раза в неделю. Одним из редакторов газеты являлся известный писатель и корреспондент В. М. Крестовский, участие которого в работе издания чрезвычайно оживило его. С начала Русско-турецкой войны Крестовский попал в штаб действующей Дунайской армии уже как редактор армейской газеты, следовательно, он был уже аккредитованным корреспондентом и черпал информацию «из первых рук». К тому же Всеволод Михайлович был лично знаком со многими высшими офицерами русской армии, в том числе и с генералом М. Д. Скобелевым, а также с рядом иностранных корреспондентов. Помимо традиционных армейских сводок, в «Летучем военном листке» постоянно публиковались материалы по истории Турции и стран Балканского полуострова, а также красочно описывались батальные сцены, состояние вооруженных сил Османской империи, история возникновения балканского конфликта¹².

Уже в самом первом своем номере издатель газеты определили задачи нового издания: «Начиная издание «Летучего листка»... мы (редакторы. – С. К.) вполне сознаем всю трудность исполнить удовлетворительно возложенное на нас дело, без самого широкого содействия лиц, принимавших участие в военных действиях. Считая его общим делом, – с искренней признательностью будем принимать каждое слово, малейшее заявление из армии. Подробности сражений, подвиги отдельных лиц, характеристика павшего боевого товарища, заметки о стране занятой армией – словом все, что так или иначе касается последней, – составить драгоценный материал, не

только для будущего историка настоящей войны, но и для воспоминания всех ее участников...»¹³

Рассматривая деятельность газеты «Летучий военный листок», необходимо отметить, что этот печатный орган являлся официальным, исходил от Действующей армии, и поэтому на страницах этого периодического издания выходило только то, что было согласовано с Главной квартирой. Это также относится и к позиции газеты по Балканскому вопросу: Русско-турецкая война рассматривалась в качестве освободительной миссии России на Балканском полуострове. Уже в первом номере «Летучего военного листка» была опубликована «Прокламация» за подписью Александра II, в которой обозначались цели и задачи России в войне с Турцией. Она была адресована христианскому населению и мусульманам Балкан. В этом документе указывалось: «Жители болгарского края! Задача России – созидать, а не разрушать. Она всевышним промыслом призвана согласить и умиротворить все народности и все исповедания в тех частях Болгарии, где совместно живут люди разного происхождения и разной веры. Отселе русское оружие оградит от всякого насилия каждого христианина: ни один волос ни спадет безнаказанно с его головы: ни одна крупица имущества не будет, без немедленного возмездия похищена у него мусульманином или кем другим... Одинаково будут обеспечены жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он не принадлежал. Но не месть будет руководить нами, а сознание строгой справедливости, стремление постепенно создать право и порядок там, где доселе господствовал лишь дикий произвол...»¹⁴

По сути, эта «Прокламация» являлись программой действий. Причем ориентированы они были не только на христианские народы Балканского полуострова. С одной стороны, это попытка обезопасить русские войска от партизанской войны со стороны мусульман, а с другой – показать, что русскому самодержцу не безразличны свои собственные мусульманские подданные. Кроме того, Россия, помимо Дунайского фронта, вела войну и на Кавказе, где количество нехристианских народов было весьма значительно.

Материалы «Летучего военного листка» были ориентированы на военную массу, поэтому простому обывателю было не особенно интересно читать эту газету. Но уже в начале 1878 г. газета была несколько изменена. Для расположения читателя основной упор был сделан на описание батальных сцен. Более того, авторами этих заметок были непосредственные участники боев, в результате чего корреспонденции шли в Россию как бы из первых рук. Ярким примером этого являются заметки генерала-майора Малахова, которые представлены в виде официальных донесений: «Считаю своей священной обязанностью донести вашему превосходительству, что войска вверенного мне отряда, утомленные двумя бес-

сонными ночами и усиленным семидесяти-верстовым переходом, с начала наступления, как бы переродились, быстро и неустрашимо рвались вперед, едва сдерживаемыми своими ближайшими начальниками, не обращая внимания на град неприятельских пуль; офицеры, подавая собою, пример храбрости и неустрашимости, находились непосредственно впереди своих частей и с полным хладнокровием руководили огнем и движением своих подчиненных»¹⁵.

Редакция «Летучего военного листка» также всячески отстаивала идею, что Россия в войне против Турции фактически ведет борьбу против очередной коалиции государств, точно так же, как и в Крымскую войну, только, по мнению В. М. Крестовского, в этот союз входили не только Англия и Франция, но и США. В газете была создана специальная рубрика «Телеграммы Летучего листка», в которой помещались любопытные материалы об отношении иностранных государств к войне между Россией и Турцией. Уже в первых номерах отмечалось, что Англия и США, несмотря на официальное невмешательство в Балканский конфликт, поддерживали Порту. Причем эта поддержка была не только дипломатического характера. В «Летучем военном листке» от 6 августа 1877 г. отмечалось: «Нью-Йорк 2/14 августа. Британский пароход отплыл 31-го июля (11 августа) из Нью-Гевена в Константинополь с грузом оружия и боевых припасов для Порты, стоимостью на миллион двести тысяч долларов»¹⁶. В продолжение темы 8 августа было заявлено: «Лондон. 1/13 августа. Газете “Таймс” пишут из Нью-Йорка, что там появились турецкие агенты, вербующие рекрутов для турецкой армии между рабочими, оставшимися без работы...»¹⁷

Самый известный в России армейский журнал «Военный сборник» был создан по инициативе руководства Отдельного гвардейского корпуса. В отличие от «Русского инвалида», «Вестового» и «Чтения для солдат», программа журнала была гораздо масштабнее газетной. В «Докладной записке», которая была представлена военному министру Н. О. Сухозанету, назывались цели издания: «Доставить офицерам нашей армии за возможно дешевую цену полезное и занимательное чтение, возбудить в них любознательность и охоту к военному образованию; офицерам же, наиболее способным и знающим, дать средство сообщать свои знания через печать всем товарищам по оружию»¹⁸.

Журнал выходил с января 1858 г. Первыми его редакторами были подполковник В. М. Аничков, капитан Н. Н. Обручев, а литературный отдел возглавлял Н. Г. Чернышевский. В конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. «Военный сборник» в основном специализировался на публикации академических статей по тактике¹⁹.

На страницах «Военного сборника» невозможно обнаружить аксаковских рассуждений о русской исторической миссии на Балканском

полуострове, а также характеристики позиции русского общества относительно войны. Главное, на чем акцентировал внимание журнал, это описание боевых действий. Причем ход самой войны был расписан по дням и часам. По сути это было первое в российской прессе подробное описание войны. Это объясняется тем, что статьи писали сами военные, которые были далеки от славянофильских идей. Складывается впечатление, что авторам публикаций о Русско-турецкой войне было интересно, как русская армия после реформ 1860–1870 -х гг. будет решать поставленные вопросы на Дунайском и Кавказском театре военных действий.

Роднит материалы «Военного сборника» и основную массу русской периодики относительно Русско-турецкой войны стремление поскорее решить балканскую проблему. Затягивание объявления войны, так называемое «Кишиневское сидение», расслабляло армию. По этому поводу ведущее военное периодическое издание России отмечало: «Когда именно должно было последовать объявление войны и даже то, будет ли еще объявлена война, корпусному командиру известно не было...»²⁰

Русское общество желало знать, как развивались боевые действия на Дунае и Кавказе. Дело в том, что гражданские издания, хотя и доставляли информацию более оперативно, но делали это не совсем компетентно, а значительное число русских корреспондентов пользовалось непроверенными слухами при подготовке своих материалов к публикации. Совершенно другое дело «Военный сборник» – его информация, хотя и доходила в силу специфики до русского общества с опозданием, зато это были корреспонденции из официальных источников, и это обстоятельство в известной степени подкупало русское общественное мнение.

Главный недостаток, который ставили в вину «Военному сборнику», – это фактическое отсутствие анализа боевых действий, простая констатация факта. И из этого можно было сделать два вывода: либо журнал старался, чтобы читатели сами делали выводы из публикаций, либо сознательно замалчивались неудачи русской армии, что более вероятно. Недомолвки фактически сводили на нет все усилия «Военного сборника».

В «Военном сборнике» намечалась тенденция подробно изображать жизнь русских офицеров и солдат в походных условиях. Особенно это показательно при описании обороны Шипки или взятия Плевны. На страницах журнала так описывались бытовые условия одного из многочисленных ротных командиров: «Это конура (временная землянка. – С. К.), выбитая в камне, сверху была покрыта щебнем и землей, наваленной на тонкие жерди. Казалось, что они не только удара двухпудовой бомбы, но даже и лишней лопаты не могли бы выдержать. Не только от ядер, но даже и от дождя они не защищали»²¹.

К сожалению, «Военный сборник» фактически не рассматривал внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию, в которой оказалась Россия в 70-х гг. XIX в. У читателя складывалось впечатление, что Турция в очередной раз напала на Россию, как она это делала на протяжении всего XVIII в., то есть являлась страной агрессором. Действия же России в апреле 1877 г. представлялись явлением вынужденным. Удивительно, но даже с событиями 1875–1876 гг. редакцией журнала не было проведено никаких исторических параллелей. Как будто не было восстаний в Болгарии, Сербии и Герцеговине.

С совершенно противоположных позиций рассматривал Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. старейший военный журнал России – «Морской сборник». Первый номер журнала вышел в марте 1848 г. и уже с самого начала «Морской сборник» не являлся узковедомственным изданием, каким был «Военный сборник». В этом периодическом издании помещались материалы по актуальным вопросам литературы, а также мемуарные свидетельства.

Журнал занимал видное место в жизни флота и отражал на своих страницах многие актуальные для того времени вопросы. Широко освещал он и ход Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и это несмотря на то, что Черноморский флот только выходил из кризиса после Крымской войны. В отличие от «Военного сборника», ведущий печатный орган Морского министерства решал не только сугубо специальные вопросы, но и публиковал официальные сообщения о ходе войны на море. Основанный в середине XIX в. по инициативе передовых представителей прогрессивной мысли журнал оказал серьезное воздействие на формирование отношения русского общества к флоту²². Своей разнообразной тематикой «Морской сборник» привлек внимание не только флотских читателей, но и широких кругов общественности.

Отличительными особенностями «Морского сборника» также являлись простота и ясность изложения материала, понятного всем, даже далеким от флота людям. По мнению отечественного исследователя Е.И. Лагутиной, «это единственное в России периодическое издание такой направленности сосредоточило систематические сведения по всем аспектам своей ведущей тематики за длительный период»²³.

На страницах «Морского сборника» помещались описания боев и материалы о сборе средств для нуждающихся воинов. Авторы заметок старались разобраться в ситуации, в которой оказался русский флот непосредственно пред столкновением с турецкими военно-морскими силами. В исследовании, посвященном Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Н. И. Беляев высказывал мнение, что ценой государственного банкротства Турция создала на Черном море флот, способный вести наступательные действия²⁴. Серьезного противодействия русский Черноморский флот противопоставить туркам просто не мог, так как

по Парижскому трактату Россия лишалась права иметь военно-морские силы в черноморском регионе. В результате «Морской сборник» мог лишь констатировать: «В те времена, Россия господствовала над морем, ее флот служил опорой для операций армии, которая пользовалась Варной как базисом, для получения провизии и военных запасов. В настоящее время все переменялось. Водами владеет турецкий флот и его канонерки, вооруженные тяжелыми орудиями, господствуют на Дунае. Правда, их там не много и сила их не достаточно велика для быстрого хода против течения реки, но скорость для них не важный элемент потому, что и русские не могут сосредоточить войска на каком-либо данном пункте для переправы без того, чтобы турки не узнали об этом заранее»²⁵.

Действительно, Турция понимала, что Россия не в состоянии отправить свой флот в Черное море и, безусловно, считала, что на данном направлении она будет в более выигрышном положении, нежели ее противник. О том, какую роль отводила Османская империя своим военно-морским силам, свидетельствует следующая корреспонденция, помещенная в «Морском сборнике»: «...турецкий флот разделился на две части, одна отправилась в Черное море, а другая в Средиземное. В действительности, как видно из следующих известий, одна часть флота отправилась в восточный угол Черного моря, а другая к Дунаю. На днях султан осмотрол, в сопровождении многих министров, береговые укрепления Босфора и остался ими чрезвычайно доволен, затем он сел в парадный каик и поплыл к своим броненосцам. Офицеры и экипажи броненосных судов восторженно приветствовали Абдул-Гамида»²⁶.

По сути, «Морской сборник» был единственным периодическим изданием в России, которое серьезно относилось к турецкой армии и флоту. Печатный орган Морского министерства подчеркивал, что турецкие командиры прошли подготовку у «Владычицы морей» – Англии и просто сбрасывать со счетов армию Порты рано. В статье «Деятельность турецкого флота», например, отмечалось: «Не следует заключать из этого (о минах) о чрезвычайной трусости турок, напротив, но перед глазами у них был пример французского флота, осторожно плававшего в 1870 г. у балтийских берегов Германии и, как известно, ничего там не сделавшего из опасения мин, при том, для турок было весьма важно не рисковать своими судами, по их малочисленности... Так как береговые батареи были сбиты, то города, при которых они стояли, находились совершенно во власти турецких кораблей и если их пощадили, то за это благодарить следует сдержанность турок в ведении военных операций. Турки превосходно управлялись, командир Османье, Гассан бей учился морскому делу на нашей собственной эскадре Канала и в данном случае имел возможность и действительно прилагал к делу все свои познания в морской практике»²⁷.

Что же касается неудач турецкой флотилии на Дунае, то причины их, по мнению «Морского сборника», крылись отнюдь не в бездарности турецких адмиралов, а в их боязни пойти на сражение вопреки воли султана. Кроме того, принимался во внимание героизм русских моряков.

Складывается впечатление, что редакцию «Морского сборника» больше волновало отношение англичан к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., нежели описание самих боевых действий. Это не удивительно, так как в Крымскую войну Англия являлась главным организатором антирусской коалиции, и победа русских над Дунайской флотилией турок была, по сути, победой над Туманным Альбионом, а не над Константинополем. Например, сообщая о гибели турецкого броненосца, журнал морского ведомства ставил в известность своих читателей: «29 апреля генерал-майор Салов донес из Браилова, что сегодня, 29 апреля, в 3 часа пополудни, большой турецкий трехмачтовый броненосец взорван нашими выстрелами и пошел ко дну... Английские газеты, передавая известие о гибели Лутфи-Джелиль, стараются уменьшить военное значение события, распространяя даже, что взрыв произошел не от нашей бомбы, но просто от неосторожности самих турок»²⁸.

«Морской сборник» в ряде случаев продолжал линию основной массы отечественных периодических изданий, не забывая писать о всевозможной поддержке армии со стороны российского общества: «Представители администрации Евпаторийского уезда, выказали 2-го и 3-го ноября примерное усердие и распорядительность и с полным рвением исполняли все требования военного начальства... Со стороны частных лиц были высказаны чувства живого участия и доброжелательного расположения к войскам...»²⁹

Однако российскому обществу были интересны не только описания батальных сцен и подвигов. Еще Крымская война поставила очень много вопросов перед обществом, в частности, определение причин поражения. Наряду с понятными экономическими закономерностями наблюдались и чисто военные причины. Например, отставание русской армии в области вооружения. На все эти вопросы попытался ответить популярный журнал в России – «Оружейный сборник». Этот специальный журнал был посвящен вопросам теории стрелкового дела, описанию различных систем стрелкового оружия, принятого на вооружение в русской и иностранных армиях, нововведениям и изобретениям в данной области³⁰.

На страницах журнала «Оружейный сборник» как раз и была поставлена проблема не только перевооружения русской армии перед войной с Турцией, но и так называемая «оружейная перестраховка», когда войска России, получившие на тот момент современные «огнестрельные образцы», вынуждены были действовать точно так же, как и в период Крымской кампании. В начале

1878 г. в «Оружейном сборнике» было заявлено: «Нашим войскам до сих пор не разрешали производить случайную стрельбу с дальних дистанций. Напротив, внушалось солдату, что он должен беречь каждую пулю. Если принять во внимание, что войска наши почти всегда действовали наступательно, по неприятелю, засевшему в ложементгах, из которых он мог быть выбит только штыками или шрапнелью, то едва ли можно указать на такие случаи, где войска наши могли бы извлечь пользу из длинных прицелов»³¹.

На таких же позициях стояло другое военное издание – «Артиллерийский журнал». На его страницах также был поставлен вопрос относительно перевооружения, только не стрелкового, а артиллерийского. Один из артиллерийских офицеров с горечью заявлял: «Наша стрельба на этой позиции была менее удачна. Может быть, это припишут возбужденному состоянию прислуги. Нет, прислуга в этом первом деле показала себя достойным образом...»³² В данном случае опять виновата перестраховка Главного артиллерийского управления, которая отдала специальный приказ стрелять только наверняка, по близким целям.

Еще одну проблему, которую поднял на своих страницах «Оружейный сборник» и которая русскому обществу была интересна, – это вопрос о штыковой атаке. Действительно, рукопашная схватка всегда была выгодна русской армии, что можно с успехом проследить на примерах Северной, Семилетней и Отечественной 1812 г. войн. На момент начала войны с Османской империей в 1877 г. все новые русские нарезные ружья как положено комплектовались штатным штыком, но опять это было лишь на бумаге, так как ни один солдат пехотных частей, кроме гвардейских, это холодное оружие с собой не носил.

Военное министерство России так торопилось отделаться от суворовского правила «пуля – дура, штык – молодец», что солдатам во время рукопашных схваток, которые в войну 1877–1878 гг. были не редкостью, приходилось проявлять чудеса храбрости, лишь бы не попасть в плен или не обратиться в бегство. На страницах «Оружейного сборника» разгорелась настоящая дискуссия между сторонниками и противниками штыка, а обществу и армии приходилось лишь с молчаливым наблюдением, как опять предпринимают непроверенный эксперимент над вооруженными силами России. В специальном отчете лейтенанта Грина указывалось: «Самые слова “штыковая атака” дают представление о целой, правильной линии войск атакующего, причем, солдаты идут плечом к плечу, с взятыми “на штыки” ружьями, как это предписывалось еще недавними уставами и тактикой. Ничего подобного в последнюю кампанию не было, да и если только когда-либо и до того вообще было в действительности. Если же эти слова имеют целью выразить идею, что со введением современных типов ручного оружия, заряжаемого с казны, а также с использовани-

ем войсками стрелковых ровиков, случаи боя в рукопашную между атакующим и обороняющимися становятся невозможными, то это суждение никак не подтверждают события последней кампании»³³. «Оружейный сборник» вынужден был признать, что попытка Военного министерства России отказаться от холодного оружия чревата тяжелыми последствиями: «Стычки и сражения этой кампании, состояли в большинстве случаев из атаки и обороны, поспешно возведенных земляных укреплений, причем в сильной степени, практиковалось пользование стрелковыми ружьями и стрелковыми ровиками. Тем не менее, это нисколько не отстраняло случаев частого повторения рукопашного боя, а ими-то, бывало, и решалась участь всего сражения»³⁴.

Таким образом, отражение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военными периодическими изданиями не сводилось лишь к описанию чисто военной стороны дела. Военные журналы и газеты достаточно быстро уловили, что русское общество не просто заинтересовано боевыми действиями на Дунае и Кавказе, а, по сути, живет ими. Именно в годы войны с Турцией серьезно увеличивается тираж подобных изданий.

Другой примечательной стороной русской военной прессы являлось то, что она не была изолирована от основной массы периодических изданий страны. В частности, корреспонденты, работавшие в «гражданских» журналах и газетах, достаточно плодотворно сотрудничали с изданиями военного толка.

Вместе с тем военная пресса имела серьезные отличия от «цивильных» газет и журналов. Это выражалось, прежде всего, в том, что вся без исключения военная периодика являлась сугубо ведомственной. Ведущие армейские издания («Военный сборник», «Разведчик», «Чтение для солдат», «Инженерный журнал», «Морской сборник» и т. д.) находились под контролем Военного и Морского министерств. Тем не менее армейская пресса не ограничилась описанием лишь батальных сцен и подвигов и старалась поддерживать свою «марку» перед общественным мнением. На страницах военных журналов и газет в 1877–1878 гг. появлялись публикации, в которых рассматривались различные аспекты армейской жизни, сравнивались русские и турецкие вооруженные силы.

Можно заключить, что со своей задачей военные периодические издания справились великолепно. Это заметно в том, что вся русская армейская периодика была в целом монолитна в своих оценках ситуации на фронтах, а те словесные «баталии», которые разгорались на страницах журналов и газет, были безобидны. И это в отличие от гражданской периодики, где постоянно разворачивалась полемика относительно решения Восточного вопроса. В результате российское общество в определенной степени оказалось обмануто публикациями военной

периодики, поскольку было уверено в том, что благодаря гению военного министра Д. А. Милютина русская армия должна была одерживать постоянные победы, что формировало завышенные общественные ожидания в отношении хода войны.

Примечания

- ¹ К истории газеты Русский инвалид // Военный сборник. 1871. № 3. С. 198.
- ² См.: Шубинский С. Забытый филантроп // Исторический вестник. 1896. № 3. С. 369.
- ³ Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908.
- ⁴ Русский инвалид. 1873. № 9. С. 4.
- ⁵ Там же. 1877. № 99. С. 5.
- ⁶ Там же. 1873. № 10. С. 3.
- ⁷ Там же. 1875. № 137. С. 2.
- ⁸ Там же. 1877. № 100. С. 3.
- ⁹ См.: Иллюстрированная хроника войны. 1877. Т. 1, № 1–50 ; 1878. Т. 2, № 51–105.
- ¹⁰ См.: Обзор известий о русско-турецкой войне. 1877. № 1–3.
- ¹¹ См.: Летучий военный листок. 1877. № 1–72 ; 1878. № 73–77.
- ¹² См.: Левашева З. П., Сеницына К. В. Русская военная периодическая печать (1702–1916) : библиографический указатель. М., 1959. С. 44.
- ¹³ От редакции // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 1.
- ¹⁴ Прокламация жителям болгарского края // Летучий военный листок. 1877. № 1. С. 2.
- ¹⁵ Донесения генерал-майора Малахова командующему 11-м армейским корпусом о взятии деревни Златарицы // Летучий военный листок. 1878. № 4. С. 2.
- ¹⁶ Телеграммы Летучего листка // Летучий военный листок. 1877. № 11. С. 4.
- ¹⁷ Там же. № 12. С. 2.
- ¹⁸ Цит. по: Н. О. Л. «Русский инвалид» и «Военный сборник» // Русская старина. 1908. № 5. С. 285.
- ¹⁹ См.: Драгомиров М. И. О вероятных переменах в тактике, вследствие распространения дальнего и скорострельного оружия // Военный сборник. 1867. № 11–12.
- ²⁰ Первый шаг за границу в апреле 1877 года // Военный сборник. 1879. № 7. С. 40.
- ²¹ Данцевич С. А. Несколько дней на горе св. Николая // Военный сборник. 1878. № 7. С. 136.
- ²² Старейший журнал военных моряков // Коммунист вооруженных сил. 1968. № 5. С. 48.
- ²³ Лагутина Е. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.) // Советские архивы. 1981. № 2. С. 31.
- ²⁴ См.: Беляев В. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 65.
- ²⁵ Военные известия с юга и из черноморских портов // Морской сборник. 1877. № 5. С. 21.
- ²⁶ Там же. С. 16–17.

- ²⁷ Деятельность турецкого флота (Морская хроника) // Морской сборник. 1878. № 3. С. 17–18.
- ²⁸ Военные действия с Дуная // Морской сборник. 1877. № 6. С. 9, 13.
- ²⁹ Действия Нижне-Дунайского отряда против турецкого флота у Силина // Морской сборник. 1878. № 1. С. 30.
- ³⁰ Левашева З. П., Синицына К. В. Указ. соч. С. 36.
- ³¹ Турецкие ружья во время войны 1877 г. // Оружейный сборник. 1878. № 2. С. 119.
- ³² Политковский Г. Я. Полевая артиллерия в войну 1877 г. // Артиллерийский журнал. 1878. № 9. С. 929.
- ³³ А. Х. Штык и сабля в минувшую русско-турецкую войну // Оружейный сборник. 1878. № 3. С. 2–3.
- ³⁴ Там же. С. 3.

УДК: 94(47).084.8

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК 2-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА НА БУДАПЕШТ (11–27 ноября 1944 г.)

А. Г. Михайлик

Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Москва
E-mail: mikhaylik2015@inbox.ru

Замысел второго наступления 2-го Украинского фронта на венгерскую столицу в ноябре 1944 г. заключался в том, чтобы разбить будапештскую группировку противника ударом войск правого крыла с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом войск левого крыла с юга. За две недели наступательных боев советских войск противник понес тяжелые потери. Советские войска вышли на ближние подступы к Будапешту и взяли город в полукольцо, однако овладеть им снова не смогли.

Ключевые слова: 2-й Украинский фронт, Будапешт, наступление.

The Second Offensive of the Troops of the 2nd Ukrainian Front to Budapest (11–27 November, 1944)

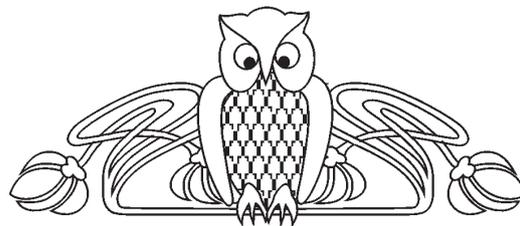
A. G. Mikhaylik

The idea of a second offensive of the 2nd Ukrainian Front to the Hungarian capital in November 1944 consisted in defeating the Budapest enemy force by the right wing troops attack from the north and north-east in cooperation with the left wing troops attack from the south. Within two weeks of the offensive the Soviet troops made the enemy suffer heavy losses, came to the immediate approaches to Budapest, and took the city in a semicircle, but could not capture it again.

Key words: 2nd Ukrainian front, Budapest, offensive.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-294-300

Освобождение Венгрии советскими войсками началось в конце сентября 1944 г., когда соединения 2-го Украинского фронта (УФ) овладели селом Баттонья, а вскоре – городом Мако. Эти действия послужили прологом к крупной наступательной операции, целью которой было во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом окружить и разгромить карпатско-трансильванскую группировку противника в составе 1-й и 2-й венгерской и 8-й немецкой армий. В ходе начавшегося 6 октября 1944 г. наступления войска 2-го УФ овладели городами Сегед, Клуж, Орадя, Дебрецен, Ньиредьхаза и, завершая окружение трансильванской группировки противника, вышли к переправам на р. Тисса в районе Токая. В этот критический момент немец-

кое командование сумело организовать контрудар, в результате которого два кавалерийских и танковый корпуса конно-механизированной группы генерала Плиева оказались в окружении, прорыв из которого сопровождался большими потерями. Крупная группировка противника сумела вырваться из оперативного «мешка» и занять новые рубежи обороны, что значительно осложнило задачу советских войск; вместе с тем в результате Дебреценской операции была освобождена треть территории и четверть населения Венгрии.

Сложившиеся к моменту окончания Дебреценской операции оперативная обстановка и соотношение сил и средств рассматривались советским командованием как благоприятные для начала нового наступления, целью которого явилось овладение венгерской столицей. Будапештское направление прикрывали венгерские войска, численность и вооружение, и, главное, – боевой дух которых были неудовлетворительными. Исходя из этого, ВГК И. В. Сталин 28 октября лично приказал командующему 2-м УФ маршалу Р. Я. Малиновскому немедленно перейти в наступление на будапештском направлении, хотя тот просил пять дней на подготовку. На следующий день части 46-й армии прорвали оборону 3-й венгерской армии, после чего в прорыв устремились 2-й, а вслед за ним 4-й гвардейские механизированные корпуса (гв. мк). К 4 ноября 1944 г. мехкорпуса 2-го УФ подошли к внешнему оборонительному обводу Будапешта, до которого оставалось 10–15 км, однако на следующий день перегруппировавшиеся немецкие войска нанесли фланговый контрудар, после чего 2-й и 4-й гв. мк начали отход в юго-восточном направлении. Причиной этого был не только и даже не столько контрудар противника, сколько новая директива Ставки, где излагался новый план наступления на Будапешт по двум направлениям с севера и юга: исходя из недавнего опыта, когда подвижные соединения 2-го УФ оказались в окружении, высшее советское командование решило не рисковать с глубокими прорывами и повести наступление широким фронтом.

К моменту начала второго наступления войск 2-го Украинского фронта на Будапешт

(11.11.1944 г.) германо-венгерская группировка располагала довольно значительными силами. Перед 2-м УФ противник имел 146 тыс. чел., 8219 пулеметов, 1823 орудия (с зенитными и штурмовыми), 1204 миномета, 218 танков¹. В то же время войска 2-го Украинского фронта в предшествующих боях понесли существенные потери. На 10 ноября 1944 г. численный состав только одной стрелковой дивизии достигал 7000 чел., 4 – 6500 чел., 3 – 6000 чел., 6 – 5500 чел., 19 – 5000 чел., 7 – 4500 чел., 2 – 4000 чел., 1 – 3500 чел.² (Всего 222 тыс., что на 32 тыс. меньше, чем на 1.11.1944 г.; следует заметить, что по действовавшему на тот момент штату № 05/550 от 15.07.1943 г. численность стрелковой дивизии равнялась 9380 чел., то есть основная часть соединений фронта имела почти что половинную комплектность). Тем не менее превосходство в силах и средствах было на стороне советских войск, особенно в отношении подвижных соединений. В отчете по Будапештской операции бронетанковых и механизированных войск 2-го УФ приводятся данные о том, что на 10 октября 1944 г. противник перед всем 2-м УФ имел 6 танковых дивизий, 3 мотодивизии, 1 штурмовую дивизию с общим количеством боевой материальной части: танков – 205, СУ – 120, всего 325 единиц. При этом на направлении главного удара противник имел одну танковую дивизию (24-ю тд), две мотодивизии (4-я мд СС «Полицай», 18-я мд СС) с общей численностью: танков – 65, СУ – 55, всего 120 единиц, тогда как 23-я тд, 1-я тд, 13-я тд и мд СА «Фельдхернхалле», имеющие: танков – 90, СУ – 63, всего 153 единицы, находились южнее и юго-восточнее Будапешта³.

Согласно журналу боевых действий 6-й немецкой армии на 10.11.1944 г. армейская группа «Фреттер-Пико» располагала следующей бронетехникой (очевидно, указаны только боеготовые машины; бронетранспортеры и бронев автомобили также не указаны): 4-я полицейская дивизия СС – 14 штурмовых орудий; 46-я пд – 4 штурмовых орудия; 23-я тд – 3 танка Т-IV, 5 Т-V, 2 штурмовых орудия, 11 противотанковых 75-мм САУ «Ягдпанцер IV»; 1-я тд – 1 танк Т-III, 9 Т-IV, 5 Т-V, 2 штурмовых орудия; 13-я тд – 1 танк Т-III, 6 Т-IV, 2 Т-V, 2 штурмовых орудия; мд «Фельдхернхалле» – 5 танков Т-V, 1 Т-IV, 5 штурмовых орудий; 8-я кд СС – 5 противотанковых 75-мм САУ «Хетцер»; 22-я кд СС – 4 «Хетцера»; 228-я бригада штурмовых орудий – 13 штурмовых орудий; 325-я бригада штурмовых орудий – 12 штурмовых орудий; 503-й тяжелый танковый батальон – 12 танков Т-VI; 661-й дивизион ПТО – 2 «Хетцера»⁴. Итого получается 50 танков, 54 штурмовых орудия и 22 противотанковых САУ всех типов, т. е. 126 бронеединиц.

2-й УФ на направлении главного удара в районе Цеглед, Сольнок сосредоточил переведенные с левого фланга 2-й и 4-й мк и 23-й тк из конно-механизированной группы генерала Плиева, которые должны были вводиться в полосу 7-й гв. армии в качестве эшелона развития успеха; в их составе

было 350 танков и 86 СУ, всего 436 единиц. К этому количеству следует добавить бронетехнику эшелона прорыва, включавшего в себя 27-ю гв. тбр, 991-й сап, 1897-й сап: 15 танков и 37 СУ, всего 52 единицы. В целом оба эшелона имели 365 танков и 123 СУ, итого – 488 бронеединиц; превосходство над противником было бесспорным.

11 ноября 1944 г. войска 7-й гв. армии перешли в наступление, имея задачу во взаимодействии с конно-механизированной группой генерал-лейтенанта Плиева, 2-м и 4-м гв. мк прорвать оборону противника на участке Ясладань, Майор и развить наступление в северо-западном направлении. Артиллерия армии с 8.30 до 8.50 провела артподготовку, подвергнув огневому воздействию действующие цели на переднем крае и в глубине обороны противника, а также ближайшие к фронту населенные пункты, превращенные в узлы сопротивления. В результате противник, не имевший достаточно разветвленной системы траншей и окопов, понес большие потери (особенно на участке 25-го гв. ск, где огонь артиллерии имел наибольшую плотность) и был вынужден поспешно отходить, оказывая лишь слабое сопротивление. Учитывая это, сразу вслед за пехотой были введены в бой подвижные соединения 2-го и 4-го гв. мк.

За день боя 11 ноября только огнем артиллерии и минометов 7-й гв. армии было уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, 1 орудие, 12 минометов, 33 пулемета, подавлено 7 артбатарея, 6 минбатарей, 36 пулеметов и 1 орудие ПТО. Части 7-й гв. армии было захвачено до 200 пленных, взяты трофеи: орудий калибра 75 и 105-мм – 27, минометов – 6, пулеметов – 22, танков – 2, бронетранспортеров – 2, автомашин – 9, повозок – 35⁵.

Восточнее мехкорпусов, наступавших в направлении на Ясберень и далее на Хатван, была введена КМГ генерала Плиева с 23-м тк в первом эшелоне, 4-м и 6-м гв. кк – во втором. Перед конно-механизированной группой стояла задача овладения г. Дьендьеш у подножия гор Матра. Сильным узлом обороны противника на пути к нему был населенный пункт Ясладань, представлявший собой узел шоссе дорог на железнодорожной линии Сольнок – Дьендьеш. Первыми в Ясладань ворвались танки 3-го танкового батальона 39-й тбр 23-го тк под командованием капитана Куприянова. Первым танком, ворвавшимся в город, был танк командира взвода лейтенанта Журавлева, который своим личным примером увлек за собой остальные танки батальона. В бою за овладение Ясладань Журавлев уничтожил 6 орудий, 3 пулемета, 4 автомашины и до 30 солдат и офицеров противника. Кроме того, был взят ряд других населенных пунктов; потеряв в бою 3 танка сожженными и 3 подбитыми, 23-й тк захватил в качестве трофеев орудий 75-мм – 11, зенитных орудий – 14, тяжелых пулеметов – 8, складов с боеприпасами – 1⁶.

Оборона противника была прорвана до 50 км по фронту и от 5 до 12 км в глубину. Подвергнувшиеся удару 23-я тд, 46-я пд и 4-я полицейская

дивизия СС 57-го тк не удержали позиций и отступили⁷. Командование армейской группы противника отреагировало на это указаниями командирам корпусов: «Венгерские пехотные соединения необходимо еще в более широком масштабе вливать в состав немецких соединений, артиллерию – соединять с немецкой артиллерией. В отношении снабжения и моральной подготовки немцы и венгры должны быть поставлены в одинаковые условия. Трусы и мародеры должны строго караться военным судом. В командирах и солдатах надлежит воспитывать сознание необходимости прочного удержания позиций в своих руках. Настроения, связанные с отступлением войск, должны быть решительно искоренены»⁸.

12 ноября в наступление перешли войска правого крыла 2-го УФ. 23-я и 57-я армии и КМГ генерала Горшково, преодолевая упорное сопротивление германо-венгерских войск, перерезали шоссе и железную дорогу Мишкольц – Будапешт на участке Эмед, Фюзешабонь протяжением около 40 километров, чем лишили противника важнейших рокад. В центре 7-я гв. армия и подвижные соединения продолжали наступать, обходя Будапешт с северо-востока. 23-й тк в результате боев 12–13 ноября нанес противнику большие потери: орудий разных калибров – 46, самоходных орудий – 6, бронетранспортеров – 6, минбатарей – 7, пулеметов – 52, винтовок – 581, мотоциклов – 26, повозок с боеприпасами – 45, раций – 1, паровозов – 1, вагонов – 18, тягачей – 3, складов с разным имуществом – 4; убито солдат и офицеров – до 600, захвачено в плен – 132 чел. Но и собственные потери были значительными: танков подбито – 15, сгорело – 13, завязли в болотах – 18, людей убито и ранено 185 человек⁹.

Непрерывные дожди и снег привели к тому, что и почва вне дорог, и сами дороги размокли и стали труднопроходимыми. Маневренность подвижных соединений снизилась, они стали втягиваться в фронтальные бои и вместо глубоких прорывов продвигались вперед вместе со стрелковыми дивизиями. В КМГ генерала Плиева из-за ограниченного количества кабельных средств, неуккомплектованности личным составом и подвижными средствами проводная связь с корпусами отсутствовала (поддерживалась только по радио). Командующий конно-механизированной группой в своих боевых распоряжениях распекал командиров корпусов и их штабов за «трусливость и малую активность и инициативность»; Плиев, как сообщается в ЖБД Группы, «неудовлетворенный действиями подчиненных корпусов, сам выезжал с оперативной группой непосредственно в корпуса, дивизии и полки, и личным вмешательством, жестким требованием непосредственно на поле боя показывал, как нужно водить кавалерийские соединения в современном бою»¹⁰. Действительно, кавалеристская тактика порой приводила к успеху: так, 15 ноября в бою за Ясороксаллаш 138-й кавполк 30-й кд 4-го гв. кк в конном строю

ворвался на окраину города, завязал уличные бои и тем самым создал условия главным силам дивизии и остальным частям группы развить успех и овладеть городом (в этом бою понесла большие потери немецкая 1-я тд; в частности, были потеряны все противотанковые самоходные орудия). Однако в 1944 году на атаки в конном строю полагаться не приходилось; между тем в 23-м тк к 16 ноября на ходу осталось 45 танков (из 108 на начало операции) – боевые возможности корпуса снизились вдвое¹¹.

Впрочем, положение противника было еще хуже. «Донесения, поступающие от войск, полностью подтвердились, когда я непосредственно на поле боя ознакомился с их состоянием, – вспоминал позднее об этих днях генерал-полковник Фриснер. – На отдельных участках фронта немецкие батальоны насчитывали всего лишь по 100–200 человек. На каждые 100 метров фронта приходилось в среднем по 3,5 человека. Для противотанковых пушек не имелось необходимых средств тяги. Особое беспокойство внушало положение с танками. 13-я танковая дивизия имела не больше чем по одному боеспособному танку типа Т-IV и Т-V. В 24-й танковой дивизии боеспособных танков не осталось вообще; весь ее парк насчитывал 7 бронетранспортеров. Самые боеспособные танковые дивизии имели по 8, а большинство других по 4–5 танков»¹².

По данным оперуправления штаба 2-го УФ, противник, ощущая недостаток в активных штыках, сформировал в каждом пехотном полку сборные взводы из солдат тыловых подразделений, которые использовались в первой линии обороны на менее угрожаемых направлениях. Во многих случаях инженерные и железнодорожные венгерские батальоны использовались как стрелковые подразделения в боевых порядках пехоты. «Воля к сопротивлению у венгров по мере нашего продвижения вперед ослабевает и венгерские подразделения все чаще и чаще при удобном случае сдаются в плен», – отмечалось в ноябрьской сводке боевого опыта войск 2-го УФ. В отличие от венгров, немцы продолжали оказывать упорное сопротивление, однако и у них обнаруживались слабые места: «В результате боев и по показаниям пленных офицеров установлено, что немецкая пехота не выдерживает обходных маневров и фланговых ударов нашей пехоты. Заметив, что наши подразделения обходят, командиры пехотных частей противника требуют немедленной поддержки самоходными орудиями и в случае неполучения такой поддержки начинают отходить с занимаемых позиций»¹³.

После того как 4-й мк обошел Ясберень с севера, противник начал отводить свои подвижные соединения на линию Годолло, Хатван, Эгер. 16 ноября 6-я немецкая армия заняла позицию «Карола», проходившую в предполье шоссе Будапешт – Мишкольц от внешнего обвода укреплений столицы до района южнее Эгер; ее опорными узлами обороны были Асод, Хатван и Дьендьеш¹⁴.

Пока сухопутные войска противника отступали в воздухе усилились действия немецкой авиации. Против войск 2-го УФ действовали 1-й и 4-й авиакорпуса из состава немецкого 4-го воздушного флота. Численность самолетов противника возросла сначала до 460, а затем до 525–540 машин, в том числе истребителей – 165, бомбардировщиков – 155 (в том числе 45 Ю-87), связных и транспортных – 50, разведчиков – 80¹⁵. Авиация противника группами 10–25 бомбардировщиков действовала по боевым порядкам и коммуникациям наших войск, одиночными и парами самолетов вела разведку поля боя и тыловых объектов. Так, 17 ноября в течение дня немецкая авиация группами 15–20 самолетов штурмовала боевые порядки КМГ генерала Плиева; за день было отмечено 210 самолетопролетов (с 5 по 22 ноября в полосе 2-го УФ было отмечено 1530 самолетопролетов)¹⁶. Противник концентрировал усилия своей авиации на наиболее угрожаемых направлениях, прикрывая остальные участки поля боя группами истребителей, эшелонированных на высоте от 1500 до 400 м и насчитывающих до 20–25 самолетов типа Ме-109 и ФВ-190. Особенно увеличилась активность авиации противника в период 13–17 ноября, когда было отмечено появление на фронте группы истребителей «Удет», укомплектованной высококвалифицированным летным составом, в результате чего воздушные бои приняли особо ожесточенный характер¹⁷.

В свою очередь, в 3-м истребительном авиакорпусе 5-й воздушной армии действовала группа летчиков-асов, получивших современную матчасть, под командованием командира 150-го гвардейского истребительного авиаполка полковника А. Д. Якименко. Располагаясь на самой близкой к линии фронта посадочной площадке, группа имела основной задачей немедленный вылет для наращивания наших сил и решение боя в нашу пользу: аэродром группы «Меч» имел прямую радиосвязь с командным пунктом и приход группы по сигналу был доведен до 4–6 минут с момента его подачи. Часто эта специальная группа истребителей использовалась для очищения воздуха от самолетов противника в районе, где должны были работать бомбардировщики и штурмовики: группа приходила в район цели за 6–10 минут до удара и активным поиском изгоняла истребителей противника с поля боя¹⁸. В целом, несмотря на увеличившуюся активность противника, господство в воздухе оставалось за авиацией 2-го УФ. За ноябрь 1944 г. самолеты 5-й воздушной армии совершили 7 667 самолетовылетов и уничтожили 53 танка, 1510 автомашин, 11 паровозов, 345 железнодорожных вагонов, 29 складов с боеприпасами и горючим, более 4500 солдат и офицеров противника. Был подавлен огонь 65 батарей полевой и зенитной артиллерии, создано 257 очагов пожара, вызвано 66 взрывов. В 158 воздушных боях летчики 5-й ВА сбили 195 самолетов противника; собственные потери в этих боях составили 35 самолетов¹⁹.

Отход немецких соединений на позицию «Карола» не дал им больших преимуществ. Из 57-го тк в штаб 6-й армии сообщали: «корпус рассматривает наш передний край обороны лишь как линию охранения, оборудованную в виде отдельных опорных пунктов и удерживаемую очень незначительным количеством сил. В районе 23-й тд (в предполье Хатван) на участке в 1 км находится всего лишь 23 пехотинца, не считая тяжелого оружия. В результате физического и духовного перенапряжения воля к сопротивлению в наших войсках настолько ослабла, что командир корпуса высказывает серьезные опасения в связи с предстоящим ударом противника»²⁰.

Генерал танковых войск Фридрих Кирхнер не ошибся в своих опасениях: 17 ноября позиция «Карола» была прорвана войсками 2-го УФ севернее Дьендьеш и южнее Дьендьеш. В районе последнего (Дьендьеш представлял собой крупный узел шоссежных дорог) 23-й тк за день потерял 4 танка сгоревшими и 12 подбитыми (в строю осталось 23 машины) – несмотря ни на что противник продолжал оказывать сильное сопротивление²¹. Однако этого было недостаточно, чтобы сдержать натиск частей генерала Плиева, овладевших на следующий день городом. В журнале боевых действий конно-механизированной группы рассказывается, что «командующий КМГ, недовольный нерешительными и медлительными действиями 4 гв. кк, лично выехал в боевые порядки 10 гв. кд. Под его непосредственным руководством и личным участием части 10 гв. кд в 13.00 ворвались в город Дьендьеш. Командующий КМГ лично находился в боевых порядках кавалерийских полков, руководя боем наступающих частей»²².

Не желая смириться с потерей важного центра коммуникаций, противник контратаковал крупными силами. 19 ноября в контратаках в районе Дьендьеш участвовало до четырех полков пехоты, поддержанных 50 танками и самоходными орудиями; отдельным группам удалось прорваться до центра города, но затем они были отброшены²³. В то же время и соединениям КМГ не удалось переломить ход сражения в свою пользу и развить наступление в северо-западном направлении. 21.11.1945 г. противник прежними частями с танками и СУ до 12 артиллерийско-минометных батарей в течение дня оказывал упорное сопротивление частям КМГ, переходя в контратаки силами от батальона до полка при поддержке 80 танков и мощного артиллерийского и минометного огня с участием шестиствольных минометов. В ЖБД Группы были отмечены действия тяжелых танков типа «Королевский тигр», «непробиваемого в лобовой и боковой части снарядами 76-мм и 85-мм орудий»²⁴.

В развернувшихся тяжелых боях советские бойцы и командиры демонстрировали подлинные образцы героизма. Так, комсорг 3-го эскадрона 115-го кп 8-й кд 6-го гв. кк пулеметчик Корсаков 1924 г. рождения, четырежды орденносец, в бою за г. Дьендьеш из своего пулемета истребил 18 гит-

леровцев. В одном из последующих боев Корсаков участвовал в отражении контратаки противника. Пехота противника большой группой вышла на фланг наших подразделений и отрезала часть наших бойцов от основных сил. В этой группе находился пулеметчик Корсаков, который своим огнем из пулемета рассеял пехоту противника и частью уничтожил ее, ликвидировав таким образом угрозу окружения наших подразделений. Через два часа после первой контратаки противник контратаковал снова, на этот раз при поддержке тяжелых танков. В тяжелых условиях боя, невзирая на непосредственно угрожающую ему опасность, Корсаков продолжал вести огонь и уничтожил более 20 гитлеровцев. Когда танки подошли вплотную, он вступил в единоборство с тяжелым танком противника, подорвал его противотанковой гранатой и погиб смертью храбрых от вражеского снаряда. Корсаков был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза²⁵.

Темпы продвижения снижались из-за высоких потерь наступающих соединений. По свидетельству И. А. Плиева, «в 4-м гвардейском корпусе в некоторых частях выбыло из строя много офицеров. В эти дни в корпусе были ранены полковник Машталлер, начальник штаба 10-й гвардейской кавдивизии Губанов, командир 9-й гвардейской кавдивизии полковник Демчук, заместитель начальника политотдела корпуса подполковник Шутковский, четыре заместителя командиров полков, три первых помощника начальников штабов полков, двадцать командиров эскадронов, двести шестьдесят семь командиров взводов и другие. Многими взводами командовали сержанты, а в 9-й гвардейской кавдивизии во главе двух эскадронов стояли старые опытные сержанты. Подобная картина была и в 6-м гвардейском кавкорпусе»²⁶.

Мало чем отличалась от этого и ситуация с пехотой: по состоянию на 25 ноября во 2-м УФ численный состав одной стрелковой дивизии достигал 7 000 чел., 2 – 6 000 чел., 6 – 5 500 чел., 6 – 5 000 чел., 14 – 4 500 чел., 12 – 4 000 чел., 4 – 3 500 чел.²⁷ (Всего 207 тыс., что на 15 тыс. меньше, чем на 10.11.44, и на 47 тыс. меньше, чем на 1.11.44; 30 из 45 соединений имели менее половины штатной численности). Требовались подкрепления; правда, порой и они не решали проблемы – так, на правом фланге войскам 2-го УФ, несмотря на то что в соответствии с директивой Ставки сюда были переданы 30-й и 18-й гв. ск из состава 4-го Украинского фронта, не удалось взять Мишкольц.

Маршал Р. Я. Малиновский стремился добиться выполнения поставленных задач путем совершенствования тактики частей и соединений. В изданной 21 ноября 1944 г. директиве № 00815 он указывал, что «опыт последних наступательных боев показал целый ряд слабостей в управлении войсками и боем». Были названы конкретные недостатки:

«1. Командиры 2-го и 4-го мехкорпусов и командующий КМГ не стремятся вырваться в компактной группировке своих войск вперед и

не отрываются от пехоты, а стремятся все время действовать в одну линию с пехотой. Это приводит к затяжным боям с потерей маневренности, т. е. с потерей основного качества этих соединений. Это приводит к фронтальным атакам, которые мало дают успеха, а приносят неоправданные и излишние потери как в людях, так и в технике.

2. Отсутствие смелости как в решениях, так и в действиях со стороны командира 2-го мк генерал-лейтенанта Свиридова и командира 4-го мк генерал-лейтенанта Жданова. Подтверждением этого служат боевые действия корпусов как в направлении Будапешт, так особенно в направлениях Ясберень – Хатван и Надьката – Асод, которые нельзя назвать хорошими действиями корпусов.

3. Мои указания в отношении массированного применения танков выполняются неточно, и, наоборот, распыляются танки по мелким группам и на широком фронте, т. е. применяют старый прием действия танков ПП, который теперь уже не пригоден и малоэффективен.

4. Испытывается затруднение в огнеприпасах, особенно для артиллерии, – командармы и комкоры пошли по пути наименьшего сопротивления и все трудности и неуспех своих атак стремятся оправдать недостатком снарядов, вместо того, чтобы недостаток снарядов восполнить отличной организацией управления огнем артиллерии и маневром траекториями...

5. Штабы не организуют непрерывного контроля за действиями войск и своевременно о ненормальностях в тактическом расположении наступающих войск не докладывают своим командирам. В результате этого, в большие промежутки между флангами дивизии, к тому же и не охраняемые, противник проникает группами танков и пехоты, перерезает коммуникации, линии связи, задерживает наше наступление и главным образом ставит в трудное положение наши наиболее смело действующие и глубоко проникающие вперед дивизии. Так было в районе Уйхартьян на участке 46-й армии и в районе Днош – Дьер в 27-й армии.

6. Часто можно услышать в докладах и в донесениях командармов и комкоров: «Наше наступление остановлено потому, что противник перешел в контратаку силою до 200 человек пехоты и 7 самоходок», или силою до 2 батальонов и 15 бронеединиц и на основе этого наши дивизии и корпуса, располагающие тройным и четверным превосходством в силах, останавливают свое наступление и начинают отбивать такие, с позволения сказать, контратаки противника. Пора понять, что этими контратаками противник главным образом воздействует на волю командиров наступающих частей и соединений, заставляя их отказаться от продолжения наступления и перейти к остановке для отражения атак противника и этим выиграть время для организованного отхода».

Командующий фронтом приказал:

1. Танки применять исключительно массированно. Вводить одновременно в бой в одном

эшелоне не менее 80% от общего наличия танков и самоходных установок, оставляя 20% во втором эшелоне. Действовать группами танков по 30–50 единиц на одном направлении с промежутками в 1–2 км между этими группами. Атаковать быстро и на больших скоростях до полного выполнения ближайшей задачи. Пехоте ни в коем случае не отставать от танков.

Вся артиллерия в пределах досягаемости обеспечивает танковую атаку, прикрывая огнем промежутки между танковыми группами и впереди танков.

2. Ни в коем случае не останавливать начатое наступление для отражения контратак противника. Наоборот, свою атаку проводить еще стремительнее и быстрее, ведя огонь на ходу и завершая ее встречным штыковым ударом.

3. Применять шире огонь прямой наводкой. Повысить управление огнем и массировать огонь на короткое время по объектам атаки, последовательно подавляя их.

4. Штабам непрерывно следить за действиями своих войск и устранять немедленно все ненормальности. Надежно прикрывать фланги, особенно танковых и конно-механизированных групп.

5. Пехоте решительно и быстро наступать за подвижными соединениями, не отставать от них и не допускать их отсечения. Подвижным соединениям, в свою очередь, смело отрываться от пехоты²⁸.

Последним успехом второго ноябрьского наступления на Будапештском направлении стало взятие 25.11.1944 г. города Хатван – опорного пункта обороны противника, узла железных и шоссейных дорог. Наличие танков и самоходных орудий, применяемых противником на всем фронте армии, как подвижных огневых средств небольшими группами, а также в одиночку для поддержки контратакующей пехоты или для остановки наступающей советской пехоты, дали возможность ему зацепиться за частично подготовленный в инженерном отношении рубеж и перейти к активной обороне. В ЖБД 7-й гв. армии отмечалось упорство в обороне немецких подразделений и отстаивание ими каждого клочка местности (причем наибольшее сопротивление оказывалось в населенных пунктах, на дорогах), использование в обороне каналов, ручьев, железных и шоссейных дорог; маневрирование тактическими резервами и действующими подразделениями с переброской их не только внутри боевого участка дивизии, но и на участок соседней дивизии; отсутствие массированного применения танков, которые играли роль маневренных средств огневой поддержки пехоты, подчас заменяя пехоту и давая ей самой возможность производить перегруппировку или отходить на следующий рубеж (также часто встречалось использование мелких групп пехоты с автоматическим оружием, свидетельствовавшее о недостатке людских резервов); стремление к массированному применению артиллерии и авиации для воздействия их по боевым

порядкам наших войск²⁹. Иными словами, несмотря на большие потери (см. ниже), противник оставался опытным и искусным в оборонительной тактике, что заставляло советское командование искать новые решения.

По немецким данным, только 57-й тк за неделю 21–27.11.1944 г. потерял 3 900 чел. убитыми, ранеными, больными и без вести пропавшими, причем потери 46-й пд составили 1088 чел., 18-й дивизии СС – 1902 чел.³⁰ Бронетанковыми и механизированными войсками 2-го УФ в ходе боевых действий 11–27.11.1944 г. было уничтожено: танков – 64, самоходных орудий – 77, орудий всех калибров – 450, бронетранспортеров – 54, тягачей – 8, тракторов – 6, автомашин – 355, мотоциклов – 29, минометов – 125, пулеметов – 703, винтовок и автоматов – 1817, лошадей – 195, радиостанций – 12, самолетов – 7, солдат и офицеров противника – 16200; захвачено: танков – 1, самоходных орудий – 6, орудий всех калибров – 40, бронетранспортеров – 5, автомашин – 39, мотоциклов – 7, минометов – 8, пулеметов – 55, автоматов и винтовок – 622, складов – 9, лошадей – 27, солдат и офицеров – 1 409. Правда, и цена была заплачена немалая – за эту же операцию танковые и механизированные соединения фронта, действовавшие на направлении главного удара, потеряли 179 танков и 21 СУ³¹.

24 ноября представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко отправил в Ставку ВГК донесение, в котором назвал причины сравнительно малых успехов наступления войск 2-го УФ:

«1. При относительном преимуществе в силах командование фронта стремится разгромить группировки противника сразу на нескольких направлениях (Мишкольц, Эгер, Хатван).

2. Такое стремление бить противника на всех направлениях приводит к распылению сил и не позволяет создавать необходимого преимущества. Например, главная группировка фронта (27, 53 и 7-я гв. армии), имеющая двадцать четыре стрелковые дивизии, три механизированных и танковый корпуса и два кавкорпуса, распределена так:

а) мишкольское направление – 27-я армия в составе восьми стрелковых дивизий на фронте 50 км;

б) эгерское направление – 53-я армия в составе семи стрелковых дивизий на фронте 45 км;

в) хатванское направление – 7-я гв. армия в составе девяти стрелковых дивизий на фронте 55 км. На этом же направлении действуют три механизированных и танковых корпуса и два кавкорпуса.

Таким образом, стрелковые соединения по армиям и направлениям распределены равномерно; некоторое преимущество имеется только в 7-й гв. армии, так как в ее полосе действует группа Плиева, 2-й и 4-й механизированные корпуса, но как Плиев, так и механизированные корпуса измотаны боями и особого перевеса в силах на фронте Шумилова не дают. Кроме того, эти подвижные группы при прорыве организованной

обороны действуют разрозненно, без поддержки достаточного количества артиллерии и взаимодействия с пехотой.

3. Командиры соединений и их штабы несколько избалованы успешными действиями в Румынии и Трансильвании и не организуют по настоящему взаимодействие родов войск³².

Маршал предложил произвести перегруппировку, сосредоточив ударные силы на направлении Хатван – Балашшадьярмат (основном) и Мишкольц (вспомогательном). На следующий день другой маршал – Малиновский – тоже обратился в Ставку с просьбой о временном прекращении наступления 53-й, 7-й гв. и 46-й армий с целью перегруппировки сил и накопления боеприпасов, и своими предложениями по дальнейшим действиям войск фронта, которые в целом соответствовали предложениям Тимошенко. 26 ноября Ставка, внося свои исправления и замечания, утвердила план обоих маршалов; второе ноябрьское наступление войск 2-го УФ на Будапешт тем самым было окончено³³.

Взять венгерскую столицу и на этот раз не удалось. На левом фланге 46-я армия фактически не имела продвижения, на правом фланге 27-я армия не смогла овладеть г. Мишкольц; в то же время в центре 7-я гв. армия при поддержке мехкорпусов и КМГ добилась определенного успеха, а именно разгромила Хатванскую группировку противника, прикрывавшую Будапешт с востока, овладела крупными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами противника – городами Ясберень и Хатван и вышла на ближние подступы к Будапешту с востока. Тем самым столица Венгрии была взята в полукольцо; 46-я и 7-я гв. армии создали предпосылки для производства маневра с целью последующего овладения городом, но для этого требовалось привести свои войска в порядок, пополнить боеприпасами и горючим, произвести перегруппировку и необходимые подготовительные мероприятия.

Примечания

- 1 Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200. Л. 58–59.
- 2 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 10.
- 3 Там же. Д. 1843. Л. 37.
- 4 Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 162–163.
- 5 Там же. Ф. 341. Оп. 5328. Д. 292. Л. 226, 228.
- 6 Там же. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 8 ; Д. 39б. Л. 11.
- 7 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 27 ; Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966. С. 172.
- 8 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 169.
- 9 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1305. Л. 4 ; Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 9.
- 10 Там же. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 8, 10.
- 11 Там же. Л. 14 ; Д. 39б. Л. 12 ; Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 206.

- 12 Фриснер Г. Проигранные сражения. С. 175–176.
- 13 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1339. Л. 6, 11, 12.
- 14 Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 219, 221.
- 15 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200. Л. 64 ; Ф. 327. Оп. 4999. Д. 21. Л. 356.
- 16 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1200. Л. 66 ; Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 15.
- 17 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1339. Л. 10 ; Ф. 327. Оп. 4999. Д. 21. Л. 356.
- 18 Там же. Ф. 327. Оп. 4999. Д. 21. Л. 396–398 ; Якименко А. Д. Прикрой, атакую! В атаке – «Меч». М., 2005. С. 34, 273.
- 19 Давтян С. М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 215.
- 20 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 224.
- 21 Там же. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 16 ; Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 228.
- 22 Там же. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 16.
- 23 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 33.
- 24 Там же. Ф. 278. Оп. 1519. Д. 39а. Л. 20.
- 25 Там же. Д. 39б. Л. 16.
- 26 Плиев И. А. Дорогами войны. М., 1985. С. 167.
- 27 ЦАМО. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1300. Л. 10.
- 28 Там же. Л. 36 ; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 8. М., 1949. С. 107–109.
- 29 ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 459. Л. 1–2.
- 30 Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 260. Л. 292.
- 31 Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1843. Л. 37.
- 32 Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. С. 419–420.
- 33 См.: Русский архив : Великая Отечественная. Ставка ВКГ : Документы и материалы 1944–1945 : в 24 т. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 176, 309.

Принятые сокращения

гв мк – гвардейский механизированный корпус
гв ск – гвардейский стрелковый корпус
тд – танковая дивизия
мд – мотодивизия
пд – пехотная дивизия
кд – кавалерийская дивизия
тк – танковый корпус
гв тбр – гвардейская танковая бригада
гв мк – гвардейский механизированный корпус
гв кк – гвардейский кавалерийский корпус
мк – мехкорпус
5-я ВА – воздушная армия
УФ – Украинский фронт
су – самоходная установка
сау – самоходная артиллерийская установка
сап – самоходный артиллерийский полк
жбд – журнал боевых действий
пто – противотанковое орудие
кмг – конно-механизированная группа

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(38).09:930.272(38)

«ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ» ПАВСАНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ

С. П. Выскубов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: stas_16-92@mail.ru

В статье, посвященной рецепции «Описания Эллады» Павсания в поздней античности и средневековье, освещается проблема цитирования и обращения к этому сочинению со времени его создания во II в. н. э. и до выхода в свет первого печатного издания в 1516 г. Уже в поздней античности и в эпоху Византии авторы, использовавшие сведения Павсания для своих трудов, относились к его сочинению неоднозначно, но признавали авторитетность многих сведений по географии, мифологии и искусству. Это обстоятельство во многом обеспечило актуальность «Описания Эллады» в рассматриваемый период. На основе анализа текстов современников Павсания и более поздних авторов, обращавшихся к «Описанию Эллады», делается вывод о том, что, несмотря на ряд характерных для времени его создания черт, этот уникальный источник вобрал в себя сведения по различным аспектам классической античности. С одной стороны, по своей структуре и содержанию это произведение стоит особняком среди современных трудов, с другой – сочетает в себе черты «авторитетных» сочинений древности, актуальных во все эпохи.

Ключевые слова: Павсаний, «Описание Эллады», рецепция, экзегеза, периегеза, Стефан Византийский, Дионисий Периегет, Псевдо-Лонгин.

**Pausanias *The Description of Hellas* in the Late Antiquity and in the Middle Ages:
the Problem of Reception**

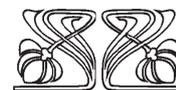
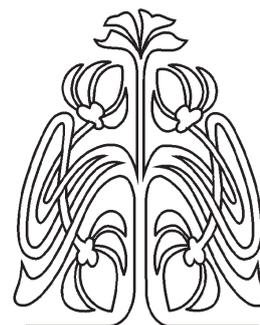
S. P. Vyskubov

In this article, dedicated to reception of Pausanias's *The Description of Hellas* in the Late Antiquity and in the Middle Ages, the problem of quotations from Pausanias' text and references to it from the time of its creation in the second century AD up to the time of its first printed edition in 1516 is considered. In the Late Antiquity and Byzantine period the authors who used *The Description of Hellas* in their works, treated it as an ambiguous opus, but recognized the credibility of most data on geography, mythology and art which it contains. This circumstance largely provided a certain relevance of Pausanias' text in that period. On the basis of the analysis of works by Pausanias' contemporaries and by later writers who used *The Description of Hellas* a conclusion is made that, despite the fact that it had a number of characteristics typical for the period of its creation, this text was a unique source which contained significant data on different aspects of the Classical Antiquity. On the one hand, the structure and contents of Pausanias' work make it particular among other texts in the second century AD, and on the other hand, it combines characteristics typical for the texts of the most authoritative antique writers.

Key words: Pausanias, *The Description of Hellas*, reception, exegesis, periegesis, Stephen of Byzantium, Dionysius Periegetes, Pseudo-Longinus.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-301-305

В своей «Всеобщей истории» Полибий (IX.1.1–5) различает три рода исторических сочинений: история о богах и героях для любителей легкого чтения; рассказы о колониях, основании городов и родстве племен для тех, кого интересуют древности; история о делах народов, городов, пра-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вителей для государственных деятелей¹. Все три рода воплотились в тексте, отстоящем от времени Полибия на три столетия – в «Описании Эллады», созданном Павсанием в середине II в. н. э. К этому сочинению сохранялся определенный интерес с момента его создания среди интеллектуалов поздней Античности и Средневековья, но особенно в эпоху Нового времени благодаря, прежде всего, И. И. Винкельману, который высоко оценивает труд Павсания и только в «Истории искусства древности» ссылается на него более двухсот раз.

Вопрос об истории текста Павсания актуален и сейчас, несмотря на обстоятельное исследование проблем, относящихся к тексту «Описания Эллады», в работах А. Диллера. При изучении различных аспектов цитирования и истории этого труда в Средние века и раннее Новое время А. Диллер затронул множество проблем текстологического и палеографического характера². Результаты его усилий служат прочной основой для дальнейших исследований в этой области.

Попытки систематизировать рукописную традицию «Описания Эллады» на основе четырех сохранившихся рукописей XV в., полных ошибок и лагун, предпринимались многими гуманистами. Рукописи, вероятно, восходящие к одному архетипу, были скопированы Никколо Никколи (1365–1437) во Флоренции в 1418 г. После его смерти была создана копия, переданная в библиотеку монастыря Сан-Марко во Флоренции, но после 1500 г. следы рукописи и копии теряются. Однако именно к этому тексту восходят четыре наиболее ранние рукописи, сохранившиеся до нашего времени: Венецианская (№ 413), Парижская (№ 1410), Флорентийская (№ 56.11) и Мадридская (№ 4564)³.

Первым печатным изданием «Описания Эллады» принято считать текст, подготовленный греческим ученым и издателем Марком Мусуром (*Markos Mousouros*, ок. 1470–1517) в Венеции и напечатанный в издательском доме Альда Мануция (1449–1515) в 1516 г. после смерти издателя. Подготовка этого издания велась с 1497 г., и к моменту его выхода Мусур уже использовал сведения Павсания для лекций по «Антологии» в Падуе в 1506 г. Два года спустя Эразм Роттердамский упоминает Павсания в своих «Изречениях» (*Adagia*), ссылаясь на рукопись Мусура. Однако считать венецианское издание 1516 г. первым не совсем верно. Текст рукописи М. Мусура подвергся переработке и редакции представителями Римской церкви, что заметно на каждой странице печатного варианта, поэтому издание точного текста Павсания относят к эпохе Реформации.

Сведения об изданиях «Описания Эллады» с середины XVI в. восходят к итальянскому гуманисту Ромулу Амасию (1489–1552), который подготовил латинский перевод этого труда, посвященный кардиналу А. Фарнезе (Рим, 1547). Немецкий гуманист В. Ксиландр (Гольцман) (1532–1576) начал готовить к изданию греческий текст Павсания,

работа была завершена после смерти Ксиландра схоластом Ф. Силбергом (1506–1596) в 1583 г. и издана во Франкфурте-на-Майне (переиздана в Ханану, 1613)⁴.

Исходя из того что существовали различные списки и текст переписывался вплоть до XV в., можно заключить, что в среде гуманистов, очевидно, понимали ценность этого автора для того времени. Остаются открытыми вопросы о том, чем именно был ценен труд Павсания и какие сведения из него заслужили наибольшего внимания.

По мнению А. Диллера и Х. Хабихта, после смерти автора «Описание Эллады» долгое время не было читаемо⁵. Нет ни одного упоминания о Павсании как авторе этого труда вплоть до VI в. и несколько столетий позже, а частое его цитирование наблюдается лишь с конца XV в.⁶ С первого взгляда создается впечатление, что появившееся во II в. н. э. «Описание Эллады» утратило свою актуальность еще в эпоху поздней Античности, однако это не совсем так. Представляется интересным рассмотреть судьбу обращения различных авторов к «Описанию Эллады» с момента его создания и до подготовки первой публикации сочинения в Венеции в начале XVI в. Важно рассмотреть наиболее характерные случаи цитирования и ссылок на труд Павсания и тем самым продвинуть вперед в решении проблемы рецепции «Описания Эллады» в указанный период.

Ссылка на «Описание Эллады» содержится уже у младшего современника Павсания – автора II в. н. э. Клавдия Элиана, в «Пестрых рассказах» которого (II.61) использованы сведения исторического характера о нападении Дионисия Старшего на Фурии. Очевидно, что ссылка на Павсания была сделана не самим Элианом, а добавлена позже переписчиком при составлении одной из копий рукописи⁷.

Без упоминания имени автор «Описания Эллады» цитируется в «Картинах» Филострата Старшего (I.2.1; 17.5; 24.1, II.6.1–2; 19.4; 34.1), Филострата Младшего (7.1; 28.2) и «Статуях» Каллистрата (7.1; 11.1). Здесь использован материал из «Описания Эллады», посвященный Олимпии (cf.: V.1; 10.4–6), и другие сведения (I.8.4; III.19.4; VIII.40; 45.5; IX.36.8; 35.3; X.38.6). В текстах «Картин» и «Статуй» нет прямого цитирования Павсания, но описание деталей некоторых произведений античной живописи были заимствованы из его сочинения⁸.

В лексиконе «Этника» Стефана Византийского (VI в. н. э.) содержится перечень более чем семидесяти названий греческих городов и племен, описанных у Павсания. В большинстве случаев «Описание Эллады» служит Стефану как справочник топонимов. Так, в статье лексикона, посвященной городу Абдера (Paus. VI.5.4), Павсаний назван «перизетом», то есть тем, «кто описывает и дает очерк какой-либо местности» (cf.: Paus. VIII.3.3; 44.1). В статьях об острове Сфактерия и Афинской гавани Фалере Павсаний

назван как тот, кто «описал Элладу» (*periēgēseōs Hellados*). В остальных случаях присутствуют ссылки на автора и соответствующий номер книги его труда (*Pausanias evatōi*, *Pausanias ogdoōi* etc.). Здесь имеются и другие ссылки на «Описание Эллады»: I.31.5; 44.4–5; III.2.5; VII.26.1–14; VIII.3.2; 13.5; 27.1; 36.9–10; 37.1.9; IX.23.5; 24.5. Таким образом, Стефан тщательно изучил весь труд Павсания, обращаясь к описанию городов, местностей и народов.

В лексиконе Стефана нет ни критических замечаний относительно сведений о городах у Павсания (он указывается как автор, «описавший Грецию»), ни прямых цитат из его труда. Известное нам деление на десять книг, очевидно, было предложено именно Стефаном. Он был первым, кому принадлежит честь спасения труда Павсания от забвения⁹.

Стефан допускает ряд ошибок: так, в статьях *Charmis* и *Karallis* описание топонимов относится явно не к пассажу X.17.9, на который он ссылается и где говорится о Каралисе и Силках. Каралис у него становится Хармисом (cf.: Paus. VIII.35.5, где речь идет о городе Харисий). Частое обращение лексикографа к Павсанию без критической оценки текста свидетельствует об авторитетности этого текста для него. Возможно, Стефан доверял «Описанию Эллады» как источнику, основанному на информации, полученной в результате личного посещения городов и местностей Греции его автором (*autopsia*).

Павсаний для Стефана является «перизэгетом», что вполне соотносится с восприятием «Описания Эллады» как *перизэгезы* уже в XIX–XX вв. Хотя такой подход и верен в отношении описаний различных местностей и городов, но он не учитывает сведений о памятниках искусства, местных преданиях, фауне и флоре – материала, занимающего более половины текста Павсания. В середине XIX в. И. Шубарт предложил рассматривать этот труд не столько как *описание*, сколько как *объяснение произведений искусства*, при этом отнюдь не исключая наличия в нем описательного элемента¹⁰. Павсаний, по его мнению, является, прежде всего, «экзегетом», то есть толкователем, повествующим о прошлом. Это мнение разделял и С. А. Жебелев, который ссылался на текст Павсания (III.11.1), где автор, возможно, следуя Фукидиду, называет свое сочинение *hē syngraphē*, то есть «записями, собранными вместе и основанными на критической оценке сведений». Таким образом, древний автор предстает перед нами *экзегетом-перизэгетом*, задачей которого, по мнению В. Гурлита и С. А. Жебелева, было не столько дать описание того, что достойно внимания, сколько сообщить информацию, представляющую интерес в «антикварном» отношении¹¹.

Несомненно, Павсаний знал перизегетическую традицию, к которой он отчасти принадлежал. Его старший современник Дионисий Перизегет, составивший «Описание ойкумены»

между 113–127 гг. н. э., предлагает своему читателю подробный перечень топонимов и этнонимов, которые составляют основу его труда, а описание памятников у него дается лишь в исключительных случаях: «на западной стороне [Египта расположен] македонский город [Александрия], где [находится] жилище великого Зевса Синопского, богато украшенное золотом. Нигде на земле нет другого такого храма, более славного, чем этот, ни другого такого города, столь богатого, как этот...» (Dion. Per. 255–260). Описание этого храма у Дионисия так же уникально, как и описание храма Зевса в Олимпии у Павсания (Paus. V.10–11) – различие в деталях описаний. В первом случае повествование строится, главным образом, на географических и топонимических принципах, то есть *перизэгезе*, а во втором – центром повествования является подробное описание самого памятника, что соответствует скорее *экзегезе*. Сведения из «Описания» Дионисия, так же как и у Павсания, широко использовались Стефаном Византийским в его лексиконе – более чем в пятидесяти случаях. Однако судьба сочинения Дионисия сложилась более благополучно¹².

После Стефана Византийского нет каких-либо упоминаний автора «Описания Эллады» на протяжении нескольких столетий. Причина, видимо, заключается в том, что на период VI–VIII вв. приходятся внешние угрозы и внутренние смуты в истории Балкан и Византии: вторжение лангобардов в Италию, авар и славян на Балканский полуостров, персов и арабов в восточные провинции империи, а в VIII – начале IX в. происходит конфликт иконоборцев и иконопочитателей. И всё же нет оснований утверждать, что по окончании «темных веков» сочинение было предано забвению, скорее имя Павсания уже к X в. перестали отождествлять с автором «Описания Эллады», а записанные им сведения не теряли своей актуальности. В этот период к Павсанию обращается один из выдающихся церковных деятелей, ученик Фотия – Арефа Кесарийский, схолиаст IX в., который комментировал многих античных авторов, в том числе и Павсания. Примером может послужить пассаж VII.21.10¹³, посвященный храму Афродиты в Патрах, в родном городе Арефы¹⁴.

Очевидно, интерес к Павсанию вызывали содержащиеся в его работе сведения географического, топонимического, этнонимического и, в последнюю очередь, искусствоведческого характера. «Описание Эллады» являлось своего рода справочником и служило подтверждением сведений для его младших современников и потомков. Византийские составители лексиконов и энциклопедий воспринимали этот текст как справочное пособие для их трудов и доверяли ему там, где его сведения отвечали их потребностям.

Значение и ценность классических форм Павсаний, несомненно, понимал и пытался сохранить в своих подробных описаниях образы великой

греческой классики.

Сведения, встречающиеся у византийских авторов, в большей степени говорят о перизегетическом характере текста Павсания, а упоминания произведений искусства, как это видно из «Картин» Филостратов, относятся к экзегетической его части. Этот вывод подводит нас к важной и актуальной для науки проблеме восприятия и понимания классического наследия в последующие эпохи, когда сохранялся интерес не только к таким «авторитетным» текстам, как Геродот, Полибий и Плутарх, но и к памятникам изобразительного искусства той эпохи. В своей «Новой истории» Зосим (VI в.) упоминает о статуях Зевса Додонского и Афины Линдской, вывезенных из древних святилищ и установленных в сенате Константинополя (V.24.7). Павсаний не описывает сами памятники, но говорит о значении тех мест для греческого мира, откуда они были привезены (Paus. I.13.3; 17.5; VII.21.2–4; X.12.10; 18.4; 24.1 и др.).

В своем труде Павсаний сочетал *описание* и *толкование*, рассказы о народах, городах и странах, детальный осмотр памятников искусства, что делает его сочинение во многом уникальным по сравнению с другими, современными ему авторами, обращавшимися так же, как он, к великому прошлому Греции в различных его аспектах. Говоря об особом интересе Павсания к культурным древностям своей страны, Х. Хабиخت отмечает предпочтение автора «старого новому, священного профанному; он гораздо больше говорит о классическом, чем о современном ему греческом искусстве, больше о храмах, алтарях и изображениях богов, чем об общественных зданиях и статуях политиков»¹⁵.

Рассмотрев контексты упоминания о нем у приведенных выше авторов, следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) трактовку созданного Павсанием текста и 2) степень «авторитетности» этого источника.

1. Исходя из особенностей языка и стиля Павсания И. Шубарт отмечает узость цели автора, так как «он почти всегда предполагает, что современники его обладают навыком и знаниями, которых у нас большей частью нет, а потому случается, что его сообщения и указания нам нередко темны и даже совсем не понятны... Он писал не для нас...»¹⁶ Эта мысль согласуется с идеей Р. Дж. Коллингвуда о непонимании понятийного аппарата и некоторых реалий эпохи у более древних авторов, например, Гомера, более поздними авторами античной эпохи¹⁷.

2. Как и очень многие авторы постклассической античности, Павсаний, несомненно, признавал «авторитетами» Гомера, Пиндара, Геродота, Полибия и часто обращался к их сочинениям. Пиетет к «древним истокам» особенно наблюдался во II в. н. э. в эпоху Антонинов: к географическим и этнографическим реалиям обращался, например, Дионисий Перизегет; памятникам искусства, генеалогиям и мифам в большей степени посвящен

труд Павсания; формы изящной словесности стали важной темой трактата «О возвышенном» Псевдо-Лонгина (II в. н. э.). В своем небольшом труде этот автор обращается к поэзии Гомера и поэтике Аристотеля, к другим великим авторам древности. Интересны мысли Псевдо-Лонгина о всяком большом произведении, не лишенном недостатков, – оно этим и ценно: «ведь тщательность во всем рискует обратиться в мелочность. В великих же созданиях, как и в чрезмерных сокровищах, должна быть обязательно какая-нибудь небрежность... для ничтожных и посредственных творений, чуждых смелых дерзаний и высоких взлетов, вообще неизбежно тяготение к безошибочности и всемерной осторожности, а неустойчивость, вероятно, свойственна только великому из-за его величия» (33.2–4). К таким «небрежным гениям» можно отнести и Павсания, который, как свидетельствуют результаты археологических изысканий, порой неточен в своих сведениях¹⁸.

Напрашивается мысль, что Павсаний, особенно после времени Стефана Византийского, не являлся «авторитетным» автором¹⁹. До того как историческое знание прочно стало на научную почву, степень доверия к источнику определялась, как правило, его «авторитетностью». Стиль исследования, удачно названный Р. Дж. Коллингвудом методом «ножниц и клея», был скорее правилом, чем исключением для большинства интеллектуалов той эпохи²⁰. Сочинения позднеантичных и византийских авторов это подтверждают.

На фоне Гомера, Геродота или Фукидида Павсаний во многом отходит на второй план античной традиции. В наше время, когда и вера в незыблемость «авторитетных» источников, и гиперкритика в отношении к ним причудливым образом сосуществуют в научном исследовании прошлого, мы можем наблюдать и вполне адекватное восприятие «Описания Эллады» как собрания ценных и уникальных сведений об античной эпохе. Наблюдая причуды обыденного знания, можно заметить, как порой далекий от антиковедения и науки в целом человек способен вспомнить Гомера и Геродота, хотя бы по именам, смутно представляя себе, о чем они писали. Однако тот же обыватель вряд ли назовет имя Павсания, создавшего «Описание Эллады», но, несомненно, вспомнит изображения Парфенона, Олимпийские игры, знаменитые статуи древности, отметит их красоту, не отдавая себе отчет в том, что знаниями обо всем этом он во многом обязан именно Павсанию. У многих отсутствует осознание того, что многочисленные отголоски античного прошлого мы бессознательно воспринимаем вне зависимости от нашей исторической и культурной компетентности как раз благодаря «Описанию Эллады».

Примечания

- 1 См.: Кащеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» // Античный мир и археология. Саратов, 2002.

- Вып. 11. С. 28.
- ² Diller A. Pausanias in the Middle Ages // Transactions and Proceedings of the American Philological Association (далее – ТРАПА). 1956. Vol. 87. P. 84–97.
 - ³ Никитюк Е. В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого возрождения // Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996. С. 39.
 - ⁴ Подробнее об этих и более поздних изданиях см.: Smith W. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. Boston, 1867. Vol. 3. P. 161–162 (s. v. Pausanias); Diller A. The Manuscripts of Pausanias // ТРАПА. 1957. Vol. 88. P. 169–188.
 - ⁵ См.: Diller A. Pausanias... P. 86; Habicht C. Pausanias's Guide to Ancient Greece. Berkeley; Los Angeles, 1998. P. 170.
 - ⁶ См.: Diller A. Pausanias... P. 88; Habicht C. Op. cit. P. 140–143.
 - ⁷ Diller A. Pausanias... P. 87.
 - ⁸ О Филостратах и судьбе их «картин» подробнее см.: Кондратьев С. П. Филостраты в жизни и искусстве // Филострат (старший и младший). Катрины. Каллистрат. Статуи. Рязань, 2009. С. 11–27; Брагинская Н. В. Fata libelli : судьба «Картин» Филострата от античности до наших дней // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 14–41.
 - ⁹ См.: Diller A. Pausanias... P. 88.
 - ¹⁰ См.: Шубарт И. Историко-литературное значение Павсания // Павсания Описание Эллады, или Путешествие по Греции во 2 в. по Р. Х. СПб., 1887–1889. С. XXVII.
 - ¹¹ См.: Gurlitt W. Über Pausanias : Untersuchungen. Graz, 1890, S. 64, 67; Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // Журнал Мин-ва народн. просвещения. СПб., 1909. Окт. С. 439.
 - ¹² Это сочинение много раз комментировалось Руфом
 - ²⁰ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 239–241.
- УДК 94(437)[12/13]

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАННЕЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОГО ГОРОДА КОЛИНА-НАД-ЛАБОЙ

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: galyamichev57@mail.ru

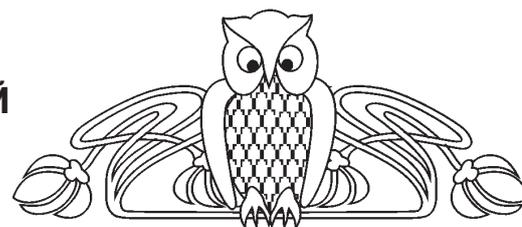
В статье рассматривается возникновение и ранняя история чешского города Колина-над-Лабой, выявляются особенности его исторической судьбы и причины стремительного роста экономического могущества и политического влияния в первые десятилетия истории.

Ключевые слова: Чехия, средние века, город, Колин-над-Лабой.

The Emergence and Early Development of the Bohemian City Kolinnad Labem

A. N. Galyamichev

The article discusses the emergence and early history of the Bohemian

city of Kolinnad Labem, identifies the features of the development and rapid growth of economic power and political influence in the first decades of history.

Key words: Bohemia, Middle Ages, city, Kolinnad Labem

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-305-309

С XIII веком как в чешской историографии, так и в обыденном сознании принято связывать возникновение большинства современных городов Чехии. Это относится даже к тем из них, названия которых упоминаются уже в письменных источниках XI–XII вв., а археологические раскопки подтверждают существование в это время

поселений неаграрного типа.

Подобного рода парадокс обусловлен теми глубокими изменениями в развитии городов Чехии, которые были связаны с развернувшейся в чешских землях с первых десятилетий XIII в. немецкой колонизацией.

В устремившемся в Чехию потоке немецких колонистов видное место занимали горожане – купцы и ремесленники, которые надеялись обрести на новой родине лучшие условия для жизни и хозяйственной деятельности, чем в городах Германии.

Их надежды основывались на покровительственной политике, которую проводили по отношению к немецким колонистам чешские короли из династии Пржемысловичей. Приглашая в страну переселенцев, они предоставляли им разного рода льготы и привилегии, важнейшей из которых было предоставление права жить на основе тех правовых обычаев и традиций, которыми колонисты руководствовались в собственной стране. При этом основанные немецкими колонистами поселения изымались из-под юрисдикции местных органов управления и с самого начала находились под непосредственной властью и покровительством короля. Немецким горожанам предоставлялось право административного и судебного самоуправления, право рынка, гарантии свободы личности и охраны собственности, а также другие вольности и привилегии, добытые жителями городов Германии в ходе длительной и упорной борьбы с феодалными сеньорами¹.

Основной поток немецких колонистов-горожан направился в сложившиеся уже в доколониционную эпоху очаги товарного производства и обращения. Наиболее значительные из них возникли вокруг областных градов – военных, административных и религиозных центров Чешского государства в X–XII вв.

При этом немецкие колонисты предпочитали селиться на свободных, не заселённых прежде местах по соседству со старыми градами и окружавшими их подградьями, заранее определяя оптимальную для городской жизни топографическую структуру будущего поселения.

В центре новой застройки отводилось место для рыночной площади – сердца экономической жизни средневекового города. От рыночной площади во все стороны расходилась геометрически чёткая сеть городских улиц. Здесь, на рыночной площади, воздвигался городской собор, а вслед за ним – здание ратуши, где располагались органы городского самоуправления, в которых первоначально ключевые позиции занимали представители немецкого патрициата, дома которых теснились в центральных кварталах вокруг рыночной площади.

Таким образом, складывались исторические ядра большинства современных городов Чехии, а воздвигнутые в XIII–XIV вв. в готическом стиле постройки являются, как правило, их древнейшими и наиболее яркими архитектурными до-

стопримечательностями.

Славянское население старых подградий постепенно вливалось в состав привилегированных городских общин, не встречая при этом труднопреодолимых препятствий: в ходе немецкой колонизации местные ремесленники и торговцы сохраняли свои позиции в хозяйственной жизни страны, и немецкие общины были заинтересованы в их интеграции в систему административно-правовых отношений города. Чешское же население подградий привлекали городские права и свободы, представлявшие собой надёжный, основанный на писаном праве инструмент защиты личных и имущественных прав горожан, который отсутствовал в системе правовых отношений Чехии доколониционной эпохи.

Наряду с этим, основным потоком немецкой городской колонизации в её ходе имело место основание совершенно новых городских поселений, возникавших по утвердившейся в исторической литературе терминологии на «зелёном дёрне».

Судьбы таких городов были неоднозначными: наряду с удачами колонистов на этом поприще их нередко подстерегали непреодолимые трудности, которые сводили на нет приложенные усилия и затраченные средства, заставляя колонистов покидать построенные дома в силу отсутствия в данной местности объективных условий для становления и развития города (прежде всего – устойчивого рынка продовольствия).

Город Колин нельзя отнести к числу основанных «на зелёном дёрне» городов в полном смысле этого слова.

Местность, в которой он был основан, была заселена и освоена уже во времена расселения славянских племён на территории Чехии². В X веке здесь выросло протогородское поселение – сторожевой пункт Ханин, расположенный на пути из Либице в Малин. Речь идёт о важнейшей дороге в пределах восточночешского княжества Славниковичей, которые бросили во второй половине X века смелый вызов пражским князьям из рода Пржемысловичей, утвердившим верховную власть над чешскими землями ещё в период наивысшего могущества Великоморавской державы³.

Когда в 995 г. князь Болеслав II взял штурмом Либице и, сравнив его с землёй, истребил до последнего младенца род Славниковичей⁴, опустел и сторожевой пункт Ханин, превратившийся в обычное сельское поселение.

Основатели города Колина находились поэтому в более сложных условиях, нежели те переселенцы из городов Германии, которые обосновывались в Праге, Брно, Оломоуце, Литомержице и других областных градах Чешского государства, ставших центрами ремесла и торговли задолго до начала немецкой колонизации.

Тем не менее город пережил «звёздный час» именно в первые десятилетия своей истории.

Точную дату основания города определить невозможно. Ясно, однако, что это произошло в

середине XIII в.⁵ Первое упоминание о Колине в письменных источниках содержится в грамоте, изданной королём Пржемыслом Оттокаром II 8 сентября 1261 г. Согласно её предписанию местечку Пршелочу (Přelouč), принадлежавшему Опатовицкому монастырю, даровались «все права и свободы, которыми обладают наши города в Колине и Хрудиме, а именно право, которое имеет город Магдебург»⁶.

Уже в 1280-е гг. Колин оказывается в эпицентре происходивших тогда в Чехии драматических событий.

Когда после гибели чешского короля Пржемысла Оттокара II в битве на Моравском Поле в 1278 г. между немецкими князьями разгорелся спор о праве регентства над Чешским королевством в годы малолетства сына и наследника погибшего короля Вацлава II, именно у Колина сошлись вторгшиеся в Чехию во главе своих войск два главных соперника в этой борьбе – император и австрийский герцог Рудольф I Габсбург и маркграф бранденбургский Оттон IV Длинный.

Приняв решение, не доводить дело до вооружённого столкновения, они заключили здесь компромиссное соглашение о временном управлении землями Чешского королевства, которые они разделили между собой⁷.

Когда же в 1285 г. достигший совершеннолетия и вступивший на престол Вацлав II издал знаменитую грамоту городских привилегий, снискавшую славу Великой хартии вольностей городов Чехии, местом её постоянного хранения было определено не Старое Место Пражское – древнейший и крупнейший из городов страны, столица Чешского королевства, а город Колин⁸.

Таким образом, основанная немецкими колонистами в XIII в. городская община заявила о своих притязаниях на ведущее место среди городов страны.

Направление поиска путей к выяснению причин столь стремительного взлёта значения города Колина даёт, как нам представляется, само его название. Следует при этом отметить, что на немецком языке город принято называть Кёльном-на-Эльбе (равным образом в чешском языке бытует название Колин-над-Рейном).

По всей вероятности, речь в данном случае идёт об уникальном в чешской городской топонимике случае, когда обосновавшаяся в чешских землях немецкая городская община принесла в Чехию название своего города-прародителя⁹.

Уникальность происхождения названия чешского Кёльна наталкивает на мысль о тщательной продуманности основания города главными вдохновителями колонизационного предприятия – представителями патрицианской верхушки одного из древнейших и богатейших городов Германии¹⁰.

Город Колин был основан в исключительно выгодном месте: с одной стороны, он строился на берегу крупнейшей из рек Чехии Лабы (входя в Германию, она принимает название Эльба),

которая связывала Чехию не только с городами Средней и Нижней Германии, но и с Северным морем, являвшимся одним из самых оживлённых перекрёстков международной торговли в средние века.

С другой стороны, окружавшая город местность славилась богатыми месторождениями серебряных руд. Их разработка, которая начиная с первых десятилетий XIII в. велась в чешских землях силами горнодобывающих товариществ, приносила горным предпринимателям, приходившим большей частью из числа богатых немецких купцов, огромные прибыли, которые значительно превосходили доходы от деятельности в других сферах экономики. В 1280-е гг. Колин, сменив магдебургское право на йиглавское¹¹, претендовал на роль главного центра добычи серебра в стране, о чём свидетельствует заключённый в 1289 г. договор Колина и Часлава о разделе рудных земель¹².

Дополнительные аргументы в пользу версии об основании Кёльна-на-Эльбе выходцами из Кёльна на Рейне даёт обращение к фактам из истории последнего. Они свидетельствуют, с одной стороны, об устойчивых торговых связях Кёльна с чешскими землями¹³, включая вывоз в Чехию продуктов кёльского ремесла¹⁴.

С другой стороны, середина XIII в. стала «одним из самых сложных и драматических периодов освободительного движения горожан против сеньориального режима»¹⁵. Вступивший на архиепископскую кафедру Кёльна в 1238 г. Конрад I, один из самых могущественных князей Германии, основатель знаменитого Кёльского собора (1248), повёл решительное наступление на права городской общины, причём «Кёльн, являвшийся одним из крупнейших торгово-промышленных центров средневековой Германии XIII в., не смог отстоять все свои права и потеснить сеньориальную власть архиепископа»¹⁶.

После того как в 1257 г. дело дошло до вооружённого столкновения, во время которого горожане проявили решительность и сплочённость, архиепископ сумел сыграть на противоречиях в среде горожан и, сделав уступки ремесленным цехам, «подверг изгнанию из Кёльна самых богатых горожан и стал хозяином города»¹⁷. Преемник Конрада I архиепископ Энгельберт II (с 1261 г. по 1275 г.) продолжал политику наступления на права горожан¹⁸.

Эти обстоятельства могли, как нам представляется, способствовать как возникновению, так и росту числа сторонников идеи покинуть берега Рейна и искать лучшей участи в чешских землях, правители которой проявляли заинтересованность в привлечении в страну переселенцев из городов Германии, предоставляя им не только возможность жить на основе своих правовых обычаев и традиций, но и щедро предоставляя новые привилегии, призванные обеспечить благоприятные условия жизни и хозяйствования в

условиях Чехии.

Основатели Кёльна-на-Эльбе обосновывались в Чехии со всей обстоятельностью, используя приобретённый их предками опыт борьбы за права и интересы города. Так, им удалось добиться от короля Пржемысла Оттокара II освобождения от всех платежей в королевскую казну и от выплаты пошлин на всей территории Чешского королевства сроком на четыре года, в течение которых они должны были возвести городские укрепления, включая ров шириной в 20 локтей и стены высотой в те же 20 локтей¹⁹.

Возведённые жителями Колина стены стали впоследствии рассматриваться как образцовые, что нашло выражение в текстах грамот, адресованных бюргерам Часлава²⁰ и Яромержице (в Моравии)²¹, в которых он предписывал им возвести стены по образцу стен Колина-над-Лабой²².

Последующая судьба Колина оказалась не столь блестящей, как первые десятилетия его истории.

Главной тому причиной стало открытие в 1290-е гг. сказочно богатых месторождений Кутных Гор, где за несколько лет стремительно вырос новый город, ставший уже к началу XIV в. крупнейшим центром добычи серебра не только в чешских землях, но и в Европе в целом.

Кутногорская «серебряная лихорадка» оттеснила Колин как центр рудной добычи на второй план и заставила многих горных предпринимателей Колина перенести главное место приливания капитала, а затем и постоянное жительство в этот новый и несравненно более богатый горнорудный центр.

Но благодаря мощному импульсу первых десятилетий развития Колин-над-Лабой сохранил положение одного из крупных городов страны, центра развития горного дела, ремесла и торговли, как местной, так и международной. Ярким эпизодом в истории города стали, в частности, события осени 1310 г., когда к Колину подошёл Иоанн Люксембург с намерением короноваться в местном храме св. Варфоломея чешской королевской короной, однако после безуспешной шестидневной осады пошёл на Прагу и торжественно вступил на престол в древней столице Чехии²³.

В том же 1310 г. колинские бюргеры получили от нового короля право на проведение двухнедельной ярмарки, а собор св. Варфоломея был после пожара 1360 г. перестроен при участии выдающегося зодчего Петра Парлержа, став одним из самых ярких творений чешской готики и предметом зависти кутногорских патрициев, начавших в стремлении превзойти соседей-конкурентов строительство знаменитого собора св. Варвары²⁴.

В годы гуситских войн Колин пережил немало испытаний: в 1421 г. город добровольно перешёл на сторону гуситов, стал одним из центров умеренного направления, затем – в 1427 г. был сначала захвачен императором Сигизмундом, но затем взят гуситским войском во главе с Прокопом

Великим. Последний оставил в городе гарнизон во главе со знаменитым гетманом «сирот» Яном Чапек из Сана. Именно в Колине Ян Чапек нашёл убежище после кровавой битвы при Липанах в мае 1434 г., которая положила конец гуситским войнам²⁵.

Колин и в дальнейшем продолжал играть видную роль в политической и культурной жизни страны. В XVI в. город стал одним из главных центров чешской культуры, в частности, книгопечатания, а также местом создания рукописного «Колинского канционала» – выдающегося памятника истории чешской музыки, содержащий 353 гуситские песни.

Трагической и переломной вехой в истории Колина стал массовый исход протестантов из Чехии после поражения армии чешских сословий в битве на Белой Горе 8 ноября 1620 г.

В наступившую после белогорской катастрофы «эпоху Тьмы» Колин превратился в один из малых городов страны, и в этом качестве существует до настоящего времени, сохранив в своём облике неповторимый дух эпохи средневековья.

Примечания

- 1 См.: *Žemlička J. Počátky Čech královských. 1198–1253. Proměna statu a společnosti. Praha, 2002.*
- 2 См.: *Valentova J., Tvrdlík R. Předlokační osídlení Kolína // Archeologie ve středních Čechách. 2004. Roč. 8. Č. 2. S. 552–555.*
- 3 См.: *Tvrdlík R. Hanín mezi Libicí a Malínem // Slavnickovci v českých dějinách. Praha, 2007. S. 88–93.*
- 4 См.: *Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 73 (I, 29).*
- 5 В качестве точки отсчёта истории Колина иногда выступала дата основания францисканского монастыря (1228). Отталкиваясь от неё П. Дан, автор пронзительного эссе о родном городе, написанного в трагическом 1941-м и впервые увидевшего свет в победном 1945-м г. называет годом рождения Колина 1226 г., видя при этом знаменательное совпадение в том, что 1226 год был годом смерти Чингисхана и Франциска Ассизского. Если оба великих персонажа всемирной истории выступали как разрушители стен (первый в прямом, второй – в переносном смысле слова), то основатели новорождённого города, напротив, были их создателями (*Den P. Pětikrát Kolín. Funke J. Můj Kolín. Kolín, 1945. S. 19*). Однако автор наиболее обстоятельного до настоящего времени двухтомного труда по истории Колина (вышедшего в 2014 г. в репринтном переиздании) Йозеф Вавра установил, что первое сообщение об основании францисканского монастыря содержится в составленном в 1787 г. описании Коуржимского края и потому не может рассматриваться как достоверное (*Vavra J. Dějiny královského města Kolína nad Labem. Kolín, 1888. D. I. S. 12–13*).
- 6 «*Omnia iura et libertates, que habent civitates nostre in Colonia et Churim, videlicet ius, quod habet Magdeburgensis civitas*» (*Codex juris municipalis regni Bohemiae. Pragae, 1954. T. IV/1, № 5. P. 17–18*).

- ⁷ Příběhy krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum. Prague, 1974. Т. II. P. 333.
- ⁸ Codex juris municipalis regni Bohemiae. Prague, 1884. Т. I, № 6. P. 15.
- ⁹ К такому мнению склоняется и Й. Вавра (*Vavra J.* Op. cit. S. 14–15).
- ¹⁰ Чешские исследователи предпочитают при этом не связывать основание Колина с судьбами немецкого Кёльна непосредственно, отмечая тот факт, что в XIII веке именно из прирейнских областей Германии в чешские земли исходил наиболее мощный поток колонистов (*Vavra J.* Op. cit. S. 14).
- ¹¹ Йиглавское право – пожалованный королём Вацлавом I в 1249 г. свод правовых норм, впервые в истории Центральной Европы письменно зафиксировавший установления, регулирующие отношения в горном деле.
- ¹² Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Prague, 1882. Т. 2, № 2729. P. 1193.
- ¹³ Из середины XIII в. происходит установление о том, что прибывавшие из Чехии (наряду с другими землями к востоку от Рейна) в Кёльн купцы должны были пребывать в городе в течение шести недель. См.: *Солодкова Л. И.* Ранний Кельн : социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан XI–XIII вв. Саратов, 1991. С. 30.
- ¹⁴ Есть прямые указания на вывоз в Чехию изделий кельнских золотых дел мастеров. См.: *Солодкова Л. И.* Указ. соч. С. 36.
- ¹⁵ *Солодкова Л. И.* Указ. соч. С. 96. Ход противостояния города и епископа рассматривается на с. 96–110.
- ¹⁶ Там же. С. 107. Главный источник о борьбе кельнских горожан с архиепископом Конрадом I опубликован в русском переводе : Спор между городом Кёльном и архиепископом Конрадом Гохштаденским (28 июня 1258 г.) // Средневековое городское право XII–XIII веков. Сборник текстов / под ред. С. М. Стама. Саратов, 1989. С. 65–83.
- ¹⁷ *Стоклицкая-Терешкови В. В.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв. М., 1960. С. 158.
- ¹⁸ См.: Спор между архиепископом Энгельбертом II и городом Кёльном (1264 (1265) г., 8 марта) // Средневековое городское право XII–XIII веков. С. 83–93.
- ¹⁹ Codex juris municipalis regni Bohemiae. Prague, 1895. Т. II. № 25. P. 84–85.
- ²⁰ Ibid. № 26. P. 87.
- ²¹ Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Prague, 1882. Т. 2, № 2391. P. 1035.
- ²² В последней грамоте предписывалось возвести стены, «qui sint omnino conformes civitatis Colonie muris».
- ²³ Kronika Zbraslavská. Vyd. J. V. Novak. Praha, 1905. S. 301–302.
- ²⁴ См.: *Пон И. И.* Искусство Чехии и Моравии IX–XVI вв. М., 1978. С. 111.
- ²⁵ Перипетиям времён гуситских войн посвящён специальный раздел работы Й. Вавры (*Vavra J.* Op. cit. S. 71–88).

УДК 9(410.192.11) «13» / «14»

ГОРОД ЙОРК И АНГЛО-ШОТЛАНДСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА

Т. В. Мосолкина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tmosolkina@mail.ru

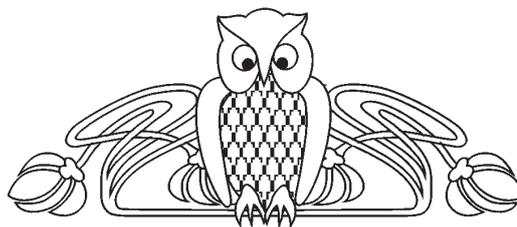
В статье рассматривается вопрос о месте и роли английских городов в военных конфликтах Англии и Шотландии во второй половине XV века. В качестве объекта рассмотрения взят город Йорк, который не только располагался в пограничном субрегионе, но и играл важную роль во внутренней и внешней политике Англии. В качестве источников в статье использованы записи в городских книгах г. Йорка.

Ключевые слова: город Йорк, история отношений между Англией и Шотландией, роль городов во внешней политике Англии в XV веке.

The City of York and the Anglo-Scottish Contradictions in the Second Half of the XV Century

T. V. Mosolkina

In the article, the problem concerning the place and role of English cities in military conflicts between England and Scotland in the second

half of the XV century is considered. As an object of consideration, the city of York is taken, which was not only situated in the boundary subregion, but also played an important role in the domestic and foreign policy of England. As sources, records of the City Books of York are used in the article.

Key words: city of York, history of relations between England and Scotland, role of cities in the foreign policy of England in the XV century.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-309-312

В начале мая 2007 г. исполнилось 300 лет англо-шотландской унии и это привело к активизации исследований истории отношений между Англией и Шотландией. Свидетельством тому могут служить, например, диссертация и монография С. В. Игнатьева и диссертация И. А. Зверевой¹. Вообще история англо-шотландских отношений в XV веке является наименее изученной темой в плане международных отношений в период позднего средневековья. Во многом эта ситуация объясняется тем, что исследователи традиционно концентрируют свое внимание на изучении собы-

тий 100-летней войны, либо сосредотачиваются на анализе военной стороны конфликтов. Кроме того, если и рассматриваются отношения между Англией и Шотландией, то особый интерес историков вызывают события борьбы Шотландии за независимость в XIII–XIV вв. или англо-шотландские отношения накануне заключения Унии в начале XVII в., когда английская королева Елизавета I назначила своим преемником шотландского короля Якова I. Вопрос же о месте и роли английских городов в англо-шотландских конфликтах вообще не рассматривается.

Город Йорк в этом плане занимал особое место. Географическое расположение в пограничном субрегионе естественным образом предопределило исполнение им роли северной столицы английского королевства. И то, что город располагался в пограничной зоне, а также переплетение государственных и локальных интересов, приводили к обязательному его участию в конфликтах с Шотландией. Столкновения между шотландцами и англичанами велись с переменным успехом. В 1377 г. англичане во главе с Генри Перси вторглись на территорию Шотландии, но были разбиты в сражении при Дунсе. В 1388 г. уже шотландцы вторглись в английские владения и разбили англичан в битве при Оттерберне. После этого на некоторое время военные действия прекратились. Но XV век весь заполнен столкновениями шотландцев и англичан. Только в первой половине века пограничные конфликты происходили в 1402, 1409–11, 1415, 1436, 1448 гг.²

Ключевым моментом в англо-шотландских отношениях в XV в. стало назначение в мае 1454 г. Ричарда Йорка регентом при короле Генрихе VI. После этого был арестован герцог Соммерсет (Эдмунд Бофор), который приходился дядей шотландскому королю Якову II, поскольку его мать была сестрой герцога. В результате Шотландия оказалась втянута в борьбу между Йорками и Ланкастерами.

Летом 1454 г. Яков II отправил в Англию посольство во главе с Джеймсом Стюартом по прозвищу Черный рыцарь из Лорна (своего отчима), чтобы добиться помилования герцога Соммерсета. Однако миссия Джеймса Стюарта не увенчалась успехом. Вследствие этого шотландский король открыто встал на сторону Ланкастеров, в то время как его политические противники в Шотландии Черные Дугласы приняли сторону Йорков.

Ланкастеры за поддержку Шотландии в борьбе против герцога Йорка обещали передать Якову II Нортумберленд, Дарэм и Камберленд³. Видимо, Яков II не слишком доверял обещаниям своих английских союзников. Поэтому в 1460 г. под предлогом защиты «законного» короля Генриха VI вторгся в пограничные владения Англии – на территорию графов Уэстморленд (Невиллов), которые были сторонниками Йорков.

Действия шотландской армии были достаточно успешными, в ходе их были захвачены

южно-шотландские земли и крепости, но военные действия пришлось приостановить из-за смерти шотландского короля. Смерть его была случайной – 3 марта 1460/61 г. при осаде замка Роксбург из-за разорвавшейся пушки, рядом с которой он стоял, Яков II погиб.

Еще до своей смерти в июле 1460 г. Яков II отправил к герцогу Йорку, который в тот момент находился в Ирландии, Эндрю Эгню из Уигтауна. Предполагают, что шотландский король хотел предложить герцогу одновременное вторжение на север Англии войск Йорков из Ирландии и шотландцев⁴. Кроме того, Яков хотел выдать свою дочь за сына герцога Йорка. Но в тот момент Йорки не слишком нуждались в поддержке шотландцев, поскольку в июле 1460 г. армия Ланкастеров была разбита, а Генрих VI попал в плен.

Уже с этого времени г. Йорк оказался вовлечен во внешнеполитические дела. В 1460 г. сторонники Ланкастеров во главе с графом Нортумберлендом выбрали именно Йорк местом сбора своих войск. В сентябре 1460 г. герцог Йоркский, назначенный протектором королевства, получил от Генриха VI Ланкастера согласие на наследование после смерти короля трона для себя и своих детей. Но королева Маргарита Анжуйская не желала потери трона для ее сына Эдуарда и собрала большую армию на севере Англии. В сражении при Уэйкфилде недалеко от своего замка в Сандале 30 декабря 1460 г. Ричард Йорк погиб, а лидером йоркистов стал его сын Эдуард, коронованный в следующем году как Эдуард IV. В ходе военных столкновений между Ланкастерами и Йорками город Йорк сильно пострадал. На полуразрушенных стенах города были вывешены головы погибших и казненных йоркистов, в том числе и голова герцога⁵.

29 марта 1461 г. недалеко от Йорка произошло одно из самых кровопролитных сражений войны Алой и Белой Роз – битва при Таунтоне. Хронисты сообщают о 28 тыс. погибших, а некоторые считают, что погибли и скончались от ран больше 30 тысяч. Среди них был и Генри Перси, граф Нортумберленд. После битвы при Таунтоне в Йорк прибыл Эдуард IV и оставался в городе три недели. В Йорке оставались больные лорды-ланкастерцы. Согласно хронике Грегори Томас Куртене, граф Девон и трое других лордов были казнены. Теперь, в свою очередь, на стенах города были выставлены головы казненных ланкастерцев⁶. Их головы заменили на стенах Йорка головы Ричарда Йорка и графа Ратленда (брата Эдуарда)⁷. Именно после битвы при Таунтоне Эдуард 28 июня 1461 г. был коронован в Вестминстерском аббатстве. Не удивительно, что отношения жителей Йорка и представителей йоркской династии были довольно прохладными (ирония судьбы в том, что сеньором города был герцог Йоркский). Хотя прохладные отношения не мешали королям-Йоркам высоко оценивать выгодное стратегическое положение города.

Приостановка военных действий с Шотландией после смерти Якова II была недолгой. Войну возобновила королева Мария. В это время был захвачен Роксбург, при осаде которого погиб Яков II. В 1461 г. шотландцам была передана ланкастерами крепость Бервик в благодарность за прием Генриха VI и его сторонников, бежавших из Англии⁸.

До конца 60-х гг. XV века шотландцы играли на противоречиях между Ланкастерами и Йорками с целью вернуть себе Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд⁹.

В 1463 и 1464 гг. в Йорке происходили встречи представителей Англии и Шотландии с целью подготовки договора между двумя государствами. В декабре 1463 г. здесь было заключено перемирие между Англией и Шотландией сроком на один год. По этому договору Англия признала потерю своих владений в Лоуленде с городами Бервик и Роксбург. И хотя через несколько месяцев после возобновившихся военных столкновений перемирие было нарушено, переданные территории остались за шотландцами. Весной 1464 г. в Йорк прибыли представители Эдуарда IV для проведения переговоров и заключения мира сроком на 15 лет¹⁰.

Новое обострение отношений с Шотландией, которое было тесно связано с судьбой г. Йорка, приходится на конец правления Эдуарда IV. В городских книгах г. Йорка сохранился очень богатый материал для восстановления событий того времени. Так, 13 октября 1480 г. граф Нортумберленд направил письмо мэру г. Йорка, в котором сообщал о вторжении шотландцев в Нортумберленд, и от имени короля предложил мэру «без задержки или промедления» выделить ему столько людей, сколько мэр сможет¹¹. 19 октября Эдуард IV в своем письме мэру и олдерменам г. Йорка поблагодарил горожан за готовность послужить ему в военной кампании вместе с герцогом Глостером против «наших врагов и мятежников шотландцев»¹². Городской клерк записал, что с общего согласия членов Совета было решено предоставить королю 60 человек сроком на 2 месяца¹³. Нужно вспомнить, что согласно Ассизе о вооружении 1181 г., которая была затем подтверждена Генрихом III в 1252 г. и Винчестерским статутом 1285 г., все горожане, как и другие свободные люди, должны были иметь оружие и во время войны нести военную службу¹⁴. Хотя это не было обычной практикой, но когда нужно короли вспоминали о существующих законах. Наиболее крупные города по традиции должны были выставлять отряды определенной численности. Как правило, они несли службу в гарнизоне местной крепости, но иногда отправлялись и в действующую армию. Кроме того, горожане должны были предоставлять для обслуживания армии плотников, кузнецов, седельщиков и других ремесленников.

В городской книге за 13 марта 1480/81 г. содержится поименный список олдерменов и членов Совета, присутствовавших на собрании и

согласившихся оказать помощь королю в борьбе с шотландцами. Видимо, эта запись появилась не случайно. Поскольку расходы на поставки королю редко возмещались, они вызывали недовольство горожан, особенно зажиточных, на которых и приходилась основная доля расходов. В I томе городской книги г. Йорка представлена королевская инструкция для шотландской экспедиции (она была предпринята в 1482 г.), направленная герцогу Глостеру и графу Нортумберленду. Среди прочих предписаний содержится указание, чтобы пекари Йорка, Дарема и Ньюкасла снабжали армию мукой и другими продуктами, за которые предполагалось заплатить. Правда, срок оплаты не указан¹⁵. Это была обычная практика. Традиционно города должны были закупать на свои деньги самые разные товары – хлеб, вино, солод, сено, сукно и прочее. Закупки делались и для королевского двора, и для армии. Горожанам Йорка тоже приходилось это делать. Так, во второй половине XIII в. Йорк на Сент-Айвской ярмарке закупил для нужд короны сукна на 130 фунтов¹⁶. Интересно, что незадолго до этого Йорк уже купил разных товаров для королевского гардероба на сумму 640 марок и 66 шилл.¹⁷ Для XIII в. это очень значительная сумма. В начале XIV в. во времена Эдуарда I корона была должна Йорку 20 ф. за вино для королевского двора¹⁸. Во время войны список товаров значительно расширился и включал в себя лес для плотов, веревки, кожу и железо, лопаты, осадные машины и прочее.

Городские документы дают представление о том, откуда брались средства на организацию военных экспедиций. Часто поборы с городов оформлялись в виде «подарков» как Ланкастерам, так и Йоркам. Например, 31 декабря 1476 г. мэр и Совет города Йорка обсуждали вопрос о «подарке» герцогу Глостеру¹⁹. 12 марта 1480/81 г. Совет решил сделать очередной «подарок» герцогу за «его большую работу, доброе и милосердное правление к чести и общей пользе города»²⁰. 29 марта 1482 г. и 6 марта 1482/83 г. городской клерк опять сделал подобные записи в городской книге²¹.

Но часто в документах содержатся сведения о прямом финансировании городами военных действий против Шотландии. Выше уже упоминалась инструкция Эдуарда IV о снабжении его армии жителями северных городов. Помимо того, что города должны были предоставлять какое-то количество солдат, те же города должны были выделять деньги на их содержание. Так, 14 мая 1482 г. городской клерк в одной из записей поименно перечислил «благородных и уважаемых людей города», которые должны были каждый пожаловать деньги на содержание двух человек²². Эти расходы были весьма значительными. В XIII в. стандартный отряд в 20 пеших воинов в течение 40 дней требовал для своего содержания 11 фунтов²³. К XV в. расходы существенно выросли.

Указанные в источниках приготовления делались в связи с очередной планировавшейся экспе-

дицией в Шотландию. Дело в том, что в 1482 г. Эдуард IV, вмешавшись в борьбу шотландских баронов, поддержал притязания на трон брата шотландского короля герцога Олбани. За оказанную поддержку герцог Олбани обещал передать, точнее, вернуть англичанам Бервик. Во главе английской армии вновь был поставлен герцог Глостер, который сделал г. Йорк местом сбора войск²⁴. В середине июля 1482 г. именно из Йорка Ричард двинулся к шотландской границе. В августе Глостер и Олбани вошли в Эдинбург и заключили мир. Однако в начале 1483 г. герцог Олбани был вынужден бежать из Шотландии, поскольку при поддержке шотландского парламента Яков III вернул себе трон²⁵.

Все детали подготовки экспедиции англичан 1482 г. нашли отражение в городских книгах Йорка. Не все горожане были согласны оплачивать расходы на военные предприятия. 7 сентября 1482 г. мэром, шерифом и городским советом было принято решение заключить в тюрьму 5 человек, выступавших против выделения денег. Осужденные должны были за свое освобождение выплатить королю 100 марок²⁶.

9 октября 1482 г. Джон Брекенбери и Томас Дэвисон, назначенные капитанами над городскими солдатами, были вызваны на заседание Совета, чтобы отчитаться о расходовании выделенных денег. Правда, Джон Брекенбери заявил, что он охотно даст отчет, но в данный момент он занят, поэтому просит перенести рассмотрение этого вопроса на следующий понедельник²⁷. 13 октября отчет капитанов был заслушан²⁸. 23 октября мэр и Совет назначили «жалованье и содержание» Джону Брекенбери сроком на 17 дней в сумме 20 п. на каждый день, Томасу Дэвисону соответственно 18 пенсов. Кроме того, им выделили деньги на содержание слуги 8 п. в день, 2 ш. на двух кучеров на срок 25 дней и 2 п. на лошадь²⁹. Уже упоминалось, что расходы на содержание воинов в XV в. по сравнению с предшествующим временем значительно увеличились. Если в XIII в. обычная оплата воина-пехотинца составляла 3–3,5 п. в день, то теперь для содержания даже обслуги требовалось не менее 8 пенсов. 20 сентября 1482 г. Джону Брекенбери и Томасу Дэвисону по решению мэра, рикордера, шерифа и Совета было назначено вознаграждение «за их усердную службу» в размере суммы, полученной для экспедиции³⁰.

Активные военные действия между Англией и Шотландией прекратились после смерти Эдуарда IV, поскольку новому королю Ричарду III Йорку стало уже не до Шотландии.

Таким образом, пример г. Йорка показывает, что английские города во второй половине XV в. не только играли важную роль во внутренней жизни королевства, но и выступали в качестве серьезного фактора во внешней политике страны.

Примечания

- ¹ *Игнатъев С. В.* Англо-шотландские отношения в первой половине XV в. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 209 с. ; *Игнатъев С. В.* Шотландия и Англия в первой половине XV века. СПб., 2011 ; *Зверева И. А.* Шотландия в системе международных отношений в конце XV – 80-е годы XVI века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 160 с.
- ² См.: *MacDonald A. J.* Border bloodshed. Scotland, England and France at war, 1396–1403. East Linton, 2000 ; *Nicholson R.* The later Middle Ages : Scotland. Edinburgh, 1974 ; *Sadler J.* Border Fury : England and Scotland at war, 1296–1568. Longman, 2004.
- ³ См.: *Jacob E. F.* The XVth century. Oxford, 1968. P. 514.
- ⁴ См.: *Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. Politics and the Three Estates, 1424–1488. East Linton, 2001. P. 167.
- ⁵ См.: *Устинов В. Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 208.
- ⁶ Там же. С. 221.
- ⁷ См.: *Garvett C.* Towton 1461. England's bloodiest battle. Osprey Publishing. 2003. P. 96.
- ⁸ См.: *Mitchison R.* History of Scotland. York, 2002. P. 76.
- ⁹ Ibid. P. 78.
- ¹⁰ См.: *Устинов В. Г.* Войны Роз... С. 233–235.
- ¹¹ York Civic Records / ed. by Angelo Raine. Wakefield, 1939–1978. Vol. 1–9. Vol. I. P. 36.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibid. P. 38.
- ¹⁴ См.: *Гутнова Е. В.* Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII – начала XIV в. // Средние века. М., 1958. Вып. XII. С. 69.
- ¹⁵ York Civic Records. Vol. I. P. 40–41.
- ¹⁶ См.: *Гутнова Е. В.* Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII – начала XIV в. ... С. 69 (прим.).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ York Civic Records. Vol. I. P. 15.
- ²⁰ Ibid. P. 51–52.
- ²¹ Ibid. P. 53, 70.
- ²² Ibid. P. 54.
- ²³ См.: *Гутнова Е. В.* Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII – начала XIV в. ... С. 69.
- ²⁴ См.: *Устинов В. Г.* Войны Роз ... С. 282.
- ²⁵ См.: *Sadler J.* Border Fury : England and Scotland at war, 1296–1568. Longman, 2004.
- ²⁶ York Civic Records. Vol. I. P. 62.
- ²⁷ Ibid. P. 63.
- ²⁸ Ibid. P. 64.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Ibid. P. 66.

УДК 94(450).071

ОТНОШЕНИЯ ПАПЫ ПИЯ IV С ПРАВИТЕЛЯМИ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х ГОДОВ XVI ВЕКА. ПО СВЕДЕНИЯМ ВЕНЕЦИАНСКИХ ПОСЛОВ ДЖИРОЛАМО И ДЖАКОМО СОРАНЦО

М. В. Третьякова

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета

E-mail: marinatretyakova@mail.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения римского папы Пия IV с правителями государств Апеннинского полуострова, а именно – с герцогами Савойи, Флоренции, Феррары, Мантуи, Урбино, Пармы и дожем Венеции по данным итоговых отчетов венецианских нобилей Джироламо и Джакомо Соранцо, послов Венеции в Риме в 1560–1563 и в 1563–1565 гг. соответственно. Автор статьи приходит к выводу, что венецианские послы выделили основные проблемы во взаимоотношениях римского папы Пия IV с правителями итальянских стран, что позволило венецианскому правительству и нобилитету быть в курсе текущей политики папского двора.

Ключевые слова: венецианский посол, Джакомо и Джироламо Соранцо, Рим, XVI век, папа Пий IV, дипломатическая миссия.

The Relations of the Pope Pius IV with the Rulers of Italian States in the First Half of the 1560s According to the Venetian Ambassadors Girolamo and Giacomo Soranzo

M. V. Tretyakova

The article deals with the relations between the Pope Pius IV and the rulers of the Italian states, such as the Dukes of Savoy, Florence, Ferrara, Mantua, Urbino, Parma and the Doge of Venice according to the reports of the Venetian nobles Girolamo and Giacomo Soranzo, the Venetian ambassadors to Rome in 1560–1563 and in 1563–1565. The author of the article comes to the conclusion that the Venetian diplomats highlighted the main problems in the relations between the Pope Pius IV and the rulers of the Italian states, and this fact let the Venetian government to be well informed about the current policy of the Pope's court.

Key words: Venetian ambassador, Giacomo and Girolamo Soranzo, Rome, XVI century, Pope Pius IV, diplomatic mission.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-313-319

В 1560–1563 и в 1563–1565 гг. в Риме венецианскими представителями в ранге полномочного ординарного посла были венецианские нобили Джироламо Соранцо (ум. 1569 г.) и Джакомо Соранцо (1518–1599) соответственно. По венецианской дипломатической традиции венецианские послы по итогам своих миссий представляли отчеты (Relazione) о выполненном поручении. В отчетах содержалась разнообразная информация, которую посланники Венеции собирали при дворах монархов. По такой схеме составлены и отчеты Джироламо¹ и Джакомо Соранцо².

Среди сведений, приведенных в своих отчетах венецианскими дипломатами, нас привлекла информация о специфике отношений римского папы с правителями европейских государств.

Все европейские страны, с которыми папа поддерживал отношения, можно условно разделить на две категории: первая – государства Апеннинского полуострова и вторая – все остальные. В свою очередь, внутри этих двух групп можно выделить три подгруппы государств: первая – страны, с правителями которых папа почти не поддерживал никаких отношений, вторая – между ними существовали дружеские отношения, третья – отношения папы с государями этих стран можно определить как сложные. Если говорить о градации государств первой группы, то здесь можно выделить две подгруппы – первая, с правителями которых папу связывали дружеские отношения, вторая – с главами которых папа имел сложные взаимоотношения.

В данной статье остановимся на том, как складывались отношения у понтифика с итальянскими государствами. Следует помнить, что римского папу венецианские послы рассматривали как духовного главу всех христианских государств и как светского правителя – правителя одного из государств Апеннинского полуострова.

В отчетах Джироламо и Джакомо Соранцо прослеживается порядок, в котором упоминаются правители итальянских земель: сначала дается характеристика отношений папы с герцогом Савойи, затем Флоренции, Феррары, Мантуи, Урбино, Пармы и в завершение – как самый значимый материал – о том, как относится папа к Венеции. Хотя иногда часть отчета, где речь идет об отношениях понтифика с другими правителями, может начинаться с характеристики его отношений с Венецией, как, допустим, это было в отчете Джакомо Соранцо. Это объяснялось логикой изложения материала. С одной стороны, такая схема отражает реальную картину значения и положения этих стран как на Апеннинском полуострове, так и в Европе в целом. С другой стороны, поскольку эта схема не прослеживается в отчетах других венецианских дипломатов, которые были аккредитованы в Риме в XVI в., то, возможно, она является отражением собственных представлений венецианских послов о том, как нужно подавать материал и составлять отчет. Например, в отчетах Мельхиора Микеля (1560 г.)³, Луиджи Мочениго (1560 г.)⁴,

Антонио Тьеполо (1578 г.)⁵, Джованни Корраро (Корерра) (1581 г.)⁶ нет вообще такого раздела. В отчете Паоло Тьеполо (1569 г.) сначала речь идет о взаимоотношениях с Савойским герцогом, потом герцогами Феррары, Флоренции, Мантуи, Урбино, с правителями республик Генуи, Лукки, Венеции⁷, в его же отчете от 1576 г. – с герцогами Феррары, Флоренции, дожами Генуи и Венеции⁸. В отчете Луиджи Приули (1586 г.) – с герцогами Флоренции, Феррары, Мантуи, Пармы⁹. В отчете Джованни Гритти (1589 г.) – с герцогом Савойи, великим герцогом (*granduca*) Тосканы, герцогами Феррары, Мантуи, Урбино, Пармы, дожем Генуи¹⁰. Паоло Парута (1595 г.) пишет о взаимоотношениях папы с великим герцогом Тосканы, герцогом Савойи и «остальных правителях», в этой части своего отчета он освещает особенности отношений папы с герцогом Феррары и дожем Венеции¹¹. В отчете Джованни Долфина (1598 г.) – с герцогами Савойи, Флоренции, Мантуи, Пармы, Урбино¹².

Во всяком случае, оба венецианских посла – Джироламо и Джакомо Соранцо – пишут, что папа поддерживал отношения со всеми правителями Италии¹³. Другое дело, что эти отношения складывались по-разному¹⁴. Отношения папы с итальянскими правителями определялись его родственными связями, территориальными претензиями, исторически сложившимися враждебностью/союзами. Так, к государствам, связи с которыми можно определить как тесные и дружеские отношения, следует отнести Флоренцию, Мантую, Урбино, к государствам, с которыми существовали сложные отношения, – Савойю, Феррару, Парму, в какой-то степени Венецию.

Наиболее дружественные отношения существовали между папой Пием IV и Козимо I (1519–1574, герцог Флоренции с 1537 г., великий герцог Тосканы с 1569 г.), герцогом Флоренции. Это объяснялось тем, что оба относились к фамилии Медичи, пусть и к разным ее боковым ветвям.

По словам Джироламо Соранцо, папа оказывал всяческую поддержку и весьма значительные и веские знаки внимания герцогу Флоренции. Венецианский посол объяснял это тем, что «всем при папском дворе известно, что к герцогу Флоренции папа испытывает поистине отцовскую любовь». Венецианский дипломат пишет, что папа стремится любыми способами содействовать возвышению дома Медичи вплоть до того, что у него были планы сделать его королем Тосканы. Правда, этому стремлению папы оказали противодействие император и король Испании¹⁵. Послов флорентийского герцога папа принимал в Зале Королей. Кроме того, как отметил Джироламо Соранцо, флорентийскому послу по велению папы было предоставлено место рядом с ним, «чтобы иметь такое место, которое имеют послы важных правителей»¹⁶.

Папа Пий IV возвел в кардинальский сан сыновей герцога Флоренции¹⁷. Также он вел переговоры с королем Испании о том, чтобы заключить

брак между испанской инфантой, сестрой короля, с сыном Козимо I. Медичи были предоставлены различные бенефиции и церковные должности, (например, должность почетного командира галер Папской области (*generalato della Chiesa*) Гарсии, третьему сыну герцога Флоренции, пожалованы титулы архиепископов Флоренции, Сиены и Пизы), они являлись кавалерами ордена св. Стефана¹⁸.

Венецианский посол пишет, что все эти милости прекрасно демонстрировали доброжелательное отношение папы к герцогу Флоренции, и папа еще более бы предоставлял ему преференций, если бы не опасался, что подобное предпочтение не приведет к негативной реакции со стороны короля Испании и других правителей¹⁹. Во всяком случае, по свидетельству Джироламо Соранцо, папа высоко оценивал флорентийского герцога. Венецианский посол пишет, что в беседах с ним понтифик неоднократно говорил, что в «наше время было два великих правителя – Карл V и Козимо Медичи»²⁰. По словам венецианского дипломата, папа ценил и прислушивался к советам герцога, они состояли в постоянной переписке друг с другом.

По мнению венецианского дипломата Джироламо Соранцо, флорентийский герцог использовал все свои возможности при курии, чтобы упрочить свое положение в ней. Так, он принял участие в закулисных интригах, связанных с будущими выборами папы, поскольку Пий IV имел проблемы со здоровьем, и в этот период в курии делались прогнозы, кто имеет больше шансов достичь папства, и у каждой группировки были свои собственные кандидаты на этот пост. Зная намерение папы видеть на папском престоле кардинала Мантуи, который был негативно настроен по отношению к Флоренции, герцог решил пригласить в Рим Аугусто (1501–1570), маркиза Мариньяно, брата папы, надеясь, что тот окажет влияние на своего тираносного брата, но эффект был достигнут прямо противоположный²¹: папа крайне отрицательно отнесся к прибытию своего родственника и вел себя с ним более чем сдержанно.

Джироламо Соранцо пишет, что его не удивляет такое тесное сотрудничество папы и герцога Флоренции и напоминает своему правительству о том, что герцог весьма успешно служил другому брату понтифика – Джан Джакомо Медичи (1498–1555), маркизу Мариньяно во время Сиенской кампании (1552–1555), а также и о том, что Козимо I предоставил в распоряжение Федерико Борромео, неота папы, два корпуса галер и содействовал через герцога Альбу, чтобы тот получил деньги от испанского короля. Поэтому, как пишет венецианский посол, герцог как искусный политик старался извлечь из любой возможности максимум полезного для себя²².

А вот тот факт, как герцог смог привлечь на свою сторону большинство в курии, вызывает у Джироламо Соранцо большее удивление. И в то

же время венецианский посол дает этому свое объяснение. По его словам, достичь этого герцогу удалось потому, что он обещал всем исполнить желаемое: бедным кардиналам – поспособствовать у папы в получении ими искомым бенефициев и должностей, которые должны поправить их материальное благосостояние; богатым и влиятельным кардиналам – оказать всяческую поддержку в их стремлении достичь понтификата. Джироламо Соранцо пишет, что добиться такого своего положения герцогу удалось при помощи «двух факторов, которые кажутся прямо противоположными друг другу, надеждой и страхом». Первый, т. е. «надежда» (скорее, перспектива, по нашему мнению), состоял в том, что, по словам венецианца, герцог, «видя Апостольский престол, идущим огромными шагами к гибели, и имея от понтифика хорошее расположение к себе, может легко добиться успеха завладеть Перуджей, Равенной и Червией, или каким-либо другим городом под предлогом, что нужно иметь деньги для Папского государства, или каким-то другим способом, похожим как было им получено Питильяно²³, и таким образом укрепить могущество и возвысить свое государство»²⁴. Второй, т. е. «страх» (или, точнее, опасения. – М. Т.) был связан с тем, что в курии имелись влиятельные кардиналы: некоторые из них являлись открытыми врагами Козимо I (как кардиналы Фарнезе, Феррары и Неаполя), другие не пользовались его доверием (кардиналы Цесис, Тренто и Мороне), и многие из них могли бы стать папой, а в этом случае положение герцога было бы сложным. Поэтому, по свидетельству Джироламо Соранцо, креатурой герцога на Апостольский престол являлся либо кардинал Карпи, либо кардинал Монтепульчано, его «преданный подданный»²⁵.

По словам же Джакомо Соранцо, никто не сомневался в курии в благосклонном отношении папы к Козимо I Медичи. Но в то же время посол отметил, что нельзя сказать, что папа прислушивался во всех своих решениях к предложениям герцога, за исключением вопросов денег и введения новых податей, здесь чаще всего советы флорентийского герцога принимались всецело²⁶. Так же как и Джироламо Соранцо, Джакомо пишет, что за время понтификата Пия IV кардиналами стали два сына герцога²⁷, и уже во время его миссии кардиналом стал и Анджело Николини (1505–1567)²⁸, фаворит герцога²⁹.

Джакомо Соранцо повторил информацию Джироламо Соранцо о том, что герцог Флоренции являлся членом ордена св. Стефана, что папа хлопотал перед императором о даровании герцогу титула короля Тосканы и о браке сына последнего с сестрой императора³⁰. Отметил венецианский посол и соперничество между герцогами Флоренции и Феррары, и то, что флорентийский герцог имел своего представителя при папском дворе в ранге посла, в то время как феррарский герцог лишь в ранге простого агента³¹.

Правда, по свидетельству Джакомо Соранцо, есть и некоторая напряженность в отношениях между папой и Козимо I, вызванная тем, что папа планировал выдать замуж за третьего сына³² герцога свою племянницу, дочь маркиза Мариньяно, но за это герцог настаивал на получении Фано с такими условиями, которые имел Джованни Медичи, его отец, поэтому папа изменил свое решение, что привело к недовольству герцога.

Кроме того, по словам Джакомо Соранцо, ситуация усугублялась еще и тем, что представители Испании при курии полагали, что флорентийский герцог оказал поддержку папе против испанского короля, и что это явилось причиной большей части недоверия между папой и Филиппом II, что привело к тому, что испанский король был также недоволен герцогом. Но, тем не менее, по словам Джакомо Соранцо, герцог Флоренции все-таки надеется, что новым папой будет тот человек, которого он сможет рассматривать «как свое доверенное лицо, как Юлия III и нынешнего понтифика, потому что прекрасно сознает все выгоды от союза с папами, и поэтому теперь герцог среди возможных претендентов на будущий понтификат сделал ставку на кардинала Арасели»³³.

Отношения папы с Гульельмо I Гонзага (1538–1587, герцог Мантуи с 1550 г.), герцогом Мантуи, по мнению венецианского посла Джироламо Соранцо, можно определить как дружеские, что объясняется их родством: сестра кардинала Борромео, невеста папы, была выдана замуж за Чезаре Гонзага, кузена герцога Мантуи³⁴. Кроме того, во время его понтификата двое из семьи Гонзага стали кардиналами³⁵. По утверждению Джироламо Соранцо, папа видел в кардинале Мантуи своего преемника.

По словам Джакомо Соранцо, с одной стороны, папа с герцогом Мантуи поддерживал дружеские отношения, что выразилось в том, что «Его Святейшество даровал епископство Мантуи кардиналу Гонзага и субсидию в размере 25 000 скуди»³⁶. С другой стороны, папа был недоволен поведением кардинала Мантуи как его легата на Тридентском соборе, что привело к охлаждению отношений папы с мантуанским герцогом, что было усугублено еще и тем, что папа отказал в предоставлении епископства Болоньи кардиналу и его брату, и отношения между ними были прекращены, как написал венецианский посол³⁷.

С точки зрения Джироламо Соранцо, папу с Гвидобальдо II делла Ровере (1514–1574, герцог Урбино с 1538 г.), герцогом Урбино связывали родственные отношения, и к нему соответственно папа проявлял «родственное уважение», поскольку дочь герцога Урбино Вирджиния Фельтрия делла Ровере (1544–1571) была замужем за Федерико Борромео³⁸, племянником Пия IV, что давало герцогу урбинскому бонусы у папы в виде его благосклонности и милостей и питало его надежды на сильную власть и участие в понтификате, но

после смерти графа Федерико эти преференции прекратились³⁹.

По Джакомо Соранцо, отношения понтифика с урбинским герцогом можно определить так: с одной стороны, родственные и дружеские из-за бывшего брака Вирджинии делла Ровере, но, с другой стороны, есть и некоторые трения, связанные с тем, что, видимо, не вся часть приданого была выплачена («... остается дать на счет приданого 40 000 скуди») и из-за того, что хотя папа и обещал возвести в сан кардинала ставленников герцога, но «никогда не хотел этого сделать», а также между ними имелись еще и другие разногласия, о деталях которых венецианский посол не упомянул в своем отчете, поэтому, по словам Джакомо Соранцо, кардинал Урбино уже почти два года как не появлялся в курии⁴⁰.

Следующая группа – правители итальянских земель, с которыми связи Пия IV можно рассматривать как неоднозначные. Так, с точки зрения Джироламо Соранцо, отношения с Эммануилом Филибертом (1528–1580, герцог Савойский с 1553 г.), Савойским герцогом определялись тем, что папа имел некоторые претензии к последнему из-за того, что тот не согласился с решением папы отдать епископские кафедры Турина и Мондови креатурам понтифика, а также тем, что между герцогами Флоренции и Савойи существовали разногласия, что также не устраивало папу⁴¹. И, как пишет Джироламо Соранцо, папа в разговоре с ним, когда речь зашла о герцоге Савойском, обмолвился, что не может положиться на него полностью, хотя герцога можно считать «преданным сыном Апостольского престола»⁴².

В свою очередь Джакомо Соранцо отметил, что по отношению к Савойскому герцогу папа настроен дружески: это проявлялось и в том, что папа предоставил герцогу субсидию в 36 000 скуди в течение трех лет с духовенства, а также в том, что представитель Савойского герцогства стал кардиналом в период его понтификата. Речь идет о кардинале М. Антонио Боба ди Казале⁴³, епископе Аосты, что был легатом Эммануила Филиберта на Тридентском соборе. Кроме того, папа не отказывался помочь герцогу в борьбе с гугенотами⁴⁴.

По словам Джироламо Соранцо, отношения папы с Альфонсо II д'Эсте (1533–1597, герцог Феррары, Модены и Реджио в 1559–1597 гг.), герцогом Феррары определялись двумя факторами: тем, что герцог Феррары был противником герцога Флоренции (как пишет в комментариях к этому пассажиу Джироламо Соранцо Е. Альбери, «эта долгая вражда была, наконец, прекращена бреве Пия V от 24 августа 1569 г., наделившим Козимо I титулом великого герцога»⁴⁵), и спорами по поводу прав и доходов от соли Комаккьо.

Так, венецианский посол Джироламо Соранцо отметил, что папа неоднократно отзывался «с небольшой честью об этом герцоге ... утверждая, что “герцог молод, легкомыслен, тщеславен”»⁴⁶.

Хотя, по наблюдению Джироламо, феррарский герцог «со своей стороны, притворяясь послушным, ведет себя так, как положено вассалу Апостольского престола, делая все, что почитает для себя делать для папы, и продвигаясь осторожно во всех своих делах...»⁴⁷.

По Джакомо Соранцо, трения между папой и герцогом Феррары были улажены во многом благодаря вмешательству кардинала Феррары⁴⁸. Он пишет, что конфликт был вызван солью Комаккьо. По словам Джакомо Соранцо, «все дело в соли и в том, что герцог хотел получить за деньги подтверждение делать соль в Комаккьо». В комментарии Е. Альбери сказано, что был процесс над герцогом Феррары под предлогом, что он произвел больше соли, чем ему было разрешено Апостольской Камерой, но было выяснено, что нарушений со стороны герцога не было⁴⁹.

Джироламо и Джакомо Соранцо единодушно согласны в том, (они даже говорят об этом почти одинаковыми словами: Джироламо – «... не найти мне другую причину, если не эта неприязнь...»⁵⁰, Джакомо – «... я не смог найти иной причины, почему Его Святейшество не любит ...»⁵¹), что к Оттавио Фарнезе (1524–1586, герцог Пармы и Пьяченцы с 1551 г.), герцогу Пармскому папа относится крайне враждебно. Причина этой вражды состоит во взаимной неприязни между домами Медичи и Фарнезе. Смягчению этой неприязни не способствовала ни поддержка герцога Пармского со стороны короля Испании, ни даже тот факт, что нынешний папа стал кардиналом в консистории Павла III⁵².

Причина взаимной неприязни заключалась еще и в том, что Парма и Пьяченца были отделены от Папского государства в пользу дома Фарнезе. В какой-то степени с утратой этих владений папа смирился, получив как компенсацию Камерино⁵³.

Обязательной частью итоговых отчетов венецианских послов была информация о том, как правитель того государства, где они были аккредитованы, относится к Венеции. Так, Джироламо Соранцо определил позицию папы по отношению к венецианскому дожу, которым был Джироламо Приули (1486–1567, догат с 1 сентября 1559 г. по 4 ноября 1567 г.)⁵⁴, как более чем благосклонную. По его словам, папа весьма высоко оценивал добрососедские отношения с Венецией. Это проявлялось и в том, что папа принимал венецианских послов в Зале Королей, т. е. в королевской капелле⁵⁵. По данным Джироламо, в консистории и в частных беседах папа называл венецианского дожа «украшением, свободой Италии и прочной поддержкой Апостольского престола»⁵⁶. По отношению к собственно Джироламо Соранцо папа тоже демонстрировал особые («*extraordinarie*») знаки внимания, например, давая ему аудиенцию первому среди других послов. Кроме того, папа оказал ряд других милостей Венеции, а именно взял под свое покровительство архиепископство Кипра, предоставил широкие привилегии патри-

арху Венеции, дал возможность венецианскому правительству выбрать кандидатуру из четырех претендентов на епископство Вероны, разрешил замещать вакантные епископские кафедры в пределах Венецианской республики венецианцами, даровал венецианским властям право на две десятины и субсидию с духовенства, пообещал, что в очередной промоции в сан кардиналов будут возведены представители Венеции⁵⁷.

По словам Джироламо Соранцо, папа неоднократно его заверял в том, что главная забота его как понтифика заключалась в том, что он заботится об упрочении положения итальянских правителей и особенно Венеции⁵⁸.

В то же время период дипломатической миссии Джироламо Соранцо в Риме был отмечен напряженностью в отношениях между папой и венецианскими властями из-за того, что папа без одобрения со стороны венецианского правительства возвел в кардинальский сан венецианского посла в Риме Маркантонио Да Мула (Амулио) (1506–1572)⁵⁹. Венецианские власти приговорили своего подданного к лишению гражданства и изгнанию. Отстранен он также был от должности полномочного посла в Риме, и вместо него был отправлен Джироламо Соранцо. Синьория Венеции запретила своим представителям при папском дворе Джироламо и Джакомо Соранцо поддерживать любые контакты со своим соотечественником, опальным кардиналом Да Мула. Папа Пий IV неоднократно и безуспешно обращался к венецианским властям с просьбой о получении прощения для кардинала.

В период миссии Джакомо Соранцо отношения между папой и венецианским дожем определялись следующими моментами. С одной стороны, папа был благодарен Венеции за поддержку его позиции на Тридентском соборе. Эта благодарность получила вещественное доказательство в виде палаццо Сан-Марко в Риме, которое было подарено Венеции в знак этой поддержки и, как писал Джакомо Соранцо, как знак оценки его миссии в Риме⁶⁰. Правда, было условие, что деньги на реконструкцию и содержание дворца будет давать Республика св. Марка, и палаццо будет использоваться как резиденция венецианских кардиналов и как местопребывание венецианского посольства.

С другой стороны, с «милостями папы», о которых писал в своем отчете Джироламо Соранцо, обстояло не так все просто. Так, по словам Джакомо Соранцо, хотя папа и даровал десятину с духовенства венецианскому дожу, но он так часто менял ее условия и пытался отказаться от выполнения своего обещания, что все это могло привести к «сложностям»⁶¹.

Кроме того, конфликт, вызванный тем, что венецианское правительство выразило папе протест из-за того, что их подданный Маркантонио Да Мула, будучи полномочным представителем Венеции в Риме, нарушил венецианское законо-

дательство, запрещавшее получать венецианским послам должности, почести, титулы от правителей тех стран, где они были аккредитованы, став кардиналом в консистории Пия IV, все еще не был исчерпан. Поэтому возможность венецианскому правительству выбрать кандидатуру из четырех претендентов на епископство Вероны есть не что иное, как одна из попыток уладить этот инцидент. Не случайно, свой отчет Джакомо Соранцо завершает «Запиской Джакомо Соранцо о ходатайстве папы Пия IV перед венецианским дожем о помиловании кардиналам Амулио и Дольфину, представленной в Достопочтенную коллегию 30 октября 1565 г.»⁶².

Таким образом, отношения папы Пия IV с правителями итальянских государств, с точки зрения венецианских послов в Риме Джироламо и Джакомо Соранцо, можно оценить как неоднозначные. Они определялись как личными факторами – династические браки, родственные связи, вражда между кланами, так и политическими и экономическими обстоятельствами. Во всяком случае, сведения венецианских дипломатов, сообщенные ими своему правительству, носили, с одной стороны, информативный характер, а с другой – имели и прикладное значение.

Примечания

- 1 Relazione di Roma di Girolamo Soranzo, letta in Senato 14 giugno 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Edite Eugenio Albèri. Vol. X. Ser. II. T. IV. Firenze, 1857. Далее – Relazione di Roma di Girolamo Soranzo.
- 2 Relazione di Roma di Giacomo Soranzo, 1565 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato Далее – Relazione di Roma di Giacomo Soranzo.
- 3 Relazione di Roma di Melchiorre Michiel, tornato ambasciatore straordinario per la esaltazione di Pio IV, letta in Pregadi il di 8 giugno 1560 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ...
- 4 Relazioni di Roma di Luigi Mocenigo, 1560 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato
- 5 Relazioni di Roma di Antonio Tiepolo, 1578 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ...
- 6 Relazioni di Roma di Giovanni Corraro, 1581 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ...
- 7 Relazioni di Roma in tempo di Pio IV e di Pio V, letta in Senato da Paolo Tiepolo, il di 12 marzo nell'anno 1569 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 189–191.
- 8 Relazioni di Roma di Paolo Tiepolo, letta in Senato il 3 maggio 1576 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 231.
- 9 Relazioni di Roma di Lorenzo Priuli, letta in Senato il 2 luglio 1586 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 317.
- 10 Relazioni di Roma di Giovanni Gritti, riferita in Senato il 15 maggio 1589 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 345, 346.

- ¹¹ Relazioni di Roma di Paolo Paruta, ritornato da quella legazione nel novemb. del 1595 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 431, 432.
- ¹² Relazioni di Roma di Giovanni Dolfin, tornato da quella corte nel giugno del 1598 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato ... P. 474, 475, 477.
- ¹³ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 105 ; Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 144, 146.
- ¹⁴ *Cecchetti B.* La Repubblica di Venezia e la corte di Roma nei rapporti della religione. Venezia, 1874. Vol. I–III ; *Reumont A.* Della diplomazia italiana da secolo XIII al XVI. Firenze, 1857.
- ¹⁵ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 110.
- ¹⁶ Ibid. P. 110–111.
- ¹⁷ MEDICI, iunior, Giovanni de' (1544–1562) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of January 31, 1560 (I). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1560.htm#Medici> (дата обращения: 20.10.2015) ; MEDICI, Ferdinando de' (1549–1609) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of January 6, 1563 (III) Celebrated in Rome. URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1563.htm#Medici> (дата обращения: 20.10.2015).
- ¹⁸ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 111 ; *Guarnieri G.* L'ordine di Santo Stefano. Pisa, 1966.
- ¹⁹ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 112.
- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ Ibid. P. 113.
- ²² Ibid. P. 112.
- ²³ Пьетро Строцци захватил Питильяно для Козимо I и граф Николо Питильяно был лишен своих владений (*Bruscalupi G.* Storia della contea di Pitigliano. Roma, 1986), а «герцог держит и наслаждается этим местом» (Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 111).
- ²⁴ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 113.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 153–154.
- ²⁷ Сын герцога Флоренции Джованни Медичи стал кардиналом 29 февраля 1560 г., следующий его сын Фердинанд стал кардиналом 6 января 1563 г.
- ²⁸ Анджело Николлини получил кардинальскую шапку в последней, четвертой консистории Пия IV 12 марта 1565 г. (NICOLINI, Angelo (1505–1567) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of March 12, 1565 (IV). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1565.htm#Nicolini> (дата обращения : 22.10.2015).
- ²⁹ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 153.
- ³⁰ Е. Альбери, комментируя эти слова Джакомо Соранцо, пишет, что брак был заключен, герцог Франческо, сын Козимо I, женился на Иоанне Австрийской 16 декабря 1565 г., через несколько дней после смерти папы-переговорщика (*Albèri E.* Nota 2. Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 153).
- ³¹ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 154.
- ³² Гарсия Медичи (1547–1562).
- ³³ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 154–155.
- ³⁴ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 114. Речь идет о Чезаре I Гонзага (1530–1575), графе Гвастала в 1557–1575 гг. и герцоге Амальфи. 2 марта 1560 г. герцог Чезаре женился на Камилле Борромео, сестре кардинала Карла Борромео и племяннице папы Пия IV.
- ³⁵ Имеются в виду Франческо Гонзага (GONZAGA, Francesco (1538–1566) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of February 26, 1561 (II) Rome (3). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1561.htm#Este> (дата обращения: 22.10.2015) и Федерико Гонзага (GONZAGA, Federico (1540–1565) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of January 6, 1563 (III) Celebrated in Rome. URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1563.htm#Gonzaga> (дата обращения: 22.10.2015).
- ³⁶ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 155.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Вирджиния Фельтрия делла Ровере (1544–1571), замужем в первом браке за Федерико Борромео (в 1560–1562), во втором браке (с 1569) – за Фердинандо Орсини, герцогом Гравина (Federico principe d'Oria (1535–1562) Borromeo. URL : [http://www.treccani.it/enciclopedia/borromeo_\(Dizionario-di-Storia\)/Dizionario-di-Storia](http://www.treccani.it/enciclopedia/borromeo_(Dizionario-di-Storia)/Dizionario-di-Storia) (2010) Borromeo Dizionario di Storia (2010) (дата обращения: 23.10.2015)).
- ³⁹ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 115.
- ⁴⁰ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 155–156.
- ⁴¹ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 110.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ BOBBA, Marcantonio (?–1575) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of March 12, 1565 (IV). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1565.htm#Bobba> (дата обращения: 26.10.2015).
- ⁴⁴ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 152–153.
- ⁴⁵ *Albèri E.* Nota 1 // Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 114.
- ⁴⁶ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 114.
- ⁴⁷ Ibidem.
- ⁴⁸ ESTE, Ippolito II d' (1509–1572) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Paul III (1534–1549) Consistory of December 20, 1538 (IV). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1538-ii.htm#Este> (дата обращения : 26.10.2015). Или ESTE, Luigi d' (1538–1586) // The Cardinals of the Holy Roman Church Biographical Dictionary Pope Pius IV (1559–1565) Consistory of February 26, 1561 (II). URL: <http://www2.fiu.edu/~mirandas/bios1561.htm#Este> (дата обращения: 26.10.2015).
- ⁴⁹ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 155.
- ⁵⁰ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 115.
- ⁵¹ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 156.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ В 1540 г. Оттавио Фарнезе стал сеньором Камерино, отказался от этого титула в 1545 г., с этого года Камерино находился под властью папского государства.

- ⁵⁴ Бек К. История Венеции. М., 2002. С. 182.
⁵⁵ Relazione di Roma di Girolamo Soranzo... P. 115.
⁵⁶ Ibid. P. 116.
⁵⁷ Ibidem.
⁵⁸ Ibid. P. 117.
⁵⁹ Gullino G. DA MULA, Marcantonio // Dizionario Biografico degli Italiani – Volume 32 (1986). URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/marcantonio-da-mula_

УДК 94 (411)

«ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД» В МАСОНСКОМ ДВИЖЕНИИ БРИТАНИИ

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам истории масонского движения в Шотландии XVI века. Основное внимание сосредоточено на происхождении просветительского масонства.

Ключевые слова: масонство, шотландское масонство, спекулятивное масонство, просветительское масонство.

«The Scottish Trace» in the British Masonry Movement

S. E. Kiyasov

The article is devoted to the acute questions of the history of the masonry movement in the XVI century Scotland. It particularly focuses on the origins of the enlightenment masonry.

Key words: masonry, Scottish masonry, speculative masonry, enlightenment masonry.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-319-323

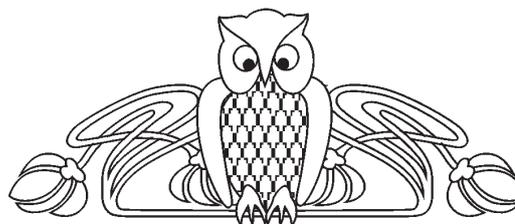
История масонства, выступающего в настоящее время в качестве глобального общественного движения¹, хранит немало загадок. Одна из них – тайна происхождения. Наиболее распространённая версия связывает рождение вселенского братства с деятельностью и традициями строительных цехов средневековой Европы. По мнению специалистов, ремесленные структуры (цехи, гильдии), а также их атрибуты (инструменты, символы) и организационные установления (хартии, уставы) усилиями европейских интеллектуалов были трансформированы в просветительские ложи². В этой связи не менее актуальны вопросы о времени и месте рождения обновленных институтов «вольных каменщиков». Как известно, в процессе написания летописи «масонского Ренессанса» приоритетные права отстаивают историки Франции, Германии и Британии³. Особое внимание специалисты уделяют событиям, произошедшим в послереволюционной Англии. Именно в Лондоне 24 июня 1717 г. была провозглашена первая Великая ложа, положившая начало общеевропейскому распространению

(Dizionario-Biografico) (дата обращения: 21.10.2015).

⁶⁰ Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 152.

⁶¹ Ibid. P. 151.

⁶² Scrittura di Giacomo Soranzo circa l'istanza che fa papa Pio IV al Serenissimo Dominio acciò riceva in grazia i Cardinali Amulio e Delfino, presentata nell'Eccellentissimo Collegio a' 30 ottobre 1565 // Relazione di Roma di Giacomo Soranzo... P. 156–160.

структур интеллектуального масонства. Однако столичные братья, осуществившие очевидный прорыв в реорганизации средневекового цеха, не обладали абсолютной монополией. Конкуренцию составляли масонские структуры английского Йорка, а также шотландские «вольные каменщики». По мнению британского историка Дэвида Стивенсона, именно в Шотландии берёт начало мода на собрания в масонских ложах, в которых преобладали не ремесленники-строители, а интеллектуалы-джентльмены⁴. Без сомнения, участие масонов Шотландии в вопросах системного переустройства движения «вольных каменщиков» Великобритании требует дальнейшего изучения.

Цехи строителей-каменщиков средневековой Шотландии – институциональное подтверждение активно развивавшихся торговых, культурных и политических контактов гэлов с окружающим миром. Наиболее тесные отношения у них сложились с Англией. При этом соседние государства часто враждовали, оспаривая друг у друга первенство над территорией будущей Великобритании. Расцвет шотландской государственности, сложившейся в XI столетии, пришелся на время правления династии Брюсов⁵. Как известно, её основатель, Роберт Брюс, прославился громкими победами над англичанами. Его наиболее значительный военный успех – битва при Бэннокберне, состоявшаяся 24 июня 1314 года⁶. Обретённая «виктория» обеспечила независимость Шотландии, которая была поставлена под сомнение неудачей Уильяма Уоллеса в битве при Фолкерке (1298)⁷.

Несмотря на удаленность Шотландии от торговых путей, которые связывали Британию и континентальную Европу, на её территории, как и за Ла-Маншем, были также выстроены многочисленные города. Самыми крупными среди них являлись Абердин, Данди, Глазго, Гамильтон, Хаддингтон, Скун и столичный Эдинбург. Их архитектура, как и сохранившиеся до наших дней

замковые ансамбли средневековой Шотландии, свидетельствует о процветании ремесла местных каменщиков. Цехи мастеров-строителей были созданы в Эдинбурге, Глазго, Элгине, Ирвине, Керкубри, Данди и Абердине. По свидетельству британских историков, местные ассоциации масонов-строителей были даже старше английских. Так, компания масонов Глазго получила свою хартию из рук короля Малькольма III (1057–1093)⁸. По мнению английского масона (шотландца по рождению) Эндрю Майкла Рэмси (1680–1758), первая материнская ложа на его родной земле появилась лишь немногим позднее английской. Рэмси утверждал, что данная структура была образована королевским камергером и крестноносцем-тамплиером Джеймсом в 1286 г. на западе страны, в Кильвиннинге (The Mother Lodge of Kilwinning)⁹. В числе ее участников Рэмси называл имена ирландского графа Ольстера и английского графа Глостера¹⁰.

Профессиональная деятельность средневековых шотландских каменщиков обладала определенной спецификой. В частности, по причине отсутствия в этой стране мягких пород строительного камня, среди местных зодчих не были развиты приемы декоративной отделки архитектурных объектов. Поэтому здешние мастера-строители, в отличие от соседней Англии, не смогли сформировать особую, привилегированную цеховую структуру. В Шотландии также действовали упрощенные законы об ученичестве. Данная категория ремесленников-строителей обучались менее продолжительно, чем в Англии, но обладала правом выполнять работу мастера еще до официального подтверждения профессиональной квалификации.

В XVI в. ремесленные цехи Шотландии пережили внутренние кризисные процессы, которые разрушили их замкнутость и открыли доступ посторонним. Не избежали перемен и строительные структуры. Уже к середине XVII в. люди, не занимавшиеся строительным ремеслом, получили в них преимущественное положение¹¹. Решающую роль в этих процессах сыграли финансовые затруднения, которые вынуждали цехи открыть двери всем желающим принять посильное материальное участие в поддержке угасающего средневекового института. Последствия такой «открытости» могут быть проиллюстрированы на примере масонской ложи Абердина. В 1670 г. она насчитывала 49 человек, из которых только 10 были каменщиками-ремесленниками. Другие 15 человек, также члены этой ложи, не являлись каменщиками (плотники, кровельщики, кузнецы и даже оружейник). Прочие участники данного масонского собрания – это представители «средних слоев». Среди них значились торговцы, священнослужители, чиновники, джентльмены, а также адвокат и ученый-математик. В ложе также оказались четыре дворянина, из которых трое носили графский титул¹².

Пёстрый социальный и профессиональный состав участников масонского собрания убедительно свидетельствует, что данная ложа полностью утратила свой первоначальный, ремесленно-строительный характер. При этом вряд ли можно считать союз более двух десятков достаточно влиятельных горожан явлением случайным или направленным исключительно на некие патерналистские цели. По всей видимости, большинство этих людей объединили прежде всего идейно-политические устремления. Напомним, что сходные обстоятельства, наблюдавшиеся в других местных масонских структурах, позволили британскому историку Мартину Шорту характеризовать ранние просветительские ложи Шотландии «клубами протестантских господ»¹³.

В монографии Дэвида Стивенсона отражена достаточно полная картина становления новых масонских структур Шотландии. Автор составил список из двадцати пяти наиболее крупных масонских лож Шотландии, образованных в течение XVI–XVIII вв. Важно отметить, что они действовали в большинстве городов: от Банффа – на севере, до Дамфриса – на юге. Первой в списке названа ложа Приют Атчесона (Aitchison's Haven), открытая 9 января 1599 года¹⁴. Однако самой влиятельной новой масонской структурой Шотландии стала, по мнению историка, ложа, которая провозгласила начало своей деятельности 31 июля 1599 г. в Эдинбурге, при церкви Святой Марии (Mary's Chapel). Дата её рождения отнесена к событиям 1475 г., когда каменщикам этого города была пожалована грамота, признававшая их сообщество гильдией. Так состоялось рождение «корпорации Святой Марии», получившей свое название в честь места, где состоялось оглашение столь важного документа. Именно эта ложа была в центре наиболее значительных событий, происходивших с «вольными каменщиками» Шотландии, вплоть до создания собственной регулярной Великой ложи в 1736 г. Открытие упомянутой столичной ложи позволяет датировать начало организованного просветительского (или спекулятивного) масонского движения в Шотландии. Следует отметить, что подобная ложа в Лондоне, при соборе Святого Павла, появилась спустя столетие, в 1691 г. При этом ее деятельность, в отличие от шотландских лож, не подкреплена достаточным количеством сохранившихся источников.

Начало работы на территории Шотландии обновленных масонских структур тесно связано с деятельностью архитектора Уильяма Шоу, который по воле короля занял в Эдинбурге должность «Верховного Смотрителя» и «Главного мастера масонов»¹⁵. Эти назначения состоялись в 1583 г.¹⁶. Разумеется, сам по себе факт появления нового чиновника не столь интересен. К тому же, масонскими патронами в Шотландии ранее выступали представители влиятельного семейства Сен-Клеров (Синклеров). Их полномочия были узаконены в 1439 г., при короле Якове II¹⁷. Однако

с именем Шоу связаны именно те преобразования старого масонского цеха, которые обеспечили «вольным каменщикам» Шотландии особую миссию. Не случайно разработанные этим человеком масонские Уставы, после принятия Стюартами титула английского короля (1603), получили распространение в Англии. В 1607 г. Иниго Джонс (1573–1652), придворный архитектор короля Якова I Стюарта (1566–1625), составил первую для англичан «Древнюю Конституцию Вольных и Принятых каменщиков». Она предусматривала создание Великой ложи, деятельность которой была нацелена на поддержку «досточтимых королей». Учредителями «высокой» ложи должны были стать интеллектуалы-ученые, которых Конституция прославляла как «святых людей»¹⁸. Таким образом, реформы Шоу – вольно или невольно – положили начало существованию, а затем и распространению нового, просветительского масонства. Именно эти традиции были использованы английскими масонами-интеллектуалами, создавшими в 1717 г. первую в истории Великую ложу Лондона.

О жизни Уильяма Шоу сохранились весьма скудные данные. Известно, что этот человек (как и Синклеры) был выходцем из состоятельной аристократической семьи шотландских лордов. По конфессиональным предпочтениям он оставался убежденным католиком, несмотря на уже состоявшееся утверждение в его родной стране реформационной церкви. До занятия высокого чиновного поста Шоу много путешествовал, побывал во Франции и Дании¹⁹. В 1602 г. он умер, оставив по итогам своей деятельности два масонских Устава (Schow statutes), появившихся в 1598 и 1599 гг. В них были зафиксированы практические рекомендации относительно организации работы новых, уже непрофессиональных масонских лож²⁰.

Согласно Уставам Шоу, масонские ложи Шотландии подчинялись Верховному Смотрителю и объединяли на местах все цеховые структуры. Новые братства обладали правом самоуправления, выступали в качестве постоянно действующих (регулярных) и сами избирали своих руководителей. Таким образом, главной задачей королевского чиновника была осмысленная и четкая регламентация деятельности продолжавших существование структур каменщиков-строителей. Однако, как справедливо отметил Стивенсон, в новых Уставах просматривается очевидное желание модернизировать старые цеховые структуры. В этой связи историк, не без основания, усматривает в деятельности Шоу некие тайные намерения использовать сохраняемые масонские структуры вне пределов, зафиксированных в официальных документах²¹. По всей видимости, в данном случае следует вести речь о несомненном и понятном желании шотландского аристократа-интеллектуала сохранить угасающую структуру в качестве клубной организации.

Следует отметить успешную реализацию этого плана. Так, Уставы Шоу подразделили новых шотландских масонов на два разряда: «учеников» (apprentice) и «товарищей по ремеслу» (fellow craft)²². Официальным праздником «вольных каменщиков» был определен день Иоанна Евангелиста (27 декабря). Он сопровождался общим собранием пока еще немногочисленных новых лож²³. В торжестве должны были участвовать все братья, одетые в белые фартуки и перчатки. На таких ассамблеях проводились выборы Смотрителей (Wardens) и осуществлялся прием новых членов ложи. Церемония пополнения братства была строгой и представляла собой чтение устава, принятие присяги, а также сообщение вновь принятым масонского пароля (mason word). Завершалась праздничная церемония общим банкетом, стоимость которого оплачивалась новыми членами ложи.

Подобные нововведения не только придали второе дыхание архаичной ремесленной структуре, но и сделали ее привлекательной для многих почитателей старины, которые поспешили присоединиться к масонам. Первый запротоколированный шаг в этом направлении осуществила Эдинбургская ложа, в ряды которой 3 июня 1600 г. был зачислен сэр Джон Босуэлл, лорд Очинлек²⁴. Как бы то ни было, но переустройство шотландских лож, начатое на рубеже XVI–XVII вв., сделало традицией присутствие в них знати. Некоторые историки, впрочем, дают этому поветрию и другое объяснение. Они связывают «хождение в народ» местных лордов с особенностями реформационного движения в Шотландии. По их мнению, борьба с монопольным влиянием католической церкви изначально носила здесь народный характер. Эта особенность не могла не отразиться на судьбе ремесленных братств. После 1567 г., когда в Шотландии окончательно побеждает кальвинистская реформация и устанавливается пресвитерианская церковь, они подлежали обязательному переустройству²⁵. Неотвратимость таких реформ объяснялась, в частности, тесными контактами ремесленников с католической церковью. Однако произошедший в Шотландии идейный и политический переворот не сопровождался крайними мерами, которые предпринял в отношении гильдий, цехов и братств король соседней, тогда еще тюдоровской Англии.

Согласно принятому в 1534 г. «Акту о супрематии» король Генрих VIII превратился в главу англиканской церкви. При этом английский монарх использовал новые prerogatives власти, главным образом, для ограбления католиков. Разумеется, не следует думать, что Шотландия полностью избежала подобных рецидивов. Однако если в стремительно капитализировавшейся Англии гильдии строителей, отданные на откуп богатым ливрейным торговцам, безжалостно эксплуатировались и поглощались ими, то в патриархальной Шотландии наблюдалась

другая картина. Здесь строители-каменщики опекались чиновниками-аристократами, а их цехи уже в конце XVI столетия превратились в так называемые масонские ложи – социальный конгломерат, объединивший не только ремесленников, но также дворян, ученых и торговцев. Активное участие в их деятельности принимали и представители пресвитерианского духовенства. К их числу следует отнести, например, Джеймса Андерсона (1684–1739) – автора книги масонских «Конституций», идеолога Великой ложи Лондона.

В начале XVII в. преобразование строительных цехов Шотландии были продолжены их старинным покровителем, сэром Уильямом Сен-Клером, лордом Росслином. В 1600–1601 гг. он подготовил тексты новых масонских Хартий (St. Clair Charters). Их успел подписать и передать для утверждения в ложи У. Шоу²⁶. Очередные установления не противоречили прежним статутам и преследовали цель привлечь возможно большее число лож. В итоге, к Хартиям Сен-Клера присоединились шесть масонских лож (Эдинбурга, Святого Андрея, Приют Атчесона, Стерлинга, Хаддингтона и Данфермлина). Очередную инициативу по централизации масонского движения не поддержала лишь ложа Кильвиннинга²⁷. Повидимому, эта старейшая масонская организация не пожелала принять участие в отчетливо наметившейся попытке превратить модернизированные ложи в составную часть государственного и административного аппарата Стюартов. О подобном стремлении свидетельствовала инициация (принятие в масоны) короля Якова VI, которая, как утверждают некоторые историки, состоялась в 1601 г.²⁸ По данным Д. Стивенсона, её осуществили Уильям Шоу и Джон Милн (Mylne) на территории ложи в Скуне (Scone)²⁹. Кстати, в подобном намерении короля не было ничего необычного. Верховенство английских и шотландских монархов распространялось, как известно, не только на государственные и церковные институты, но также на те частные объединения подданных, которые возникали в их ближайшем окружении. Ярким примером таких ассоциаций стали английские рыцарские Ордена Бани и Подвязки. Таким образом, появление еще одного, на сей раз Ордена франкмасонов, вполне укладывалось в систему придворного этикета.

Не исключено, что незадолго до своего вступления на престол Англии шотландский король превратился также в Великого мастера масонов, получив тем самым все основания перенести пришедшиеся по душе традиции в другую, близкую по культуре и традиции, страну. Во всяком случае, Джеймс Андерсон не упустил возможности включить этого монарха в список Великих мастеров масонов Англии³⁰.

В 1627–1628 гг. сын Уильяма Сен-Клера, Уильям, также покровительствующий масонским ложам, издал новую Хартию. Этот документ

подписали и одобрили старые ложи Эдинбурга, Святого Андрея, Стерлинга и Данфермлина. Однако к ней не присоединились две ложи, подписавшие старую Хартию – Приют Атчесона и Хаддингтона. Впрочем, их место заняли масоны из Глазго и Данди³¹. По данным Д. Стивенсона, использовавшего в своем исследовании многочисленные документы шотландских ремесленных гильдий, многие из лож «вольных каменщиков» по-прежнему объединяли весьма пестрый состав участников. Однако к концу XVII в. большинство масонских организаций уже состояло исключительно из джентльменов³².

Таким образом, можно согласиться с оценками и мнением Дэвида Стивенсона, который рассматривает Шотландию в качестве «забытой» родины современного регулярного масонского движения³³.

Примечания

- 1 См.: Киясов С. Е., Серков А. И. Масонство // Большая Российская энциклопедия. М. : Изд-во Больш. Рос. энцикл., 2012. Т. 19. С. 287–291.
- 2 См.: Piatigorsky A. Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L. : The Harvill Press, 1999 ; Lomas R. The invisible college : the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L. : Headline Book Publishing, 2002.
- 3 См.: Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. : Office du Livre, 1987 ; Reinalter H. Die Freimaurer. München : Verlag C. H. Beck, 2001 ; Ridley J. The Freemasons. L. : Constable and Company Limited, 1999.
- 4 См.: Stevenson D. The first freemasons : Scotland's early lodges and their members. Aberdeen : Aberdeen univ. press, 1988 ; Idem. The origins of freemasonry : Scotland's century. 1590–1710. Cambridge : Cambridge univ. press, 1988.
- 5 Можно говорить также о более раннем периоде истории Шотландии, когда здесь сосуществовали королевства бриттов, англо-гэлов и пиктов. См.: Хендерсон И. Пикты. Таинственные воины древней Шотландии / пер. с англ. М. : Хендерсон – ЗАО Центрополиграф, 2004. С. 8–9 ; Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. С. 16–132.
- 6 Официальное признание прав Роберта I (1306–1329) на престол Шотландии, в связи с его отлучением от церкви, состоялось только в 1328 г. В 1371 г. на смену династии Брюсов пришли Стюарты (Роберт II). Подробное описание битвы при Бэннокберне дано в книге английского историка Артура Брайанта. См.: Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии / пер. с англ. СПб. : Евразия, 2001. С. 192–197. В сентябре 2014 г. жители Шотландии, так и не забывшие об утраченном суверенитете, приняли участие в референдуме независимости, результаты которого по-прежнему оставляли их подданными Соединенного Королевства.
- 7 См.: Бейджент М., Лу П. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов / пер. с англ. М. : Эксмо, 2003. С. 43. В августе 1305 г. Уоллес был пленён и казнён англичанами.
- 8 См.: Ridley J. Op. cit. P. 4.

- ⁹ См.: *Бейджент М., Ли Р.* Указ. соч. С. 247. Ложа была официально зарегистрирована только 28 декабря 1599 г., не попав ни в один из признанных списков. Она не участвовала позднее в провозглашении Великой ложи Шотландии, вследствие чего не получила официального иерархического номера. В декабре 1677 г. в Эдинбурге открыла работу ложа Кэнонгейт Кильвиннинг (Canongate Kilwinning), признанная второй по рангу после «материнской ложи» при церкви Святой Марии.
- ¹⁰ По мнению французского аббата и писателя-роялиста Огюстена Баррюэля, первой масонской структурой Шотландии стала ложа Святого Андрея, созданная рыцарями-тамплиерами в начале XIV столетия. См.: *Баррюэль О.* Вольтеррианцы или история о якобинцах, открывающая все противу христианские злоумышления и тайнства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы. С французского последнего исправленного и вновь умноженного издания : в 12 ч. / пер. с фр. М. : в губернской типографии у А. Решетникова, 1805–1809. Ч. IV. С. 230. Современные исследователи полагают, что одноименная шотландская ложа появилась лишь 27 ноября 1599 г. и значится в официальных списках третьей по времени создания. См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 182.
- ¹¹ См.: *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone : Lewis Masonic Books, 1994. P. 21.
- ¹² См.: *Short M.* Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. L. : Grafton Books, 1990. P. 49.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ложа под этим названием просуществовала в Шотландии до 1866 г. См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 182. По-видимому, она располагалась в небольшом населенном пункте или в замке на востоке страны, близ Хаддингтона. Артур Уайт полагает, что поселение под этим названием находилось к востоку от Масселбурга, между Левенхоллом и Морисонс Хевеном, в области Мидлотиан. См.: *Vaïm A.* Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных тайнств : их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. СПб. : Лань, 2003. С. 205.
- ¹⁵ О существовании таких чиновников в средневековой Англии сообщается в книге «Конституций» Джеймса Андерсона. Однако подобная практика сложилась там явно позднее, чем в Шотландии, и была установлена пришедшими Стюартами.
- ¹⁶ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 3. Более кратко его титул звучал как Главный смотритель (General Warden).
- ¹⁷ См.: *Naudon P.* Op. cit. P. 28. Начиная с этого времени шотландские масоны признавали этих родовитых дворян в качестве своих патронов и покровителей. Не случайно в 1736 г. сэр Уильям Сен-Клер, лорд Росслин, был избран первым Великим мастером Шотландии.
- ¹⁸ См.: *Lomas R.* Op. cit. P. 190–192.
- ¹⁹ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 5.
- ²⁰ Первый из них, написанный для гильдии каменщиков Эдинбурга, хранится в ложе при церкви Святой Марии.
- ²¹ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 4.
- ²² Ibidem.
- ²³ К началу XVII в., через три года после начала реформы, в Шотландии были зарегистрированы всего пять таких масонских лож : Эдинбургская, Святого Андрея, Кильвиннинга, Стерлинга и Приют Атчесона.
- ²⁴ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 8.
- ²⁵ В этот год в результате вооруженного выступления кальвинистской знати была свергнута с престола католичка Мария Стюарт, правившая Шотландией с 1560 г.
- ²⁶ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 5.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ См.: *Lomas R.* Op. cit. P. 118.
- ²⁹ Ibidem. Д. Стивенсон сообщает, что ложа под таким названием, помещенная Великой ложей на третье место в масонской иерархии, была зарегистрирована 24 декабря 1658 г. Однако это противоречие легко объяснимо. В данных, которыми оперирует историк, речь идет о дате начала модернизации ложи. Истинное время ее рождения на самом деле ему попросту неизвестно.
- ³⁰ The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges ; By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L. : Black Swan, 1756. P. 331–332.
- ³¹ См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 5. В последующие годы масонские хартии в Шотландии более не принимались. После 1630 г. не производились также королевские назначения на пост Верховного Смотрителя местных «вольных каменщиков». Однако заложенные деятельностью У. Шоу традиции сохранялись здесь до начала XVIII в. Последние братства, которые впоследствии вошли в состав Великой ложи Шотландии (возглавленной потомком Уильяма Сен-Клера) и признали обновленные уставы, были образованы здесь в 1701–1712 гг.
- ³² См.: *Stevenson D.* The first freemasons : Scotland's early lodges and their members... P. 8.
- ³³ См.: *Stevenson D.* The origins of freemasonry : Scotland's century. 1590–1710... P. 161.

УДК 327.8(47+55)|1941|

НАЧАЛО НЕСЧАСТНОГО ДНЯ ШАХРИВАРА: ПРИЕМ В. М. МОЛОТОВЫМ ИРАНСКОГО ПОСЛА 25 АВГУСТА 1941 ГОДА

Ю. Г. Голуб

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail : goloub@sgu.ru

В статье на основе документов из Архива внешней политики Российской Федерации рассматривается характер и содержание встречи народного комиссара по иностранным делам СССР В. М. Молотова с послом Ирана в Москве М. Саедом, состоявшейся 25 августа 1941 г., на которой Молотов проинформировал посла о вводе советских войск в Иран и вручил соответствующую ноту.

Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Молотов, Саед, дипломатия, Вторая мировая война.

**The Beginning of Shahrewar's Unfortunate Day :
V. M. Molotov's Audience with the Iranian Ambassador
on the 25th of August, 1941**

Yu. G. Golub

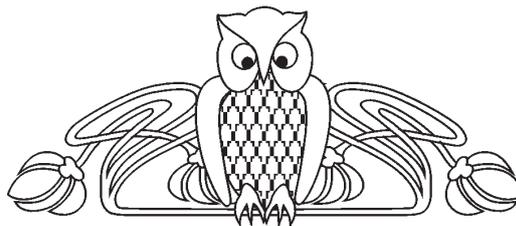
The tone and content of the USSR People's commissar for foreign affairs V. M. Molotov's meeting with the Iranian Ambassador in Moscow M. Say'ed, which took place on the 25th of August, 1941, and when Molotov informed the Ambassador about the entrance of the Soviet troops in Iran and handed the respective note, are examined in the article on the basis of materials of the Russian Federation's Foreign Policy Archive.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Molotov, Say'ed, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-324-328

Нейтралитет, провозглашенный Ираном с началом Второй мировой войны, не избавил иранское государство от вовлеченности в набирающее силу глобальное противоборство. Важное стратегическое положение на Среднем Востоке и огромные залежи нефти не могли не сделать эту страну объектом соперничества воюющих держав, стремившихся всемерно упрочить свое влияние в этом регионе. Тем более, что и Британская империя, и Российская империя (а впоследствии и Советский Союз) традиционно были вовлечены в иранские дела. Со второй половины 1930-х гг. началось интенсивное укрепление позиций в Иране нацистской Германии. Активизировали свою политику в отношении этой страны и Соединенные Штаты Америки¹.

Нападение Германии на СССР и первоначальные успехи вермахта на советско-германском фронте, создававшие угрозу выхода к Кавказу, вызвали обеспокоенность Лондона и Москвы немецким присутствием в Иране и позицией его

правительства, не особенно пытавшегося скрывать свои симпатии к Берлину. Началась весьма энергичная и непростая дипломатическая схватка за предпочтения Тегерана, продолжавшаяся без малого два летних месяца и вылившаяся, в конечном счете, в силовую акцию советских и британских войск в Иране. Рубежом, отделившим политические усилия от военного вмешательства, стал несчастный день шахривара, как называют в Иране события 25 августа 1941 г.

Этот день только начинался, была еще глубокая ночь, когда в особняке на Покровском бульваре в Москве, в котором располагалось иранское посольство, раздался телефонный звонок. Встревоженному послу Мухаммеду Саеду² было предложено безотлагательно прибыть в Кремль³. В контексте происходивших в те августовские дни бурных дипломатических баталий между Москвой и Тегераном столь экстренное приглашение не могло не вызвать беспокойства. Дело в том, что неделей раньше, утром 16 августа, советский посол А. Смирнов в Тегеране вручил премьер-министру А. Мансуру ноту советского правительства, содержащую наряду с уверениями уважения нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности Ирана и ряд весьма жестких требований, а именно о немедленной депортации до 31 августа четырех пятых находившихся в стране немцев⁴. Вечером аналогичную ноту вручил иранскому премьеру и посол Великобритании Р. Буллард⁵.

Быстрой реакции на фактический ультиматум союзников со стороны Тегерана не последовало. По свидетельству посла Соединенных Штатов в Иране Л. Дрейфуса, который спустя два дня имел продолжительную беседу с исполнявшим обязанности министра иностранных дел Д. Амери, он получил «определенное впечатление, что иранцы маневрируют, тянут время, не осознавая всю серьезность своего положения». Казалось, что они «ищут волшебную формулу, способную удовлетворить все стороны, – заметил посол в телеграмме в Вашингтон и добавил. – Если они... не взглянут в лицо реальной ситуации, возможно через несколько дней они поймут, что уже слишком поздно»⁶. Оценка американского дипломата оказалась на редкость прозорливой, но это станет очевидным чуть позже...

Весь этот калейдоскоп событий не мог не промелькнуть в сознании посла Саеда, пока его автомобиль мчался по ночной Москве. Солидный дипломатический опыт и давнее знание России

подсказывали ему, что наступает решающий момент.

Путь с Покровского бульвара до Кремля занял не более пятнадцати минут. С недобрым предчувствием высокопоставленный иранский дипломат поднялся на второй этаж здания совнаркома, где находились служебные апартаменты высших советских руководителей. В 3.30 он вошел в кабинет В. М. Молотова⁷, занимавшего посты заместителя главы советского правительства и наркома иностранных дел и бывшего фактически вторым после Сталина официальным лицом Советского Союза.

Хранящаяся в Архиве внешней политики Российской Федерации в фонде Секретариата В. М. Молотова подробная запись его беседы с М. Саедом позволяет с достаточной полнотой передать характер и содержание этого весьма непростоого разговора.

Молотов сразу же заявил, что вызвал посла для того, чтобы вручить ноту советского правительства⁸. Передав документ и предваряя ознакомление иранского дипломата с его содержанием, хозяин кабинета посчитал необходимым сказать несколько слов. Нарком начал с того, что напомнил дипломату, что советское правительство несколько раз в течение последних двух месяцев обращалось к правительству Ирана, выражая пожелание принять меры к прекращению враждебной в отношении СССР и Ирана деятельности немцев на территории этой страны. В этой связи Молотов упомянул демарш советского правительства от 26 июня, демарши советского правительства и правительства Великобритании от 19 июля и 16 августа. В этих документах Москва, сообщая иранскому правительству о враждебной деятельности германских агентов в Иране и о подготовке ими актов, угрожавших интересам Советского Союза и самого Ирана, ставила перед иранскими властями вопрос о необходимости принятия самых срочных мер к ее прекращению. Однако иранское правительство, продолжал Молотов, не дало положительного ответа на эти представления и не приняло никаких мер к прекращению враждебной, направленной против СССР деятельности немцев на территории своей страны. В переданной только что ноте, отметил руководитель советского внешнеполитического ведомства, приведены конкретные факты, хорошо известные Тегерану, враждебных действий немцев по вовлечению Ирана в войну против СССР⁹.

После этой преамбулы Молотов перешел к главному, ради чего собственно и был столь экстренно приглашен посол Саед. «Учитывая эти обстоятельства и основываясь на статье шестой Договора 1921 года¹⁰, советское правительство, – заявил заместитель главы совнаркома и народный комиссар иностранных дел СССР, – оказалось вынужденным ввести на территорию Ирана свои войска»¹¹.

Мрачные мысли, обуревавшие посла всю дорогу в Кремль, подтвердились. От дипломатического давления и ультимативных требований Москва, как и обещала, перешла к силовым действиям. Саеду стало очевидно, что пойдя ва-банк, иранские власти проиграли, что все попытки Тегерана выиграть время, уйти от требуемых союзными державами практических действий по депортации немцев оказались тщетными. Между тем хозяин кремлевского кабинета посчитал необходимым продолжить разговор и несколько смягчить сказанное. «Разумеется, – подчеркнул Молотов, – эти меры являются временными и они не направлены против иранского народа, территориальной целостности и государственной независимости Ирана. По миновении (так в записи беседы. – Ю. Г.) опасности, угрожающей интересам СССР и самого Ирана, советские войска будут из Ирана выведены»¹².

Саед свободно владел русским языком. Поддавленный услышанным, он не стал дожидаться перевода. В ответ на заявление советского наркома, сознавая всю судьбоносность момента для своей страны, иранец попытался оправдать политику своего правительства. Посол стал уверять Молотова в том, что никогда и никакая третья держава не находила в Иране почвы для враждебной деятельности против СССР, так как иранское правительство всегда стремилось поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом. «Кто бы ни был союзником СССР, – пафосно продолжил иранский дипломат, – Иран всегда проводил дружественную политику в отношении советского правительства»¹³. Так было, когда союзником СССР была Германия, и так продолжается и теперь, когда союзником СССР стала Англия. «Что касается Англии, – добавил Саед, – то она уже двадцать лет питает вражду к Ирану за то, что была в свое время изгнана из Ирана». Высказав все это на одном дыхании, посол подытожил: «Ввод войск в Иран ничем не оправдывается». И для того чтобы придать некий вес последней фразе, Саед, правда, оговорившись, что не имеет еще директив своего правительства, лично от себя заявил протест¹⁴.

Молотов проигнорировал протест и продолжил аргументировать советскую позицию. «Господину послу, наверное, известна, – с легкой иронией произнес нарком, – статья 6-я советско-иранского договора 1921 г., на основании которой в данный момент действует СССР. И поскольку теперь стало необходимым применение этой статьи, то было бы желательно, чтобы посол повлиял со своей стороны на мирный исход связанных с этим мероприятий советского правительства»¹⁵. То есть Молотов, как бы не замечая возбужденного состояния собеседника, предложил ему не просто принять как должное намеченный ввод войск, но оправдать этот шаг в глазах собственного руководства.

Выдержка изменила маститому иранскому дипломату. Он прервал наркома и попытался

убедить собеседника приостановить ввод войск, обещая немедленное выполнение всех советских требований. Более того, Саед взял на себя ответственность и без всякого согласования с Тегераном заверил высокопоставленного собеседника, что «через две недели ни одного немца в Иране не будет и все пожелания советского правительства в этом отношении будут выполнены»¹⁶.

Молотов, отличавшийся редким хладнокровием, не изменил себе. Он никак не отреагировал на эмоциональный всплеск собеседника. Ему было очевидно, что иранец явно вышел за пределы своих полномочий и готов обещать, что угодно лишь бы изменить решение Кремля. Поэтому нарком завершил изложение позиции Москвы, обратив внимание Саеда, что «дело тянется с июня, однако, никаких мер со стороны правительства Ирана до сих пор не принято, и советское правительство не может дальше терпеть такое положение в момент, когда СССР вынужден вести тяжелейшую войну против напавшей Германии»¹⁷.

Саед, тем не менее, попытался все же повлиять на Молотова. Ссылаясь на данные правительством Ирана заверения советскому правительству, он начал пространно говорить о том, что советская нота о выдворении немцев была вмешательством во внутренние дела Ирана. Лучше было бы договориться в дружественной форме, и тогда иранское правительство, конечно, выполнило бы пожелания Москвы. Об этом Саед уже говорил заместителю наркома Деканозову, но его предложения не были приняты.

Молотов не смог не отреагировать на эту, не лишённую демагогического налета, фразу. Он напомнил собеседнику, что еще в самом начале советско-германской войны он лично говорил об этом с послом¹⁸, но тот предпочел отделаться тогда пустой фразой, и поскольку последние наши предложения в Иране также не дали никаких результатов, советское правительство и решило воспользоваться правом, предоставленным ему советско-иранским договором 1921 г.¹⁹

В связи с тем что Молотов упомянул договор 1921 г. в качестве правовой основы ввода войск, Саед с ходу попытался предложить такое его толкование, которое выхолащивало ключевую 6-ю статью и сводило ее появление в тексте документа к сугубо политическому контексту начала двадцатых годов. Так, он заявил, что упоминаемый договор был заключен не против Ирана, а что он был заключен в его интересах и был направлен против Англии. По этому договору Советский Союз помог Ирану в выдворении англичан, а сейчас получается, сокрушался Саед, что эта 6-я статья так истолкована советским правительством, что она оказалась направленной против Ирана²⁰. Утверждая это, Саед, конечно, прекрасно знал, что никакого упоминания Англии в договоре не было, и в этом смысле норма, зафиксированная в 6-й статье, носила универсальный характер и не предполагала исключительно избирательного

применения. Другое дело, что можно было подскутировать относительно применимости словосочетание «путем вооруженного вмешательства» ко второму основанию для использования Советским Союзом силы, упомянутого в 6-й статье договора. Там говорилось о случаях, когда будут «иметь место попытки (путем вооруженного вмешательства или просто попытки? – Ю. Г.)... превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России»²¹. Но в тот момент посол оказался к этому почему-то не готов, хотя и так понятно, что любые споры о толковании договора ни к чему бы уже не привели. Приказы были отданы, и советская военная машина была запущена...

Естественно, что Молотов не мог не прокомментировать попытку дать такое ограничительное толкование договора и интерпретировать предпринимаемые Советским Союзом меры как враждебные Ирану. С готовностью согласившись с Саедом, что договор 1921 г., бесспорно, отражает интересы Ирана, он привлек его внимание к тому, что это договор отражает также и интересы СССР против третьих стран. Именно в этом заключается смысл этого договора, подчеркнул советский нарком. Саед ничего не возразил на это замечание Молотова. Он лишь произнес как заклинание фразу: «Приостановите ввод войск, иранский народ в дружбе с вами»²².

Услышав упоминание о народе, Молотов сменил тон. Он согласился с тем, что иранский народ действительно дружественно относится к Советскому Союзу, чего в последнее время нельзя сказать о правительстве Ирана. И еще раз заверил посла, что как только минует необходимость, советское правительство выведет свои войска из Ирана²³.

Однако сказанное не устроило посла. Саед вновь стал просить Молотова приостановить ввод войск. Он еще раз заявил, что он как посол гарантирует выполнение всех пожеланий советского правительства. Как ему, Саеду, известно, Советскому Союзу нужно было разрешить два вопроса: транзит товаров из США и Англии через Иран и выдворение немцев из Ирана. Оба эти вопроса можно было бы решить в дружеской форме.

На это Молотов резонно возразил, что иранское правительство не решило положительно ни одного поставленного Москвой вопроса о немцах. В этой связи, напутствовал собеседника советский нарком, «мое пожелание послу принять все зависящие от него меры к тому, чтобы предпринятый советским правительством временный ввод войск в Иран с целью лишь ограждения интересов СССР и Ирана, закончился мирным путем»²⁴.

На этом собеседники и завершили полную драматизма и не очень приятную для них тридцатиминутную встречу²⁵.

Практически в это же самое время в Тегеране происходили не менее значимые события. В предрассветной мгле к особняку иранского премьер-

министра одновременно подъехали два дипломатических лимузина советского посла А. Смирнова и британского Р. Булларда. Дипломатов немедленно проводили в гостевые апартаменты. Спустя некоторое время к ним вышел А. Мансур. После приветствий нежданные гости сразу же напомнили премьеру, что иранские власти проигнорировали ноты их правительств с настоятельными пожеланиями существенно сократить немецкое присутствие в стране. К сожалению, теперь, заявили дипломаты, у их правительств не осталось выбора: они решили применить силу.

Пришедший в себя после понятного замешательства иранский премьер попытался убедить послов, что все еще можно уладить, если войска будут остановлены. Однако Смирнов и Буллард сослались на то, что не имели полномочий вести переговоры. Вручив ноты своих правительств, они попрощались и ушли²⁶.

В это время войска союзников пересекли иранские границы, советские – в Закавказье, британские – на юге и западе Ирана. Совместная военная акция началась.

Примечания

- ¹ См.: *Арабаджян З. А.* Иран : противостояние империям (1918–1941). М., 1996 ; *Голуб Ю. Г.* Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов, 2015 ; *Казем-заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004 ; *Оришев А. Б.* Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005 ; *Юнглод В. Т., Чучкалов А. В.* Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011.
- ² Мохаммед Саедоль-Везаре Марагеи – профессиональный дипломат и политический деятель. Родился в г. Мераге в Иранском Азербайджане в купеческой семье. Источники чаще всего приводят 1883 г. как дату рождения, хотя в них встречается и 1881 и 1885 годы. Детство и юность провёл в Закавказье, учился в Тифлисе, Санкт-Петербурге, а затем в Швейцарии. Дипломатическую карьеру начал в иранских представительствах в российском Закавказье. С 1905 по 1918 г. занимал посты секретаря консульства, вице-консула и консула в Батуми, Баку и Тбилиси. В 1920–1922 гг. – иранский посланник при Азербайджанском советском правительстве, а после образования СССР – генеральный консул в Баку. В 1926 г. был назначен советником посольства в Турции, где в течение 1928–1930 г. выполнял обязанности поверенного в делах. В 1930 г. – директор департамента МИД Ирана, ведавшего делами СССР и Турции. В 1931–1933 гг. – вице-губернатор в Резае (Иранский Азербайджан). В 1933 г. – советник посольства, а с 1934 г. – поверенный в делах в Москве, в 1936–1937 гг. – посланник в Италии, в 1938–1942 гг. снова в Москве теперь уже в ранге посла. Именно М. Саед в июне 1941 г., когда немецкие войска вторглись в СССР, по поручению шаха в своей вербальной ноте в НКВД СССР заявил о полном нейтралитете своей страны. К тому времени посол М. Саед был

дуайеном, то есть главой дипломатического корпуса в Москве. Им становился старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в стране дипломатический представитель.

После возвращения из Москвы возглавил министерство иностранных дел Ирана. История сохранила официальную фотографию встречи И. В. Сталина с шахом Реза Пехлеви в Тегеране в ноябре 1943 г., на которой рядом с советским лидером стоит министр иностранных дел М. Саед. Он дважды был премьер-министром Ирана в 1944 г. и в 1948–1950 гг. Умер в 1973 г. в Тегеране. В 1994 г. вышли в свет мемуары М. Саеда. См.: *Truhart P.* Regents of Nations. Part 3 : Asia and Pacific Oceania. *De Gruyter*, 2003. P. 854–855 ; *Abrahamian E. A.* History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2008. P. 101 ; *Banani A.* The Modernization of Iran, 1921–1941. Stanford University Press, 1961. P. 48–49 ; *Gholam G. R.* The Life and Times of the Shah. University of California Press, 2008. P. 67 ; Дипломатический словарь. М., 1948.

- ³ *Cassidy H. C.* Moscow dateline, 1941–1943. Boston, 1943. P. 200–201.
- ⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 3 т. Т. 1. М., 1946. С. 537.
- ⁵ *Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 85–86.
- ⁶ Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 400.
- ⁷ В. М. Молотов, 30 июня 1941 г. назначенный заместителем председателя Государственного Комитета Обороны, с секретариатом и небольшой группой дипломатов работал в Кремле. См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 276. Как свидетельствует В. М. Бережков, бывший в годы войны помощником Молотова, служебные апартаменты последнего находились на втором этаже здания Совнаркома, там же, где и кабинет Сталина. См.: *Бережков В. М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 349.
- ⁸ Документы внешней политики (далее – ДВП). 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 256–259.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 1.
- ¹⁰ 6-я статья советско-иранского договора 1921 г. гласила: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои

войска из пределов Персии». См.: Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях : сб. документов. М., 1946. С. 76.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Молотов, безусловно, знал цену таким заверениям. Даже если допустить, что Саед не знал о том, что в конце января 1940 г. его коллега в Лондоне М. Моггадам предложил Форин Офис образовать тайный союз против Советского Союза, и что одновременно в Тегеране военный министр конкретизировал британскому военному атташе это предложение, заявив, что «пришло время для Ирана и Великобритании координировать... планы для войны против России». См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 16–17. За год до встречи с Молотовым 25 августа 1941 г. сам Саед оказался в центре серьезного дипломатического инцидента, связанного с публикацией Берлином секретных документов французского правительства. Они оказались в распоряжении немцев после капитуляции Франции и касались в том числе роли Ирана в англо-французских планах относительно Советского Союза. 5 июля 1940 г. Москва жестко отреагировала на это. В главных официозах страны газетах «Правда» и «Известия» были напечатаны статьи, соответствующим образом прокомментировавшие опубликованные в Берлине документы. Тегеран почувствовал себя очень неуютно. Как сообщал в связи с этим в свой МИД посол Германии в Москве Ф. Шуленбург, «в здешних иранских кругах негодование против нас велико из-за публикаций шестой “Белой книги”». См.: Оглашению подлежит : СССР – Германия. 1939–1941 : Документы и материалы. М., 1991. С. 206. В связи с этим посол Саед был вынужден оправдываться и всячески пытаться замаять скандал. Уже в день появления статей в советской печати он обратился с личным письмом к главе советского правительства Молотову. В письме он выразил сожаление по поводу публикации статей и отметил, что преданные гласности в Берлине документы не дают оснований называть позицию Ирана «странной и двусмысленной». Саед, подчеркнув в письме Молотову, что «иранское правительство всегда искренне проводило и проводит свою дружественную политику к СССР» (знакомый оборот, не правда ли. – *Ю. Г.*) и никогда не принимало ни прямого, ни косвенного участия в каких-либо комбинациях против СССР, назвал опубликование этих статей «результатом прискорбного недоразумения». Это же он счел возможным повторить от имени своего правительства и на встрече с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским 9 июля 1940 г. См.: ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 436.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 2–3.

¹⁸ Речь идет о беседе В. М. Молотова с М. Саедом 24 июня 1941 г. В тот день в связи с нападением Германии нарком приглашал к себе зарубежных послов и в числе первых вызвал Саеда. Молотов попросил дипломата сообщить «о позиции иранского правительства по отношению к войне между Германией и Советским Союзом», и в связи с этим высказал озабоченность тем, что «в Иране имеется много немцев». Саед ответил, что «иранское правительство старается избавиться от них». Он также добавил, что «во всяком случае, иранское правительство примет меры, чтобы эти немцы не сделали ничего в ущерб интересам СССР». См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 5. П. 1. Л. 25. Спустя два дня, 26 июня, в развитие темы немецкого присутствия в Иране, угрожавшего интересам СССР, иранскому посольству была вручена специальная нота.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. С. 76.

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ На следующий день В. М. Молотов получил по почте письмо от М. Саеда. Формально в соответствии с дипломатической практикой посол письменно подтверждал получение накануне ноты советского правительства. Фактически же в письме Саед продолжил отстаивать свою позицию и защищать интересы своей страны. Он снова выразил свое несогласие с советской «неправильной интерпретацией 6-й статьи» советско-иранского договора и, главное, с правомерностью ее применения к ситуации, сложившейся в Иране к 25 августа. В связи с этим посол просил приостановить продвижение воинских соединений на территории Ирана и происходившие столкновения с иранскими войсками, дать иранским властям срок до 15 сентября для высылки опасных элементов и после этого отвести части Красной армии за линию государственной границы. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 5–8.

²⁶ *Bullard R.* The camelsmustgo : Anautobiography. L., 1961. P. 227 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 107–108. Спустя несколько часов, учитывая разницу во времени, в Лондоне был предпринят аналогичный демарш. См.: *Majd M. G.* August 1941 : The Anglo-Russian Occupation of Iran and Change of Shaha. N. Y., 2012. P. 203–204.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).045–046

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О САРАТОВСКИХ ВОЕВОДАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Д. В. Лисейцев

Институт российской истории РАН, Москва

E-mail: Liseitsev@mail.ru

В статье освещаются новые факты служебных биографий саратовских воевод первой половины XVII века – Григория Никитича Орлова и князя Ефима Фёдоровича Мышецкого. Материалом для реконструкции спорных и неизвестных ранее событий из жизни этих людей служат обнаруженные автором статьи в Российском государственном архиве древних актов их собственные челобитные, а также составленные по этим прошениям в Разрядном приказе дела и выписки. Статья сопровождается публикацией этих ценных документов, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: Московское государство XVII века, саратовские воеводы, Смутное время, Смоленская война.

New Facts about the Voivodes of Saratov of the First Third of the XVII Century

D. V. Liseitsev

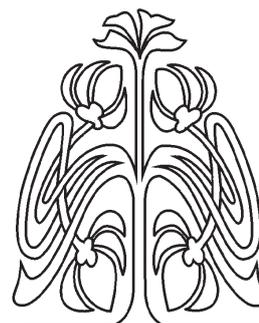
In this article, new facts of official biographies of the Saratov voivodes of the first third of the XVII century – Grigoriy Nikitich Orlov and Prince Efim Fedorovich Myshetskiy are highlighted. The material for the reconstruction of the controversial and previously unknown events of these people's lives is their own petitions, cases and abstracts of orders made on the basis of their petitions, which were discovered in the Russian State Archive of Ancient acts by the author of the article. The article is accompanied by the publication of these valuable documents, which are introduced into academic dealing for the first time.

Key words: Moscow state in XVII century, Saratov Voivodes, Time of Troubles, Smolensk war.

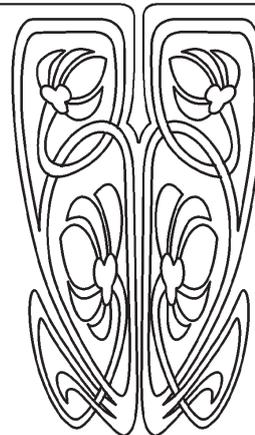
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-329-335

Последние десятилетия ознаменовались ростом исследовательского интереса к событиям российской истории XVII в. Вместе с тем, на настоящий момент мы располагаем довольно бедной базой сведений о биографиях русских людей XVII столетия: отсутствуют даже жизнеописания большинства представителей светской и церковной элиты. В последние годы в отечественной науке стал заметным поворот к «персонализации» истории: историческая биографика становится заметным направлением в историографии. Удачным примером применения биографического метода в историческом исследовании являются труды Я. Н. Рабиновича, особенно его очерки о саратовских воеводах¹. Впрочем, исчерпывающие биографии людей XVII столетия писать сложно (если вообще возможно): отложившиеся в архивах документы способны существенно дополнить имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Результатами преимущественно архивных разысканий, уточняющих биографии двух саратовских воевод, автор хочет поделиться с читателями.

Григорий Никитич Орлов был саратовским воеводой дважды – в 1626–1630 и 1638–1641 гг. В уточнении нуждается один из ранних эпизодов его биографии. В литературе высказывалось предположение о том, что в 1613–1620 гг. он находился на воеводстве в сибирском

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

городе Пелыме. Как указывает Я. Н. Рабинович, «Дворцовые разряды и Книги разрядные в течение нескольких лет упоминают о пребывании вторым воеводой в далёком уральском городке Пелыме некоего Григория Орлова»². Несмотря на то что в «Дворцовых Разрядах» пелымский воевода упомянут под другим отчеством – Иванович³ – Я. Н. Рабинович, солидаризируясь с Е. В. Вершининым, склоняется к мысли о том, что в источнике допущена ошибка, и речь должна идти о будущем саратовском воеводе Григории Никитиче Орлове⁴.

Однако в нашем распоряжении есть источник, не позволяющий идентифицировать Григория Никитича Орлова с воеводой, находившимся в 1613–1620 гг. в Пелыме. В феврале 1614 г. Г. Н. Орлов, будучи в Москве, подал челобитную, в которой просил о временном отпуске со службы его брата, И. Н. Орлова. Поводом для прошения стала кончина их младшего брата Петра Никитича. 7 февраля 1614 г. прошение было удовлетворено – И. Н. Орлова указали отпустить ради погребения брата на три недели⁵. Следовательно, в 1613–1614 гг. Г. Н. Орлов никак не мог быть на воеводстве в Пелыме: там находился, как и указано в «Дворцовых разрядах», Григорий Иванович Орлов⁶.

А поскольку длительное – с 1613 по 1620 г. – пребывание Г. И. Орлова на воеводстве в Сибири наводит на мысль об опале, возникают сомнения относительно того, что известный эпизод с проводом в августе 1612 г. неким «Гришкой Орловым» отряда из 600 гайдуков в удерживаемый польско-литовским гарнизоном московский Кремль⁷ можно уверенно связывать с персоной будущего саратовского воеводы. Более вероятным представляется предположение, что столь важную услугу врагам Ополчения оказал именно Г. И. Орлов, впоследствии за это надолго сосланный в Пелым. К нему, а не к его однородцу Григорию Никитичу, следует относить эпитеты «спаситель от голодной смерти польского гарнизона Кремля в Москве и будущего царя Михаила Романова, воевода в Пелыме»⁸.

Один из самых значимых эпизодов в жизни Г. Н. Орлова – первое пребывание на воеводстве в Саратове (1626–1630 гг.). Здесь он впервые зарекомендовал себя как военачальник, отразив татарское нападение на город. Воеводская служба сказалась на благосостоянии Орлова – его годовой денежный оклад был увеличен вдвое и достиг 80 рублей. Однако *быть* пожалованным и *получить* жалование в XVII в. не всегда означало одно и то же. С подобной ситуацией Григорий Никитич столкнулся в августе 1631 г., что и стало причиной подачи им челобитной, публикуемой в прил. 1.

Из челобитной становится понятным, когда именно Григория Орлова пожаловали за саратовскую службу. В очерке Я. Н. Рабиновича указано, что награждение воеводы за отражение татарского нападения на Саратов имело место в 1628 г. Между тем до 1630 г. Г. Н. Орлов оста-

вался на воеводстве. Предположение о том, что Орлов, «съездив в Москву на несколько месяцев и, получив царскую награду, вернулся в Саратов»⁹ выглядит маловероятным – трудно представить, чтобы воеводе было позволено на длительный срок оставить место службы. Нормой в административной системе Московского государства было неотлучное пребывание воеводы в управляемом городе; просить о пожаловании за службу он мог лишь по возвращении в столицу. Именно так обстояло дело и в случае Орлова: в челобитной, поданной в августе 1631 г., он отметил, что *«придача, государь, мне... была на нынешней на 139-й год»*. Следовательно, указ об увеличении оклада Орлову последовал в 1630/31 г., когда тот вернулся в Москву с воеводства.

Однако с получением «придачных денег» у него возникли сложности. В августе 1631 г. Григорию Орлову «была сказана служба» – ему предстояло отправиться на Дон для встречи турецкого посла. Для этой поездки Григорию Никитичу были нужны деньги, и он ударил челом о выдаче денежного жалования. Решение было положительным, челобитчику вернули его прошение с резолюцией думного дьяка Разрядного приказа (*«челобитенка сошла за приписью думново дьяка Ивана Гавренева»*). Как сообщает Орлов, для донской поездки ему было выдано в счёт оклада на следующий год 80 рублей (т. е. уже с учётом прибавки за саратовскую службу). Однако тот желал получить денежную прибавку и за подходящий к концу 1630/31 г., поскольку именно в этом году его наградили увеличением оклада.

Ради этих 40 рублей Орлову пришлось «побегать по инстанциям». Явившись с челобитной в Посольский приказ, из которого его командировали на Дон, челобитчик не нашёл понимания в думном дьяке Фёдоре Лихачёве, который заявил, *«что то дело не ево, была прибавка ис Казанского дворца»*. В приказе Казанского дворца бывшему саратовскому воеводе в помощи отказали: *«подписной челобитной у меня не взяли ок, велели подписную челобитную принести в четверть»*. Дьяк Устюжской четверти Пантелей Чириков также отказал ему, сославшись на отсутствие у челобитчика сопроводительного письма из Разряда (*«и Устюжские чети дьяк Пантелей Чириков челобитной не возьмет, а сказал, чтоб к нему прислали память против твоево государева указу»*). Круг замкнулся – Григорий Орлов явился в Разрядный приказ просить «память» в Устюжскую четвь, но снова встретил отказ – *«а из Розряду, государь, мне о том памяти не дадут»*. Отчаявшись добиться желаемого, Орлов вновь подал государю челобитную, по которой последовало положительное решение. 21 августа 1631 г. в Устюжскую четверть к дьяку Чирикову направили память с распоряжением выдать 40 рублей.

Ещё одно уточнение к биографии Г. Н. Орлова касается времени его кончины. Последнее упомин-

вание о его службе, согласно данным Я. Н. Рабиновича, относится к осени 1641 г., когда Орлов был ещё воеводой в Саратове: «Дальнейших сведений о Григории Никитиче Орлове пока не найдено, и год смерти его точно не известен». Впрочем, исследователь указал на то, что в 1645/46 г. Орлов был ещё жив и владел вотчиной в Дмитровском уезде¹⁰. Помимо косвенных свидетельств в нашем распоряжении имеются и прямые указания на то, что Григорий Орлов после службы в Саратове прожил ещё около полутора десятка лет. 27 октября 1642 г. руководство Челобитного приказа обратилось в Разряд с памятью о присылке восьми дворян в приставы при колодниках. По этому запросу был составлен список из 23 московских дворян. Против имён семерых из них поставлены кресты, что означало их выбор в приставы. Одним из семерых был Григорий Никитич Орлов¹¹. Его имя фигурирует в боярском списке 1643/44 г.; в 1649/50 г. он числился отставленным от службы, а в списке 1656/57 г. рядом с его именем стоит помета «умре»¹².

Кн. Ефим Фёдорович Мышецкий был воеводой в Саратове в 1620–1622 гг. В прил. 2 публикуется дело по челобитной, проливающее свет на некоторые фрагменты его биографии. Прошение Мышецкого можно датировать по косвенным указаниям в тексте. Оно было подано после подписания в июне 1634 г. Поляновского мирного договора, поскольку челобитчик упоминает предшествовавшее его отправлению на воеводство в Саратов Деулинское перемирие с Речью Посполитой 1618 г. как «прежний мир с литовскими людьми». На сставах столбца читается датированная 25 августа 1634 г. резолюция. Надо полагать, кн. Мышецкий подал челобитную в августе 1634 г.

Публикуемое дело вносит ясность в вопрос о том, когда кн. Мышецкий начал службу. Я. Н. Рабинович указал, что к 1605/06 г. тот не достиг ещё новичного возраста¹³. Из челобитной, однако, узнаём, что кн. Ефим Мышецкий был верстан окладом при Лжедмитрии I: «оклад мне... при Ростриге учинен семсот чети да денег из четверти двадцать рублей». Следовательно, к 1605/06 г. челобитчик новичного возраста всё-таки достиг. Обращает на себя внимание и нетипично высокий размер новичного оклада челобитчика – он вдвое превосходит обычный, назначавшийся тогда детям боярским-новикам. Например, брату кн. Ефима, кн. Мурзе Мышецкому, которого в том же году верстали в Ивангороде, назначили новичный оклад в размере 300 четей и 8 рублей, причём жалование он получал «с городом»¹⁴ (в отличие от кн. Ефима, которому деньги платились «из четверти», что было намного престижнее). Этим подтверждаются сведения о том, что Лжедмитрий, ища популярности у служилых людей, назначал им чрезмерно высокие денежные оклады: «а в городех дворян и детей боярских велел для прелести верстать и давать оклады большие»¹⁵.

В челобитной содержится ценное уточнение о службе кн. Мышецкого в начале Смуты. Я. Н. Рабинович указал на факт участия будущего саратовского воеводы в боях 1608–1609 гг. в составе рати боярина кн. М. В. Скопина-Шуйского, а также высказал верную догадку об участии Мышецкого в дальнейшем походе войска к Москве. Этот факт подтверждается челобитной, в которой указано также на участие кн. Ефима в несчастливом для русского войска походе к Смоленску, завершившемся поражением у Клушино: «*был я... на многих службах со многими бояры и воеводы: з боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским во всем походе, и со князем Дмитрием Шуйским*».

Челобитная кн. Мышецкого содержит дополнительные факты о борьбе за Ладогу в 1610–1611 гг. Эта русская крепость в августе 1610 г. была захвачена отрядом французских наёмников на службе у шведского короля. С осени того же года власти Новгорода предприняли несколько попыток отбить крепость у неприятеля. До сих пор о военных столкновениях под Ладогой осенью 1610 г. мы знали только по запискам главы французских наёмников Пьера Делавиля, согласно которым присланные из Новгорода отряды действовали неудачно¹⁶. Челобитная кн. Мышецкого даёт основания утверждать, что реальная картина была сложнее. Челобитчик участвовал в походе на Ладогу, возглавляя отряд детей боярских Водской пятины: «*И после... царя Василья, как немецкие люди город Ладогу взяли, и меня... бояря послали под Ладогу с Воцкою пятиною*»¹⁷. Отряд Мышецкого действовал успешно: «*немецких людей побил двесте человек, и языки многия взяли*». Надо полагать, речь в челобитной идёт о столкновении с отрядом шведов, шедших на выручку осаждённой крепости. Ю. Видекинд сообщает, что генерал Делаварди отправил на помощь к Делавилю отряд в 200 человек, но те попали в засаду, устроенную «копорцами» (Копорье – русская крепость в Водской пятине Новгородского уезда), и были разбиты¹⁸.

В феврале 1611 г. Делавиль сдал Ладогу новгородскому воеводе Ивану Михайловичу Салтыкову. По условиям капитуляции французы были выпущены из крепости с оружием и имуществом, им отдали и захваченных за время осады пленных. По мнению Я. Н. Рабиновича, мягкость, проявленная Салтыковым к противнику, стала одной из причин недовольства новгородцев и, в конечном итоге, привела к его аресту и казни. Между тем в челобитной кн. Ефима Мышецкого содержится любопытный фрагмент, позволяющий предположить, что воевода И. М. Салтыков мог быть казнён за проявленное малодушие. В начале марта 1611 г. находившийся на шведской службе отряд Самуила Коброна попытался отбить у новгородцев недавно оставленную Делавилем Ладогу¹⁹. Нападение оказалось неудачным, но Салтыков, судя по челобитной Мышецкого, проявил постыдную слабость – «*Иван Салтыков из*

Ладоги побегал». Надо полагать, именно это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения новгородцев – в марте 1611 г. воевода был посажен на кол.

Челобитная кн. Мышецкого проясняет ещё несколько эпизодов его биографии. Подтверждается предположение Я. Н. Рабиновича относительно времени перехода челобитчика из шведского лагеря на службу к царю Михаилу Фёдоровичу (начало лета 1614 г.)²⁰: Мышецкий сообщает, что, уйдя «из-за пристава» (т. е. из-под стражи), он успел принять участие в боях под Бронницами, которые продолжались с мая по июль 1614 г. – *«и был на твоей государеве службе на Броннице»*. Уточняются сведения о наиболее ярком эпизоде службы кн. Мышецкого на воеводстве в Саратове, когда ему удалось воспрепятствовать переправе через Волгу ногайцев, желавших пройти к кочевьям Малой Ногайской орды – *«И в то... время от Астарахани Яцерек-мурза з братьею отишел проч, хотел ити за Волгу в Казыев улус»*. Я. Н. Рабинович склоняется к мнению о том, что остановить продвижение ногайцев за Волгу саратовскому воеводе удалось дипломатическими методами: «Трудно сказать, применил ли воевода Мышецкий силу (которой у него практически не было) против многотысячной орды»²¹. Из челобитной кн. Е. Ф. Мышецкого следует, что силу применить всё же пришлось: *«И я... на Волгу на перевозы посылал с твоими государевыми ратными людьми голов, и на перевозех их ратных людей многих побил, и за Волгу их в Казыев улус не пропустил»*.

Наконец, важным эпизодом в биографии кн. Ефима Мышецкого стала его служба воеводой в Мещовске во время Смоленской войны 1632–1634 гг., когда он организовал захват русскими войсками города Серпейска. Об этом событии Я. Н. Рабинович сообщает: «Ефим Фёдорович в самом начале Смоленской войны со своим небольшим отрядом совершил успешный поход к Серпейску. Город уже осенью 1632 г. был освобожден. Этот поход Ефима Мышецкого из Мещовска к Серпейску, подробности которого неизвестны, оказался довольно удачным для нашего героя»²². Челобитная кн. Мышецкого и сделанная в Разрядном приказе выписка раскрывают обстоятельства взятия Серпейска. Выясняется, что в походе мещовский воевода не участвовал, хотя его роль в подготовке взятия города была значительной. Сам кн. Мышецкий в челобитной описывал своё участие скромно, рассказывая лишь об организованной им разведке: *«всякие литовские вести писал и про город про Серпейской писал же, и разматривать посылал, как ево и коим обычаем взять»*. Присланные в Москву сведения повлияли на военные планы командования, результатом реализации которых стало взятие Серпейска: *«И по моей... отписке указал ты, государь, под Серпейской тайным обычаем послать, и я, ... дав головам вожей мещовских казаков, послал под Серпейской, и твоим государьским счастьем преже всех горо-*

дов Серпейской взяли». Как видно, челобитчик ни словом не упоминает о своём участии в походе на Серпейск, из Мещовска к городу были посланы лишь двое проводников. В Разряде информацию о взятии Серпейска существенно уточнили. В сентябре 1632 г., ещё до того как боевые действия вступили в активную фазу, мещовский воевода сообщил в Москву результаты произведённой по его приказу разведки. Побывавшие близ Серпейска два казака и крестьянин рассказали воеводе, что к крепости с одной стороны близко подступает лес, от которого непосредственно к городу тянется овраг («крытвина»). Это создавало благоприятные условия для скрытной переброски к городу пеших отрядов (*«и пешими людьми Серпейск взяти мочно»*). По оценке воеводы, для взятия города было достаточно двух сотен стрельцов, которых он просил прислать из Калуги. В Москве распорядились отправить к Серпейску детей боярских и три сотни стрельцов, которым кн. Мышецкий должен был предоставить проводников. Воевода не ограничился этим, проявив собственную инициативу: отправил на соединение со стрельцами сотню мещовских казаков. В итоге уже в октябре 1632 г. кн. Ефим Мышецкий рапортовал в столицу о полном успехе операции: *«серпейской капитан и польские и литовские люди, видя над собою государевых людей промысл и тесноту, государю добили челом и город здали»*.

Завершая очерк о саратовских воеводах, можно констатировать, что целенаправленный поиск, равно как и случайные, но счастливые находки архивных материалов дают порой возможность существенного уточнения биографий людей XVII в.: сохранившиеся до наших дней челобитные и материалы приказного делопроизводства таят в себе немало сведений, неизвестных исследователям.

Примечания

- ¹ См.: Рабинович Я. Н. Личности Смутного времени : Андрей Фёдорович Палицын // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 73–83 ; *Его же*. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 92–98 ; *Его же*. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2014 ; *Его же*. Братья Коробьины на службе России (1603–1639). Саратов, 2014 ; *Его же*. Братья Семён и Никита Гагарины : страницы биографии. Саратов, 2015 ; *Его же*. Воевода Саратова Федор Иванович Чемоданов (1623–1626 гг.) : неизвестные страницы биографии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 97–104.
- ² Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова... С. 114.
- ³ Дворцовые разряды, изданные вторым Отделением собственной его императорского величества канцелярии. Т. I. СПб., 1850. Стб. 154.
- ⁴ Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова...

- С. 115 ; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 165.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. «Разрядный приказ». Столбцы Московского стола. Д. 6. Ч. 2. Л. 142–143.
- ⁶ Та же ошибка допущена А. В. Полетаевым в именном указателе к «Копийной книге о опалных людех». Несмотря на то что в источнике пелымский воевода записан без отчества, в указателе он поименован Григорием Никитичем Орловым. См.: Копийная книга «о опалных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. Екатеринбург, 2014. С. 55, 405.
- ⁷ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 375.
- ⁸ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 130. Отмечу, что в «Новом летописце» ничего не сказано о том, что Орлов провёл в Москву продовольственный обоз, речь идёт только об отряде в 600 гайдуков.
- ⁹ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 120.
- ¹⁰ Там же. С. 129.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 179. Л. 221.
- ¹² *Жаринов Г. В.* Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 416 ; *Белюсов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. Т. 2. Казань, 2009. С. 291.
- ¹³ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 55.
- ¹⁴ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сб. документов. М., 2003 (далее – НД). № 136. С. 269.
- ¹⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 6.
- ¹⁶ *Делавиль П.* Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского // Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 136–137.
- ¹⁷ В Водской пятине Мышецкий занимал видное место и позднее : в мае 1619 г., при сыске окладов служилых людей этой пятины, кн. Е. Ф. Мышецкий был одним из четырёх «окладчиков» (НД. № 136. С. 266).
- ¹⁸ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 151.
- ¹⁹ *Рабинович Я. Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013. С. 121–123.
- ²⁰ *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова... С. 64–65.
- ²¹ Там же. С. 69.
- ²² Там же. С. 73.

Приложение 1

Около 21 августа 1631 г. Дело по челобитной Григория Никитича Орлова о выдаче ему придаточного жалования за службу на воеводстве в Саратове

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Гришка Орлов. По твоей государской милости придано мне за саратовск [ую] службу денежного жалованья сорок рублей. И то придаточное жалованье и по ся места мне не выдано. И я, холоп твой, бил челом о том тебе, государю, твоей государской милости, челобитенка сошла за приписью думново дьяка Ивана Гавренева, пожаловал ты, государь, велел придаточное жалованье выд [ать]. И я, холоп твой, тое подписную челобитенку приносил к думному дьяку Федору Лихачеву, и думной дьяк Федор сказал мне, что то дело не ево, была прибавка ис Казанского дворца. И дьяки Казанского приказу подписной челобитной у меня не взяли ж, велели подписную челобитную принести в четверть. И Устюжские чети дьяк Пантелей Чириков челобитной не возьмет, а сказал, чтоб к нему прислали память против твоего государева указу. А из Розряду, государь, мне о том памяти не дадут. А которым, государь, нашей братье твое царское жалованье прибавка была, Семену Яковлеву придано за турскую службу семьдесят рублей, и выдано, князь Семену Гогарину придано пятьдесят рублей и выдано, Ивану Огареву за донскую службу придачи выдано ж, и иным

многим, кому придавано, тем всем придачные деньги выданы. А для, государь, твоей государевой донской службы дано мне, холопу твоему, твое государево денежное жалованье восемьдесят рублей сполна вперед на сто четырёхдесятый год, а придача, государь, мне, холопу твоему, была на нынешней на 139-й год, и та придача мне не дана. И ты, государь, пожаловал, велел мне те придачные денги выдать. И по той подписной челобитной нигде мне, холопу твоему, указу не учин [ят], а поднятца на твою государеву такую нужную службу нечем. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, для своей государевой службы и моей скудости, вели свое государево жалованье, придачные деньги, выдать. Государь, царь, смилуйся, пожалуй» (520)¹.

«Лета 7139-го августа в 21 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дьяку Понтелею Чирикову. Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожаловал Григорья Орлова, велел ему свое государево жалованье денежную придачу сорок рублей², что ему придано в нынешнем во 139-м году за саратовскую службу, для донские посылки³ дать. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу дьяку Понтелею Чирикову⁴ государево жалованье денежную придачу Григорью Орлову сорок рублей⁵ для донские посылки велел⁶ выдать» (521).

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. «Столбцы Московского стола». Д. 59. Л. 520–521).

Приложение 2

Около 25 августа 1634 г.

Дело по челобитной кн. Ефима Мышецкого об увеличении его поместного и денежного оклада за многолетнюю службу

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой Еуфимко Мышецкой. Служил я, холо [п тв] ой, прежним государем и тебе, государю, многия твои государевы службы. При царе Василье Ивановиче был я, холоп твой, на многих службах со многими бояры и воеводы: з боярином со князем Михайлом Васильевичем Шуйским во всем походе, и со князем Дмитрием Шуйским. И после, государь, царя Василья, как немецкие люди город Ладогу взяли, и меня, холопа твоего, бояря послали под Ладогу с Воцкою пятиною, и я, холоп твой, немецких людей побил двесте человек, и языки многия взяли. И после, государь, тово немецкие люди, как Иван Михайлов сын Салтыков пришел под Ладогу, и немцы здались. И как Иван Салтыков из Ладоги побежал, и я, холоп твой, сидел в Орешке в осаде два годы от немецких людей. И как немцы Орешок взяли, и я, холоп твой, у них сидел за приставом, и из-за пристава у них ушел, и был на твоей государеве службе на Броннице. И после, государь, бронницкие службы был я, холоп твой, на твоей государеве службе под Смоленским, и после, государь, смоленские службы, как немцы отдали Великий Новгород, послан был на твою государеву службу в Новгород з боярином со князем Иваном Андреевичем Хованским. И на него на дороге приходили литовские люди и ево побили, и самого было взяли, и я, холоп твой, ево, боярина, да Осипа Прончищева от литовских людей отбил и их отвел. И как, государь, прежним миром с литовскими людьми помирились, и я, холоп твой, послан был на твою государеву службу на Саратов. И в то, государь, время от Астрахани Ящерек-мурза з братьею отшел проч, хотел ити за Волгу в Казыев улус. И я, холоп твой, на Волгу на перевозки посылал с твоими государевыми ратными людьми голов, и на перевозех их ратных людей многих побил, и за Волгу их в Казыев улус не пропустил. Да я ж, холоп твой (96), // был на твоей государеве службе в Мещевску и тебе, государю, служил, всякие литовские вести писал и про город про Серпеской писал же, и розмагивать посылал, как ево и коим обычаем взять. И по моей, государь, холопа твоего, отписке указал ты, государь, под Серпеской тайным обычаем послать, и я, холоп твой, дав головам вожей мещовских казаков, послал под Серпеской, и твоим государьским счастьем преж всех городов Серпеской взяли. И твоя государева грамота з жаловальным словом ко мне, холопу твоему, была. И после, государь, мещовские службы был я, холоп твой, на твоей государеве службе в Дорогобуже, и многих литовских людей на боях побивали, языки имали, и твои государевы жаловальные многия грамоты к

нам, холопом твоим, в Дорогобуж з твоим государевым жаловальным словом были. И братья, государь, у меня, холопа твоего, и племянники многие побиты, и я, холоп твой, от ран увечен, и ныне, государь, под Смоленским убиты три брата да два племянника ранены. И за те, государь, за все за прежние и за нынешние службы я, холоп твой, не пожалован, оклад мне, холопу твоему, при Ростриге учинен семсот чети да денег из четверти двадцать рублей, а с тех мест за мое службишка и за раны придач не было, потому что безпрестанно я, холоп твой, был по твоим государевым службам. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа твоего, за мое прежние службишка и за нынешнее, и за раны, и за братню кровь своим государевым жалованьем помесной и денежной придачей, как тебе, праведному государю, бог известит. Царь, государь, смилуйся, пожалуй (62).

А как князь Ефим Мышетцкой при царе Василье служил, и того выписати не из чево, что старые столпы в Московское разоренья пропали.

А в челобитной князя Ефима Мышетцкого написано:

При царе Василье Ивановиче был он, князь Ефим, на государеве службе з бояры и воеводы со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским да со князем Дмитрием Ивановичем Шуйским.

А после царя Василья, как немецкие люди Ладогу взяли, и он, князь Ефим, от бояр посылан был под Ла (63) // дугу с Вотцкою пятиною, и под Ладогою немецких людей побил двесте человек, и языки многие поимал.

Да он же, князь Ефим⁷, в Орешке от немецких людей сидел в осаде два года, а как немецкие люди Орешек и ево в Орешке взяли, и сидел у немецких людей за приставом, и из-за пристава ушел. И был на государеве службе на Бронницах, а после бронницкие службы был на государеве службе под Смоленском. А после смоленские службы, как немецкие люди Великой Новгород отдали, и он, князь (64) // Ефим, посылан был на государеву службу в Новгород з боярином со князем Иваном Андреевичем Хованским, и как приходили на него литовские люди и побили, и он, князь Ефим, боярина да Осипа Прончищева от литовских людей отбил.

Да он же, князь Ефим, посылан на государеву службу на Саратов, и в то время от Астрахани Ищерек-мурза з братьею хотел ити за Волгу в Казыев улус, и он, князь Ефим, посылал з государевыми ратными людьми на Волгу на перевозки голов с сотнями, и государевы ратные люди на перевозех татар многих поубили, и за Волгу их в Казыев улус не пропустили (65). //

Да выписана князя Ефима Мышетцкого служба, как он во 142-м году был на государеве службе в Мещевску.

141-го году в сентябре писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Мещевска князь Ефим Мышетцкой: посылал

он под Серпе (66) // еск мест розматривати дву человек казаков да мужика, как бы притти под город и город взяти. И те казаки и мужики, пришед к нему, сказали, что от города от Серпейска лес с одной стороны, и от тово лесу пришла к городу рытвина, и пешими людьми Серпееск взяти мочно, и чтоб к нему ис Колуги для промыслу над Серпейском прислати двести человек стрельцов.

И писано от государя в Мещоск ко князю Ефиму Мышетцкому, что по государеву указу велено ис Колуги Богдану (67) // Нагово для промыслу над Серпейском послати в Мещоск голов с сотнями да 300 человек колужских стрельцов, и как те ратные люди в Мещоск придут, и князю Ефиму Мышетцкому с теми головами велено послати мещеских казаков, которых он посылал досматривати, и иных вожей добрых.

И в октябре писал государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Мещеска князь Ефим Мышетцкой: посылал он из Мещоска под Серпееск мещеских казаков 100 человек, а велел им, сшодчися з головами и с ратными людьми, которые посланы от Богдана Нагово, над Серпейском промышляти. И как головы с ратными людьми и с мещескими казаки и с вожи пришли под Серпееск, и серпейской капитан и польские и литовские люди, видя над собою государевых людей промысл⁸ и тесноту (68), // государю добили челом и город здали. И за ту службу ко князю Ефиму Мышетцкому писано от государя з жаловальным словом и с похвалою (69). //

УДК 343.1:271.2(470.44) |18/19|

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД СТАРООБРЯДЦАМИ И СЕКТАНТАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Саратовской губернии)

С. М. Руфин

Поволжский кооперативный институт Российского университета кооперации, Энгельс
E-mail: vmf-86@mail.ru

Статья посвящена слабо разработанной в российской историографии проблеме судебного преследования представителей старообрядчества и религиозного сектантства за преступления против православной церкви. Рассматривается судебная практика по делам о противоправных действиях старообрядцев и сектантов. Автор приходит к выводу о том, что судебное преследование старообрядцев и сектантов второй половины XIX – начала XX в. было неэффективным и, как правило, заканчивалось вынесением оправдательного приговора.

Ключевые слова: старообрядчество, сектантство, православная церковь, судебные процессы, религиозные преступления.

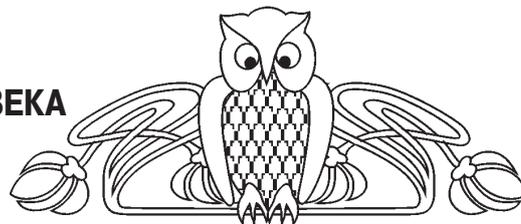
И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом князь Ефим Мышетцкой, чтоб ево государь пожаловал, за службы, что он служил при царе Василье и при боярех, и за мещескую службу своим государевым жалованьем, помесною и денежною придачею, как государю Бог известит.

А помесной оклад князю Ефиму Мышетцкому 700 чети, денег из чети 20 рублей (70)⁹.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 96. Л. 62–70).

Примечания к прил. 1, 2

- 1 На обороте помета: *Государь пожаловал, придачу ево, что ему придано за саратовскую службу, для нынешней донской службы велел выдати.*
- 2 Слова *сорок рублей* приписаны над строкой.
- 3 Слово *посылки* приписано над строкой вместо зачеркнутого *службы вы.*
- 4 Далее зачеркнуто слово *велети*; над строкой написано и зачеркнуто: *Григорью Орлову.*
- 5 Слова *Григорью Орлову сорок рублей* написаны над строкой вместо зачеркнутого *что ему придано за саратовскую службу.*
- 6 Слова *посылки велел* приписаны над строкой вместо зачеркнутого *службы.*
- 7 Слова *князь Ефим* приписаны над строкой.
- 8 Слово *промысл* приписано над строкой.
- 9 На сставах дела имеется помета: *142-го августа в 25 день государь // пожаловал, // за мещовскую службу // велел придати // денег к 20 рублем // 25 рублей // да помесной // придачи 100 чети.*

Trials Concerning Old Believers and Sectarians in the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Centuries (Based on Saratov Province Materials)

S. M. Rufin

The article is devoted to the problem of the prosecution of members of the Old Believers and religious sectarianism for crimes against the Orthodox Church, weakly developed in Russian historiography. Court practice on cases concerning illegal actions of the Old Believers and sectarians is shown. The author comes to the conclusion that prosecution of the Old Believers and sectarians in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries was ineffective and, as a rule, ended in acquittal.

Key words: Old Believers, sectarianism, Orthodox Church, trials, religious crimes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-335-340

Одной из мер борьбы российского правительства со старообрядчеством и сектантством было судебное преследование последователей этих религиозных течений за преступные деяния, направленные против православной веры. Государство устанавливало уголовную ответственность за отдельные противоправные деяния раскольников в целях охраны авторитета православной церкви и предупреждения распространения старообрядческого вероучения среди населения Российской империи.

В уголовно-процессуальном законодательстве второй половины XIX в. были установлены отдельные особенности судебного процесса по делам о религиозных преступлениях. Так, согласно ст. 1004 Устава уголовного судопроизводства обвиняемые в преступлениях против веры подлежат уголовному суду в случае совершения деяния, за которое законом устанавливается наказание или ограничение в пользовании правами состояния. В ст. 562 Законов о судопроизводстве о преступлениях и проступках установлено положение о том, что судопроизводство по делам против веры производилось на общих основаниях за исключением отдельных правил, установленных в законе. Согласно ст. 564 Устава уголовного судопроизводства дела о совратителях и совращенных из православия и о самовольной постройке иноверческих церквей рассматриваются вне очереди¹. Борьба с политической, в данном случае религиозной, преступностью в этот переломный период российской истории стала одной из главных целей органов государственной власти.

В соответствии с классификацией государственных (политических) судебных процессов, предложенной проф. Ю. В. Варфоломеевым, дела о религиозных преступлениях выделены в отдельную группу – «Вероисповедные дела» (религиозные процессы)². Отдельные аспекты проблемы уголовного преследования старообрядцев и сектантов за совершение религиозных преступлений в Российской империи разбирались в общих работах ряда исследователей. В статье А. Б. Никонова рассматриваются особенности уголовного судопроизводства по делам о преступлениях старообрядцев и сектантов против православной церкви³. В.Ф. Левин в своей диссертации также уделял внимание вопросам судебного преследования за совершение религиозных преступлений⁴. Однако отсутствуют работы, посвященные судебным процессам над представителями данных религиозных течений в Саратовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В данной статье автор планирует восполнить этот пробел.

В. Ф. Левин отмечал, что дела о преступлениях, совершенных раскольниками и направленными против православной веры, рассматривались практически без привлечения лиц православного ведомства. Иначе в процессе судебного заседания начинались длительные дискуссии исключи-

тельно религиозного характера. Православные священнослужители допускались к судебному процессу, связанному с обвинением раскольников, только в тех случаях, когда последние изъявляли желание приобщиться к православной вере. На губернатора было возложено право немедленно прекращать судебное дело по обвинению раскольников в противоправной деятельности в случае, если они соглашались вернуться в лоно православия и обращались с письменной просьбой в консисторию. Был разработан специальный механизм ведения подобных дел. Местные власти обязаны были сообщать об обнаружении сектантов в вышестоящие инстанции.

По замечанию В. Ф. Левина, в окружных судах существовал особый порядок рассмотрения дел о скопцах. В качестве оправдательных не принимались следующие доводы:

- 1) оскотление совершено неизвестными людьми либо теми, которые умерли;
- 2) оскотление проведено во время сна или в младенческом возрасте;
- 3) лишение детородных органов случилось в результате травмы, болезни либо подобных вымышленных случаев;
- 4) оскотление совершено известными им людьми, но в недавнем времени.

Если оскотленный изобличал своих оскотителей на судебном заседании, он освобождался от ответственности за это преступление, а виновные отдавались под суд⁵. Однако на примере Саратовской губернии видно, что на практике не всегда удавалось привлечь к ответственности скопцов в судебном порядке из-за непринятия соответствующих мер органами полиции по изобличению представителей секты скопцов, о чем свидетельствует следующий пример.

22 апреля 1870 г. губернатор сообщил полицмейстерам и уездным исправникам Саратовской губернии, что собранными по распоряжению министра внутренних дел сведениями о скопческой секте обнаружено, что число ее последователей постоянно увеличивается. Производящиеся в судах дела о вновь обнаруживаемых оскотленных и о подозреваемых в распространении скопчества оканчиваются оправдательными приговорами. По отзыву Министерства юстиции главной причиной таких приговоров является слабость надзора за ними со стороны полиции, которая не принимает меры к обнаружению вновь оскотленных. Часто судебные следователи и прокуроры не могли собрать достаточные обвинительные доказательства из-за давности преступлений. Министр внутренних дел (МВД) предложил усилить полицейский надзор за появлением в Саратовской губернии вновь оскотленных и в случае обнаружения оскотления, руководствуясь ст. 249, 254, 258 Устава уголовного судопроизводства, сообщать судебной власти, от которой зависело распоряжение о медицинском освидетельствовании и дальнейшем следствии.

Полиция должна была оказывать следователю содействие в расследовании преступлений. Губернатор предписал полицмейстерам и уездным исправникам принять меры к проверке сведений о скопцах. В случае если в подведомственных местностях проживают скопцы, то тех из них, у которых в документах не обозначено оскотление, передать судебным следователям, а за имеющими документы с пометкой об оскотлении установить особый секретный надзор⁶.

В конце XIX – начале XX в. большинство уголовных дел, рассматриваемых в Саратовском окружном суде, возбуждалось по фактам незаконных построек молитвенных зданий. Для привлечения старообрядцев к уголовной ответственности по ст. 206 Уложения о наказаниях судом обязательно устанавливался факт отсутствия разрешения МВД на постройку молитвенного здания. Это видно из следующего примера.

7 января 1885 г. саратовская Судебная палата рассмотрела дело по апелляционной жалобе мещан Надежды Михайловны и Матвея Ивановича Лушниковых на приговор Саратовского окружного суда от 16 ноября 1884 г., согласно которому они были признаны виновными по ст. 206, и на них было наложено наказание в виде ареста при полиции на три недели и сноса за их счет устроенного ими молитвенного здания. В ходе рассмотрения дела допрошенные в качестве свидетелей в окружном суде Иван Меликов, Сергей Евстафеев, Агафон Тезиков и Фома Смирнов удостоверили, что осужденные поморской секты летом 1883 г. устроили на огороде Матвея Лушникова в г. Сердобске молельню в виде сруба. Постройкой заведовали оба подсудимых, после окончания строительства она служила местом сбора старообрядцев для отправления богослужений по обрядам поморской секты. По признанию подсудимых и сообщению Сердобского уездного полицейского управления и волостного правления на постройку молельни надлежащего разрешения не было, таким образом, «признание их виновными по ст. 206 является доказанным и назначенное наказание правильным»⁷.

В ходе рассмотрения данных дел возникали определенные проблемы при установлении в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 206 Уложения о наказаниях. Часто неправильное применение судами положений данной статьи и нарушение других законов относительно старообрядцев влекло за собой пересмотр дела и вынесение оправдательного приговора. О молитвенных старообрядческих домах было несколько сенатских решений: по делам старообрядцев Рябинина, Тулупова, и особенно Сорокина. Сенат разъяснил, что «разрешение министра внутренних дел требуется только для молитвенных домов, особо предназначенных для общественных богослужений и находящихся в отдельных зданиях»⁸. Что же касается жилых и частных домов, то в них могут устраиваться молитвенные помещения без всякого разрешения.

Этим сенатским разъяснением и стали пользоваться старообрядцы, а судебные власти руководствоваться, посему многочисленные привлечения старообрядцев к ответственности за самовольное устройство молитвенных помещений в жилых домах часто кончались их оправданием.

22 мая 1890 г. окружной суд на выездном заседании в г. Аткарске признал виновным крестьянина деревни Вязовый враг Сластушинской волости Аткарского уезда Федора Ермиловича Никулина в совершении преступного деяния, предусмотренного п. 2 ст. 206 Уложения, и приговорил подсудимого к аресту на один месяц⁹. Судом было принято данное решение на основании того, что жилое помещение по размеру пространства, отведенного под богослужения, и по внутреннему устройству соответствует требованиям церковного здания. Также по данным дела в нем имелся иконостас, а здание было увенчано куполом, которые по решению суда подвергались демонтажу.

Подсудимый отрицал этот факт, утверждая, что его дом отличается от других жилищ наличием помещения, где он занимается переплетным делом и никогда не обращал ее в общественную раскольничью молельню, хотя и отправлял общественную молитву требы, но не в публичном молитвенном доме, а в частном, что не воспрещено законом¹⁰.

Кроме того, подсудимый ссылался на закон от 3 мая 1883 г., в соответствии с которым раскольникам было дозволено «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях»¹¹. На основании ст. 50 Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1880 г. раскольники не подлежали уголовному преследованию за отправление общественного богослужения в частных домах и, следовательно, за устройство в них соответствующей богослужебной обстановки¹².

27 августа 1890 г. Судебная палата, рассмотрев дело, не согласилась с доводами окружного суда, так как ст. 52 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, воспрещавшая обращение части жилья в публичную молельню, отменена в 1883 г., а на размер молитвенного здания в законе указаний нет, определила оправдать Никулина и вернуть ему изъятые вещи.

Известен пример, когда причиной судебной ошибки было неправильное толкование закона от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Приговором Саратовского окружного суда в г. Царицыне 1 февраля 1892 г. местный купец Алексей Егорович Жаров и мещане Василий Иванович Зафатаев, Афанасий Федорович Жильцов, Михаил Владимирович Лебедев, Иван Петрович Тутаев были оправданы по ч. 2 ст. 206 Уложения ввиду отсутствия в их действиях состава преступления. По мнению суда, на устройство молельни в нанятой квартире или доме, хотя и не

принадлежащих кому-либо из подсудимых, без изменения наружного вида помещения, в соответствии с пунктом пятым Закона 1883 г. не требуется разрешение МВД¹³.

Товарищ прокурора Канилцев не согласился с таким толкованием закона, полагая, что этот закон допускает открытие раскольничьей молельни только с разрешения МВД, как здания, предназначенного специально для удовлетворения религиозных потребностей раскольников, независимо от того будет ли это здание часовней, целым частным домом или иным отдельным строением. На основании этого товарищ прокурора в своем протесте потребовал отмены оправдательного приговора суда и признания подсудимых виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 206 Уложения. Рассмотрев обстоятельства этого дела, Судебная палата определила, что факт найма в г. Царицыне в апреле 1889 г. у мещанина Парфена Игнатьева дома для обращения в общественную моленную австрийского согласия и отправление в ней богослужений в период 1889–1891 гг. доказано протоколом осмотра дома, договором найма и показаниями как самих подсудимых, так и опрошенных по делу свидетелей. Из этих же документов видно, что устроили молельню подсудимые, не имея на то надлежащего разрешения.

Для разрешения вопроса о том, является ли такое деяние запрещенным законом, палата обратилась к пункту пятому закона от третьего мая 1883 г., на который ссылался окружной суд: «раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях с условием, чтобы при этом не были нарушены общие правила благочиния и общественного порядка. Независимо от этого, относительно часовен и других молитвенных зданий соблюдаются правила, установленные в статьях шесть-восемь настоящего узаконения»¹⁴. Отсюда следует, что данное положение содержит лишь общее правило, применение которого поставлено в зависимости от условий, означенных в последующих пунктах.

В упомянутых правовых положениях закреплено, что раскольники для отправления общественного богослужения не могут возводить «особо предназначенных» для этого зданий, так как им дозволяется только «исправлять и возобновлять» такие здания, находящиеся в ветхом состоянии с разрешения губернатора, «распечатывать» молитвенные здания и «обращать для общественного богомоления существующие строения» с особого разрешения МВД. Так как подсудимые не имели такого разрешения, то они подлежали уголовной ответственности по части второй ст. 206 Уложения¹⁵.

При рассмотрении данных дел суды также решали вопрос об уничтожении молитвенных зданий и предметов богослужения старообрядцев.

Эта обязанность суда вытекала из санкции ст. 206, где содержалось требование о «сломке нового молитвенного помещения и всего устроенного без надлежащего разрешения». В пункте втором примечания ст. 206 содержалось правило, в соответствии с которым «если подсудимый обвинялся в устройстве новой молельни, то суд может сделать распоряжение не только о ломке сделанных приспособлений, но и всей постройки»¹⁶.

Также суды принимали решение об уничтожении молитвенного здания и в случае освобождения виновного от наказания по основанию истечения срока давности преступления. Данное правило было установлено в решениях Уголовного кассационного департамента от 1868 г. № 421 и 1869 г. № 86, согласно которым давность преступления не устраняет обязанности суда подвергнуть уничтожению строения и приспособления, указанные в ст. 206 Уложения о наказаниях. Это доказывает следующий пример.

28 мая 1893 г. в Судебную палату поступила апелляционная жалоба крестьянина с. Алексеевка Хвалынского уезда Матвея Васильевича Грошева на приговор Окружного суда, которым было постановлено «уничтожить богослужebные приспособления»¹⁷. Подсудимый просил отменить приговор по следующим основаниям: если согласно п. 2 ст. 771 Устава уголовного судопроизводства суд освободил его от наказания, то он не имел право выносить постановление об уничтожении вещественных доказательств, так как «покрытое давностью» преступление перестает быть таковым. По его мнению, продолжительное существование молельни указывает на наличие особого разрешения, а так как до принятия закона не существовало строго установленной формы в выдаче разрешения, то оно могло быть дано местными и губернскими властями в словесной форме.

Судебная палата, сопоставив приговор суда с обстоятельствами дела и доводами апеллятора, признала правильным решение о «сломке молельни», как соответствующее требованиям ст. 206, а потому аргументы Грошева о том, что давность преступления должна влиять на неприкосновенность молитвенного здания, а также его заявление, что существование молельни в селе издревле указывает на особое разрешение, неосновательными, так как это заявление противоречит показаниям подсудимого на суде о постройке молельни в 1881 г. без надлежащего разрешения¹⁸.

Часто дела о преступлениях старообрядцев прекращались на стадии предварительного следствия по основаниям истечения сроков давности преступления, а также за отсутствием доказательств, изобличающих виновных, что видно из следующего примера.

14 февраля 1872 г. жандармский унтер-офицер Горьков сообщил приставу 2-го стана Хвалынского уезда, что в с. Шеховское в здании крестьянина Василия Юдахина устроена публичная

раскольничья молельня, в которой по воскресным и праздничным дням совершаются богослужения. В ходе следствия было установлено, что позади дома Юдахина обнаружена землянка, в которой находились иконы и другие церковные принадлежности. Юдахин пояснил, что эта землянка, бывшая прежде мастерской, семь лет назад была обращена в молельню. Исходя из этого, так как преступление, предусмотренное ст. 206 Уложения о наказаниях, покрывается в силу п. 4 ст. 158 Уложения двухгодичной давностью, следствие было прекращено на основании истечения срока давности преступления¹⁹.

Благочинный 1-го округа Вольского уезда священник Любомиров представил в Консistorию 9 сентября 1871 г. донесение причта с. Мордовский Ключ о том, что крестьянин этого села Игнатий Максимович Редков, значившийся православным, совратил в раскол Ивана Наумовича Белогорского, убедив его не крестить новорожденную дочь в церкви. Когда же старшина села Филипп Сидоров призвал в волостное правление Белогорского для выяснения причины отказа от крещения, в правление в то же время явился самовольно для защиты Белогорского Редков и начал спорить со старшиной, заявив, что то дело его не касается. Консistorия просила прокурора произвести следствие по данному делу. По окончании предварительного следствия, ввиду того что Игнат Редков не признал свою вину и по делу нет иных избочающих его фактов, по предложению прокурора дело было прекращено²⁰.

Известны случаи, когда уголовные дела в отношении сектантов прекращались органами прокуратуры по причине неправильной квалификации их действий, что можно проиллюстрировать следующими примерами. Так, крестьяне с. Безлесное Балашовского уезда составили приговор об удалении из своей среды крестьянина Давыда Панкратьева и его жены Ульяны Борисовой Романовых как лиц, уклонившихся из православия в молоканскую секту. Этот приговор свидетельствует о том, что малолетние дочери Романовых Прасковья и Агафья заявляли сельскому сходу о совращении их родителями в молоканство, что подтвердилось полицейским дознанием. В ходе предварительного следствия обнаружен факт уговора Романовыми своих детей к переходу в секту. По мнению товарища прокурора окружного суда, этот факт не может служить поводом для их обвинения, так как ст. 197 Уложения по смыслу, разъясненному Кассационным департаментом Правительствующего Сената, предусматривает случаи совращения в ересь лишь совершеннолетних христиан, малолетние же, не сознающие различия между догматами веры, не могут быть обращены в ересь в настоящем значении этого слова. Поэтому Романовы могли бы обвиняться только в допущении своих детей к исполнению обрядов молоканской ереси. Предварительное следствие не представило никаких данных для

этого обвинения, и по предложению товарища прокурора дело было прекращено²¹.

2 июля 1872 г. староста с. Саломатино составил акт о том, что того числа мимо волостного правления прошла толпа молокан, провожавшая с пением на кладбище покойного младенца. В ходе следствия староста Герасим Чернышев объяснил, что составил акт со слов волостного писаря П. С. Мартынова. Было установлено, что группа молокан А. А. Комарев, Е. И. Барышников, С. И. Почивалов, Е. С. Карноухов, П. П. Данилов, А. К. Карпов, И. И. Барышников и П. А. Комарев обвиняются в «публичном оказательстве раскола и в похоронении умершего раньше положенного срока». Принимая во внимание, что Уложение о наказаниях ст. 197 преследует молокан лишь за распространение своей ереси и совращение в секту других, преследование раскольников допускается лишь в случаях «оказательства» раскола, послуживших действительным соблазном для православных. По мнению товарища прокурора Саратовского окружного суда, в данной ситуации невозможно их преследование: «Для обвинения их в преждевременном похоронении умершего нет данных»²².

В начале XX в. в законодательство о старообрядцах были внесены изменения, которые повлияли и на судебную практику рассмотрения дел о старообрядческих молитвенных зданиях. Так, Высочайше утвержденное 14 марта 1906 г. мнение Государственного Совета устанавливало положение, в соответствии с которым ст. 206 Уложения предусматривала ответственность за устройство без надлежащего разрешения старообрядческих и сектантских скитов. В отношении сооружений старообрядческих и сектантских молитвенных домов согласно пункту пятому Положения Комитета министров от 17 апреля 1905 г. применялось правило, установленное для храмов инославного исповедания, а потому суды при самовольной постройке молельни привлекали виновных по ст. 1006 Уложения о наказаниях²³, о чем свидетельствует следующий пример.

Осенью 1910 г. пристав первого стана Хвалынского уезда получил сведения, что в с. Самодуровка местными старообрядцами поморского согласия построен молитвенный дом без разрешения начальства. При производстве дознания было установлено, что в 1909 г. в селе во дворе местного крестьянина Тихонова крестьяне Михаил Гудков, Мирон Коробов и Маркел Канаев построили особое здание, оборудованное для отправления богослужений. При осмотре здания были обнаружены иконостас и другая церковная утварь. На этом основании в отношении указанных крестьян было возбуждено уголовное дело по факту самовольной постройки молельни для публичного отправления богослужения по раскольничьему обряду. Рассмотрев дело, суд признал их виновными и квалифицировал их деяние по ст. 1066 Уложения²⁴.

Судебное преследование старообрядцев и сектантов во второй половине XIX – начале XX в. было неэффективным и часто заканчивалось вынесением оправдательного приговора. Причиной этого были сложности по собиранию доказательств, изобличающих противоправную деятельность представителей данных религиозных течений в ходе предварительного следствия.

Примечания

- 1 См.: Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1876. Т. 10. С. 277.
- 2 См.: Варфоломеев Ю. В. «Серебряный век» русской адвокатуры : в 4 ч. Ч. 2 : «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX века). Саратов, 2015. С. 38.
- 3 См.: Никонов А. Б. Специфика процессуальных действий по делам о преступлениях старообрядцев и сектантов против православия в Российской империи // Вестн. Пенз. отд-ния Рос. филос. о-ва. 2013. № 3 С. 8.
- 4 См.: Левин В. Ф. Борьба Российского государства и Русской Православной церкви с религиозными правонарушениями в 1820-е – 1917 гг. (на материалах

- Среднего Поволжья) : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2011. С. 164.
- 5 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2001. Л. 4.
 - 6 Левин В. Ф. Указ. соч. С. 164.
 - 7 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 374. Л. 6–7.
 - 8 Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви, Барнаул, 1999. С. 30.
 - 9 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 326. Л. 3.
 - 10 Там же.
 - 11 Там же. Л. 4.
 - 12 Там же Л. 4–5.
 - 13 Там же. Д. 566. Л. 22.
 - 14 Там же. Л. 22–23.
 - 15 Там же. Л. 24–25.
 - 16 Чичинадзе Д. В. Сборник законов о расколе и сектантах. СПб., 1899. С. 110.
 - 17 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 111. Л. 10.
 - 18 Там же. Л. 11.
 - 19 Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 192. Л. 41–42.
 - 20 Там же. Д. 246. Л. 2–3.
 - 21 Там же. Д. 568. Л. 33–35.
 - 22 Там же. Д. 451. Л. 25–26.
 - 23 Введенский А. П. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 50.
 - 24 ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 963. Л. 44–45.

УДК 94 (=112.2) (47). 084.6

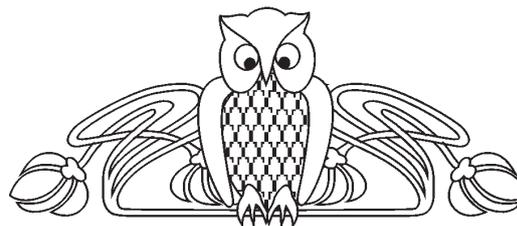
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В 1918–1941 ГОДЫ

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует процесс трансформации идентичности поволжских немцев как локальной этнической группы, происходивший под воздействием идеологии и общественно-политической практики большевизма. С одной стороны, показана насильственная ломка всех сторон традиционного образа жизни, принудительное насаждение новых «социалистических» порядков, а с другой – освещается практика настойчивого политико-идеологического воздействия на сознание людей, прежде всего молодежи, насаждение новых духовных ценностей, коренным образом отличавшихся от традиционных. Процесс трансформации идентичности гораздо быстрее проходил у молодого поколения, в результате к концу 1930-х гг. в локальной среде поволжских немцев стал заметен существенный разлом в идентичности старшего и молодого поколений. Наиболее ярко он проявился в годы войны 1941–1945 гг. в форме реакции на проводившуюся по отношению к немцам Поволжья репрессивную политику (депортацию, тотальную трудовую мобилизацию, жизнь в условиях спецпоселения).

Ключевые слова: немцы Поволжья, большевизм, национальная идентичность, традиционные ценности, новые «социалистические» ценности, разлом в идентичности.

The Transformation of the Volga Germans' National Identity in 1918–1941

A. A. German

The author examines the identity transformation process of the Volga Germans as a local ethnic group, which took place under the influence of ideology and political practice of Bolshevism. On the one hand, violent destruction of all the sides of traditional lifestyle and compulsory implanting of a new “socialist” order are shown. On the other hand, practice of persistent political and ideological impact on people's minds, especially those of the young people, and implanting of new spiritual values, totally different from the traditional ones, are highlighted. The process of identity transformation passed much quicker with the younger generation. As a result, by the end of the 1930s in the local environment of the Volga Germans a significant break in the identity of the older and younger generations had been clearly seen. It became most apparent during the war of 1941–1945 as a reaction to the policy of repression against the Volga Germans (deportation, total labor mobilization, life in the conditions of a special settlement regime).

Key words: Volga Germans, bolshevism, national identity, traditional values, new «socialist» values, break in identity.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-340-345

Большевизм как идеология и общественно-политическая практика, как особая форма власти военно-тоталитарной партии с его основополагающими догмами насильственных революций как «локомотивов истории», классовой борьбы, диктатуры пролетариата, уничтожения частной собственности, отрицания правового государства и гражданского общества, приоритета классовых интересов над национальными, «революционной целесообразности» над правами личности и т. п., оставил, как известно, глубочайший отпечаток в истории XX в., на все сферы жизни российского общества.

Идеология и практика большевизма и национальная идентичность российских немцев, сформировавшаяся ко второму десятилетию XX в. и основывавшаяся на базовых ценностях европейской цивилизации, практически не имели точек соприкосновения. Их столкновение и противостояние после прихода большевиков к власти становились неизбежными.

Первое такое жесткое столкновение произошло в годы Гражданской войны. Оно существенно разрушило традиционные устои жизни поволжских немцев и способствовало началу трансформации национальной идентичности.

Иллюзии поволжских немцев, связанные с созданием осенью 1918 г. своей автономной области, быстро рассеялись, как только началось проведение политики военного коммунизма, вылившееся в откровенный грабеж, насилие, репрессии. Большинство в руководстве немецкой области занимало экстремистскую позицию и слепо выполняло распоряжения центра. Даже когда руководство области и пыталось хоть как-то защитить интересы своего населения, эти попытки, как правило, заканчивались неудачей. Хаос Гражданской войны разрушал прежнюю жизнь колонистов, а следовательно, постепенно и неумолимо влиял на их идентичность, трансформируя ее¹.

Попытки сохранить основные устои своей прежней жизни в годы Гражданской войны выражались в различных формах. Весной 1920 г. ввиду массовых выступлений немецкого крестьянства против продразверстки, Область немцев Поволжья была переведена на военное положение, а для управления ею был создан Ревком. Формы сопротивления порой были весьма оригинальны. Так, в 1920 г. в Ровненском уезде развернулась широкая кампания за выход Ровненского уезда из автономной области и включение его в состав соседнего Новоузенского уезда Самарской губернии. В селах тайно, минуя Советы, составлялись прошения на имя Новоузенского уисполкома, под ними собирались подписи крестьян, и эти прошения также тайно доставлялись в Новоузенск. Прогонения направило большинство сел Ровненского уезда, а села Моргентау и Штрассбург после этого отказались выполнять продразверстку и подчиняться Ровненским уездным властям, за что

подверглись репрессиям со стороны вооруженных продотрядов².

В марте – апреле 1921 г. вся Область немцев Поволжья была охвачена крестьянским восстанием. Советская власть сохранялась лишь в городах (Бальцер, Марксштадт) и некоторой части северных колоний. Восстание было жестоко подавлено. Только в сёлах Марксштадтского уезда, принявших участие в восстании, по приговорам военного трибунала было расстреляно 286 человек, в том числе в Мариентале – 74, Крутоярровке – 38, Липовке – 29, Раскатах – 34 и т. д. Около 20 расстрелянных не перешагнули 18-летнего рубежа и примерно 30 приговоренным к смерти перевалило за 60, а некоторым из них и за 70 лет. Вряд ли эти люди в силу своего возраста могли быть «ярыми зачинщиками» и «организаторами». Сотни участников восстания были приговорены к заключению в концентрационный лагерь, располагавшийся вблизи Марксштадта (ныне – г. Маркс). Имущество расстрелянных и осужденных конфисковывалось³.

Еще одним страшным испытанием, во многом изменившим прежние устои жизни поволжских немцев стал небывалый голод 1921–1922 гг., его жертвами стала почти четверть поволжских немцев. Была полностью дезорганизована экономика. Безысходность и жуткая нищета опустелись на немецкие колонии. Полностью исчезла какая-либо материальная дифференциация в крестьянской среде. В годы нэпа все крестьянские хозяйства начали свое развитие от некоторой общей нулевой черты⁴.

В те же годы Советское государство разрушило традиционную немецкую школу, почти до середины 1920-х гг. в Области немцев Поволжья школьное обучение практически отсутствовало, затем стала развиваться новая советская школа, несшая немецким детям совершенно иные ценности, в корне отличавшиеся от традиционных. Началась борьба с церковью, репрессии против духовенства. Одновременно еще во время Гражданской войны и сразу после ее окончания власть формирует систему постоянного агитационно-пропагандистского воздействия на население немецкой области⁵.

Неприятие немцами большевистской идеологии после Гражданской войны настолько бросалось в глаза, что режиму приходилось принимать в этом направлении специальные меры. Так, в январе 1924 г. пленум обкома РКП (б) АССР немцев Поволжья на специальном заседании вынужден был отметить «политическое отставание» немецкого крестьянства от русского, более слабое восприятие им «коммунистических идей». Пленум определил ряд мероприятий, направленных на усиление «политической работы» среди крестьян-немцев⁶.

Влияние на немцев оказывалось, прежде всего, через организации Коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, различные оборонно-

спортивные и иные общества, создававшиеся в 1920-е гг. Постоянное промывание мозгов, невозможность возвращения к старой жизни, постоянные угрозы репрессиями тем, кто не хочет вписываться в «новую жизнь», давали определенные результаты. Наиболее чувствительной к такой политике была молодежь. Многих привлекала новизна, глобализм и романтика революционных идей переустройства общества.

Комсомольская организация Области немцев Поволжья начала расти буквально со своего основания. Если осенью 1921 г. в Области немцев Поволжья насчитывалось чуть больше 100 комсомольцев, то в марте 1924 г. их было уже 1723, а к апрелю 1928 г. – 4303, не считая кандидатов-комсомольцев. Количество девушек возросло до 27,5 %, причём главным образом за счёт вступления в ряды ВЛКСМ девушек немецкой национальности. По удельному весу девушек в комсомоле коммунистическая молодёжная организация Немреспублики занимала одно из первых мест в СССР⁷.

В комсомольских организациях юноши и девушки проходили «школу» политического воспитания и «классовой ненависти», участвуя и оказывая помощь партийным ячейкам в проведении хозяйственно-политических мероприятий (хлебозаготовки, самоснабжение, создание различных семенных фондов и т. п.), учась в школах и кружках поллитрамоты. Вместе с тем многие комсомольские ячейки проводили культурно-просветительную работу, активно участвовали в борьбе за ликвидацию неграмотности, занимались военно-патриотической работой. Это привлекало к ним молодёжь.

Широкое развитие в 1920-е гг. в Республике немцев Поволжья получило пионерское движение, также являвшееся одной из сфер приложения сил комсомола. Образованная в 1923 г. пионерская организация Немреспублики в 1928 г. насчитывала уже 4,1 тыс. ребят. Кроме того, в том же году в АССР НП имелось свыше 700 октябрят. Пионеры и октябрята объединялись в 128 отрядах⁸.

Постепенно немцы привыкали к новым органам власти, их деятельности в городах и деревнях. Если в 1926 г. в выборах в местные советы принимало участие 44,2 % немцев, то в 1929 – уже 57,3⁹. Конечно же это происходило на фоне сопротивления определенной части немцев новому порядку. На каждых выборах отмечались «происки антисоветских элементов», против них осуществлялись репрессии.

Однако к концу 1920-х гг. в Немреспублике, как и в других регионах Советского Союза, сформировалась довольно стройная многозвенная система организационно-идеологического воздействия на население начиная буквально со школьного возраста, которая хоть и медленно, но неуклонно меняла идентичность поволжских немцев. Это воздействие на немецкое население осуществляла собственная все более разраста-

вшаяся политическая элита. Появился и рос слой немецкого населения, в той или иной мере разделявшего идеологические установки власти. В основном это была молодежь. Возник определенный идентификационный разлом между поколениями российских немцев.

Второй еще более мощный удар по традиционной идентичности поволжских немцев был нанесен в конце 1920 – начале 1930-х гг. в ходе жестокой коллективизации, тотальной борьбы с религией и церковью, нового массового голода, уничтожившего прежде всего наиболее активных противников коллективизации и приверженцев традиционного образа жизни. Свыше трех четвертей из более чем 50 тыс. умерших от голода в начале 1930-х гг. поволжских немцев оказались из числа раскулаченных либо отказывавшихся вступать в колхозы «единоличников». Они были лишены средств к существованию и потому вымирили первыми¹⁰.

Нужно отметить, что эта «революция сверху» осуществлялась не кем-то со стороны, а тем довольно узким еще тогда слоем партийных функционеров и приверженцев коммунистической идеи, которые свою малочисленность с лихвой компенсировали фанатизмом, непреклонностью, жестокостью. В качестве примера такого функционера можно привести зловещую фигуру Адама Вельша. В 1929 г. он стал самым главным и ярым «коллективизатором» в Республике немцев Поволжья. Являясь заведующим отделом по работе в деревне Обкома ВКП (б) Республики немцев Поволжья А. Вельш в декабре 1929 г. на 1-м съезде колхозников спровоцировал принятие решений, которые накалили и без того напряжённую обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать всё имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и закрытие церкви. Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за темпами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом»¹¹.

Большевикам удалось расколоть немецкую деревню, на рубеже 1920–1930-х гг. там кипели бурные страсти. В 1931–1932 гг. многие сотни сельских активистов по всей территории АССР НП в составе штурмовых бригад и колонн под черным знаменем «штурмовали» отстающие села, не выполнившие планы заготовок по зерну, мясу, картофелю и т. д., и принудительно изымали в них продовольствие¹². 22 ноября 1931 г. в с. Мюльберг колхозник «подкулачник» Фриккель «топором в голову» убил председателя колхоза Шнейдера¹³.

В те годы в целях пропаганды власть активно использовала в своих интересах пионеров и комсомольцев, которые в соответствии со своими убеж-

дениями порывали с родителями-«кулаками», официально отказываясь от них, либо помогали власти обнаруживать спрятанные родителями и иными сельчанами запасы зерна. Фамилии таких детей публиковались в кантональных газетах.

В Немреспублике были свои «Павлики Морозовы». К примеру, 29 октября 1931 г. в с. Воскресенка Федоровского кантона АССР НП 14-летний мальчик обнаружил на заднем дворе соседей замаскированный сундучок с двумя пудами (около 33 кг) зерна и сообщил об этом в сельсовет. Хлеб был конфискован. Интересно, что отец мальчика, узнав, что его сын выдал соседа властям, в течение суток не пускал сына домой, говоря ему: «раз ты пошел против нас, то не место тебе быть у меня». Но в дальнейшем отцовские чувства все-таки восторжествовали¹⁴.

Дети наиболее быстро поддавались влиянию коммунистической пропаганды. Этому во многом способствовал характер пионерской работы, которую через комсомольскую организацию направляло всё то же бюро обкома ВКП (б). Пионеров активно привлекали к участию в различных политико-хозяйственных мероприятиях. Так, в 1934 г. не только в АССР НП, но и по всей стране был организован и проводился «пионерский контроль» за хозяйственной деятельностью в колхозах и МТС (проверка готовности к севу и его проведение, организация ремонта техники, ухода за скотом, контроль за качеством уборки и т. п.). На фермах, полевых станах, токах, в конюшнях, мастерских и на других объектах выставлялись пионерские посты, которые контролировали работу взрослых, делали им замечания.

Естественно, что чисто психологически детский контроль вызывал резкое неприятие колхозников и механизаторов. По всей стране прокатилась волна избиений и издевательств над пионерами. 9–13-летние мальчишки и девчонки своим здоровьем расплачивались за неумную затею партийных и комсомольских функционеров.

В приложении к статье показан один такой случай, произошедший в русском селе Тамбовка. Аналогичные по характеру и даже еще более жестокие факты издеательства над пионерами имели место и в немецких селах. Так, в селе Ней Штрауб Ягоднополянского кантона «пионерский пост» в составе двух десятилетних мальчиков-пионеров Ивана Мауля и Виктора Гейнца получил задание проверить в колхозной конюшне «состояние подготовки коня к севу». Когда мальчики явились в конюшню и попытались организовать проверку, они подверглись оскорблениям и избиениям конюхами Гельгорном, Густом, Лиценбергером и Фелькером. В дальнейшем мальчики ремнями за ноги были подвешены головой вниз и провисели в таком положении несколько часов, потеряв сознание. Бюро обкома ВКП (б) АССР НП оценило этот случай как «вылазка классового врага, озверелых кулацких недобитков, пробившихся в колхоз и в бешеной злобе против крепнущего колхозного

строю, совершивших преступление против передовых представителей колхозной детворы»¹⁵.

Позднее бюро обкома ВКП (б), рассмотрев вопрос о работе пионерских постов в целом, констатировало, что они играют «большую роль в деле практического осуществления указаний тов. Сталина о поднятии сельского хозяйства». «В ряде колхозов... — отмечалось на заседании бюро, — пионеры проявляют подлинный героизм... Пионеры Мауль Ваня, Гейнц Витя (с. Н. Штрауб), Дьяков Илюша (с. Горецкое), Шмидт Тамара, Амалия Книпп, Эмилия Эндерс (Брунненталь), Яша Папст (Байдек), Копытин (с. Ревино) своей работой помогают партии разоблачать классово-враждебные элементы и укреплять колхозы»¹⁶. Как видим, в стремлении к укреплению своей тоталитарной власти и выявлению «врагов» сталинский режим не гнушался использовать даже детей.

Начиная с 1934 г. в рамках кампании «борьбы с фашизмом» большевистский режим начал мощное наступление на национальную культуру поволжских немцев, на любые проявления национальной специфики. Оно проводилось на основе постановлений обкома ВКП (б) «Об активизации кулацко-националистических элементов в Немреспублике», «О постановке интернационального воспитания в школах», «О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР немцев Поволжья»¹⁷. В результате у поволжских немцев все больше стиралась их этническая самобытность, все более успешно из них формировалась «новая историческая общность» советский народ.

Перед самой войной республиканской организации ВКП (б), насчитывавшей свыше 10 тыс. коммунистов и кандидатов в члены партии, удалось серьёзно расширить своё влияние на все слои населения Немреспублики, прежде всего — на крестьянство. Всё больше членами партии становились добросовестные трудолюбивые люди, передовики производства. Появились первые массовые первичные партийные организации на производстве. Они стали оказывать существенное влияние на жизнь предприятий. Например, в 1940 г. первичная парторганизация мясокомбината в Энгельсе насчитывала 97 человек, из них 58 являлись стахановцами и ударниками, систематически перевыполнявшими сменные нормы¹⁸.

Комсомольская организация АССР НП в 1940 г. насчитывала около 24 тыс. человек. Она руководила пионерской организацией, численность которой к 1941 г. превысила 40 тыс. человек. Практически каждый младший школьник перед войной был пионером или октябрёнком. К началу войны молодое поколение поволжских немцев и их сверстников других национальностей оказалось под полным влиянием коммунистической идеологии и практики. Молодое поколение все больше отрывалось от своих этнических корней, формируя идентичность советского человека¹⁹.

Таким образом, к концу 1930-х гг. советскому руководству, несмотря на отчаянное сопротивление немцев, удалось отобрать у них последнюю собственность (коллективизация), ликвидировать церковь и резко ограничить религиозную жизнь, сделав ее фактически нелегальной. Жестоко пострадала и национальная культура, тесно связанная с религией. Все ее дореволюционные достижения и традиции оказались под запретом и расценивались как проявление «буржуазного национализма».

Тем самым (несмотря на сохранение определенных условий для существования и развития языка) были подрублены традиционные устои жизни этноса, все более значительная часть немцев, особенно молодежь, дети под воздействием мощной пропаганды стали разделять новые «социалистические» ценности.

Эти «внучата Ильича», повзрослев, в послевоенные годы стали основными распространителями мифа о «счастливой и зажиточной жизни в цветущей социалистической республике немцев Поволжья». В этом нет их вины. Они искренне говорили о том, что отложилось в их детской памяти, у которой, как известно, преобладающим являются розовые тона. Старшее же поколение немцев в 1930-е гг. было серьезно выбито (речь идет о тысячах умерших от голода, расстрелянных в ходе коллективизации, «Немецкой» и других операций НКВД 1937–1938 гг.), многие позднее навечно упокоились в «Трудовой армии» или больные и увечные умерли в первые послевоенные годы.

Таким образом, к началу войны 1941 г. немцы Поволжья оказались в положении этносоциальных маргиналов. Они потеряли старую жизнь с её системой национальных ценностей, традиций, взаимоотношений с государством и обществом, но не успели найти себя в новой «социалистической» жизни. Это был этнос с подрубленными корнями, который находился ещё на старой почве, но уже не мог питаться её соками. Правда, в АССР немцев Поволжья статус немцев как коренного населения давал возможность их трансформации в «новую социалистическую нацию», которой в наследство от старого оставался только язык. Война и ликвидация АССР НП прервали эти процессы. В годы войны идентификационный разлом между поколениями и социальными группами поволжских немцев был виден довольно ясно.

Так, например, в «Трудовой армии» старшее поколение вело себя тихо, пассивно, воспринимало свое положение лагерников как очередное звено в длинной цепи различного рода репрессивных антинемецких кампаний, проводившихся при советской власти. Людей помоложе, воспитанных на социалистической идеологии, больше всего задевало то, что их, советских граждан, коммунистов и комсомольцев, лишили возможности защищать родину с оружием в руках, незаслуженно

отождествили с немцами Германии и обвинили в пособничестве агрессору. Эти люди всеми своими поступками, поведением, активным трудом пытались убедить представителей власти в своей лояльности, надеялись, что вот-вот ошибка будет исправлена, справедливость восстановлена²⁰.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод: коренные трансформации Российского государства в XX в. и его политики привели к существенным трансформациям этносоциального облика поволжских немцев. Немцы начала XX в. и немцы конца 1930-х гг. – это не только разные поколения. Это этносоциальные группы с различными системами ценностей, поведенческими установками, социальным опытом и другими этносоциальными параметрами. Таким образом, можно говорить о формировании новой «социалистической» идентичности поволжских немцев, которая наиболее точно выражается категорией «советские немцы».

Примечания

- 1 Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 15–162.
- 2 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 225.
- 3 Подробнее см.: *Герман А. А.* Крестьянская война в Области немцев Поволжья // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 3, ч. 2. Саратов, 1999. С. 12–27.
- 4 Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 108–137; *Герман А. А., Помогалова О. И.* Как нам помогали выжить: Помощь иностранных благотворительных организаций голодающим Поволжья. 1921–1923 гг. М., 2015.
- 5 Там же. С. 223–232.
- 6 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 675. Л. 4.
- 7 Там же. Д. 179. Л. 152; Д. 603. Л. 89; Д. 675. Л. 7; Д. 881. Л. 26.
- 8 Там же. Д. 179, Л. 154.
- 9 См.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 206.
- 10 Там же. С. 263–287.
- 11 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 190.
- 12 Там же. Д. 1806. Л. 355–360.
- 13 Там же. Д. 1575. Л. 410.
- 14 Там же. Л. 333.
- 15 Там же. Д. 2169. Л. 201–203.
- 16 Там же. Д. 2154а. Л. 6.
- 17 Подробнее об этом см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. С. 364–366.
- 18 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4452. Л. 112, 113.
- 19 Там же. Д. 3809. Л. 177; Д. 5053. Л. 19.
- 20 Подробнее об этом см.: *Герман А. А., Курочкин А. Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 131–150.

Приложение

Специальное сообщение управления НКВД по АССР немцев Поволжья партийно-советскому руководству республики и в вышестоящем управлении НКВД по Саратовскому краю о бесчинствах колхозников в отношении пионеров в с. Тамбовка. Июль 1934 г.*

С/секретно

Отв. Секретарю ОКВКП (б) тов. Глейм
Секретарю парткомиссии КПК т. Мойзис
Председателю СНК АССР НП тов. Фукс.
УПР НКВД СССР по САРкраю – нач. ОНО

Спец.-сообщение

В с. Тамбовке Федоровского кантона в бригаде № 2 колхоз «Чапаев» был организован пионерский пост по охране урожая.

21/VII-34 г. пионеры прибыли в упомянутую полевую бригаду и приступили к работе, во главе со ст. звена Ваней Бухонкиным. Проявляя пионерскую бдительность в охране хлебов и качестве уборки, Ваня Бухонкин, делая справедливые замечания колхозникам, подвергся со стороны последних издевательствам, обзыванию нецензурными словами и насмешкам.

21/VII-34 г. по прибытию в бригаду вместе с пионерами Бабенковой Тасей, Швечихиной Шурой, Ваня Бухонкин подошел к лобогрейке, на которой работали Раков Григорий и Ракова Ульяна (оба по соц. положению середняки) их косилка делала пропуски, плохо с большими огрехами скашивала хлеб, обращаясь к Ракову Григорию, Ваня Бухонкин сказал: «Плохо косите, качество

* Представлен оригинальный текст без редакционных правок.

плохое». В ответ на это Раков схватил кнут и, выражаясь нецензурными словами, делая попытку избить пионеров кнутом, прогнал их от косилки.

На противоположной стороне загона остановилась лобогрейка, интересуясь причиной простоя Ваня Бухонкин с упомянутыми пионерками направился к лобогрейке, установив, что косун Швечихин Василий Матвеевич и Лошатов Егор Сергеевич, обмолачивали два снопа с хлебом о лобогрейку. Ваня Бухонкин сказал им: «Так нельзя делать, товарищи, это есть хищение хлеба». Швечихин Василий схватил кнут, выразившись нецензурными словами, ответил: «Отойдите вон, а то я тебя сейчас кнутом отпорю». Лошатов Егор, также с нецензурными словами, подбежав с вилами в руках, намахнувшись на Ваню Бухонкина, заявил: «Уйди по добру, а то я вас перепорю вилами».

Во время обеденного перерыва (в тот же день) Ракова Ульяна, продолжая издеваться над пионерами, несколько раз обозвала их нецензурными словами, а колхозник Антонов Егор взял Ваню за руку, подвел к ведру с водой и это ведро вылил на Бухонкина. Впоследствии по предложению Раковой Ульяны, Антонов Егор снял пионерский галстук с Вани и привязал его за ногу козлу, за последним бегал Ваня, стараясь выручить галстук. Присутствующие колхозники смеялись. Парторг и бригадир второй бригады на это соответственно не реагировали. Ракова Ульяна – середнячка и Лошатов Егор – бедняк, оба рвачи, привлечены к уголовной ответственности, дело заканчивается и передается в суд.

Настоящее сообщается с просьбой мероприятий по партлинии, и заострению внимания и недопущения указанных фактов

ВР Нач. УПН Бубеннов
НКВД АССР НП Сиротин

ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294а. Л. 62

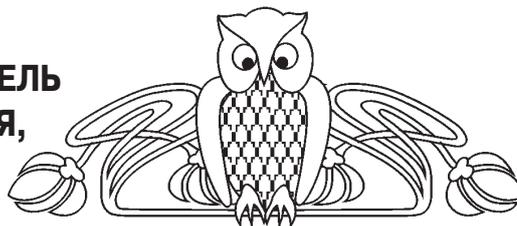
УДК 903(470.4)637.7|+929Рыков

**ПРОФЕССОР П. С. РЫКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОВОЛЖЬЯ,
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО И ВОЛГО-ДОНСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Н. М. Малов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: malovnm@mail.ru

К середине 1930-х гг. профессор Саратовского государственного университета Павел Сергеевич Рыков разработал концептуальные основы процесса культурогенеза бронзового века Нижнего Поволжья. При этом весьма существенное место он уделит па-

мятникам хвалынской культуры позднего бронзового века. Вслед за работами В. А. Городцова и А. М. Тальгрена исследования П. С. Рыкова явились весьма важными и до сих пор сохраняют свое значение при разработке проблем эпохи поздней бронзы Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья.
Ключевые слова: П. С. Рыков, археология, поздний бронзовый век, покровская культура, срубная культура, хвалынская культура валиковой керамики, Поволжье, Волго-Уральское междуречье, Волго-Донское междуречье.

Professor P. S. Rykov – an Explorer of the Late Bronze Age of the Volga Region, the Volga-Ural and the Volga-Don Interfluves

N. M. Malov

By the middle of the 1930s, Pavel Sergeevich Rykov, a professor of Saratov State University, has developed conceptual foundation of the Bronze Age culturogenesis process of the Lower Volga Region. Substantial attention was paid to the Khvalynsk culture monuments of the Late Bronze Age. Alongside with the papers by V. A. Gorodtsov and A. M. Tallgren, P. S. Rykov's studies proved to be essential and are still regarded as the most significant for dealing with the problems of the Late Bronze Age of the Volga Region and the Volga-Ural and Volga-Don interfluves.

Key words: P. S. Rykov, archaeology, Late Bronze Age, Pokrovsk culture, timber-grave culture, Khvalynsk culture of beaded pottery, Volga Region, Volga-Ural interfluve, Volga-Don interfluve.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-345-351

Профессор Павел Сергеевич Рыков занимает особое место среди отечественных исследователей, внесших основополагающий вклад в развитие отечественной археологии эпохи бронзы и позднего бронзового века (ПБВ). Фундаментальные основы для разработок моделей культуургнеза ПБВ были заложены его учителем – В. А. Городцовым. Исследователь первым отнес к срубной культуре (СК) курган близ с. Одоевщина, а к хвалынской (ХК) – Сосново-Мазинский клад¹. Дальнейшее активное изучение ПБВ Нижнего Поволжья связано с деятельностью П. С. Рыкова. Он подтвердил точку зрения В. А. Городцова о присутствии в бронзовом веке Нижнего Поволжья памятников ямной культуры (ЯК), СК и ХК, а также погребений в насыпи и на древнем горизонте. Опираясь на схему В. В. Городцова, Павел Сергеевич разработал новую модель культуургнеза ПБВ².

До этого члены СУАК относили обнаруженные в Саратовском Поволжье археологические памятники к эпохам меди или бронзы, а иногда и к ПБВ³. Выделяются работы хвалынских археологов М. А. Радищева (1859–1920) и В. Ф. Орехова (1873–1942). Василий Федорович занимался археологией профессионально. В 1914 г. он закончил петербургский Императорский археологический институт, прослушав курс таких наук: первобытная и христианская археология, юридические древности, славяно-русская палеография, историческая география и этнография России, нумизматика, дипломатика, архивоведение и археография. В. Ф. Орехов заложил охранные траншеи на «стоянке медного века» около с. Ивановки и раскопал на берегу Волги остатки материкового жилища. В 1912–1915 гг. Радищев вскрыл значительную площадь на поселении в Липовом Долу близ с. Ст. Яблонка Хвалынского уезда, где обнаружил остатки котлованов от трех прямоугольных построек, створку литейной формы и другие свидетельства металлургического производства.

Радищев и Орехов обследовали место обнаружения Сосново-Мазинского клада и дополнили его коллекцию другими вещами. Сейчас к ней можно отнести 84, а не 85 предметов. Один серп – косарь из Саратовского областного музея краеведения, найден гораздо позже, не там же, где и клад, а на сельских огородах – в насыпи, вместе с рогом и кусками истлевшей кожи⁴.

С 1920 г. и до своего ареста 14 августа 1937 г. П. С. Рыков работал в Саратовском университете. Прибыв в Саратов, он сразу же занялся осмыслением уже имевшихся археологических материалов по эпохе бронзы. В 1921/22 гг. Рыков выступил с несколькими докладами на публичных научных заседаниях, в которых освещались памятники ПБВ: «К вопросу о свастике» (вероятно, использовался фрагмент керамики со свастическим орнаментом Покровского селища), «Покровский курган и селище», «О результатах археологических работ в 1922 г.»⁵. С 1921 и по 1937 г. Павел Сергеевич ежегодно осуществлял систематические исследования археологических памятников Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий. К сожалению, большинство курганов раскапывались не полностью, а по старой методике – «колодцем». В 1922 г. обследовались памятники ПБВ по реке Саратовке (Покровское селище) и в Хвалынском уезде (место обнаружения Сосново-Мазинского клада, Ивановское селище, поселения близ с. Старая Яблонки). Археолог отметил наличие в Саратовском крае бытовых и погребальных памятников СК, одновременной которой, вероятно, была ХК⁶. Одной из целей полевых работ 1923 г. было наблюдение над распространением здесь СК. Профессор осуществил разведки по рекам Латрык и Медведица, продолжил раскопки поселений в Хвалынском р-не (городища № 1, 17), исследовал курган близ г. Покровска с остатками сруба. Интересными он признал находки черепков с валиковой орнаментацией или «с лепным веревочным орнаментом, известным на посуде из Ивановской раскопки»⁷. Рыков высказал предположение о том, что так называемая «Хвалынская (иначе Даниловская или Покровско-Ивановская) культура связана определенно со срубной через поздне-срубную»⁸.

В 1924 г. профессор проводит большие археологические обследования по правобережным рекам Медведице и Терсе, а в левобережье – в бассейнах рек Еруслан и Б. Караман. С целью дальнейших наблюдений над распространением СК археолог приступил к систематическим раскопкам многочисленных курганов – «курганного поля» близ г. Покровска (Энгельса). Эти курганные группы он исследовал несколько лет и открыл очень информативные погребальные комплексы ПБВ. Первоначально раскопав здесь со студентами педагогического факультета четыре кургана, он подтвердил существование в Нижнем Поволжье СК. Археолог отметил, что изучаемая культура может быть названа «хвалынской» или «позднес-

рубной»⁹. По его мнению, СК, распространенная «по обе стороны Волги», характеризовалась скорченными на левом боку костяками с руками перед лицом, наличием срубов, сосудами остро-реберных и баночных форм, бронзовыми ножами, вислообушными топорами саратовского типа, достаточными количеством селищ¹⁰. Не оставался вне поля зрения исследователя и Сосново-Мазинский клад. Например, он подчеркивал, что в Самарской губернии найдена литейная формочка для изготовления таких бронзовых серпов, какие были в этом кладе¹¹.

Летом 1925 г. Павел Сергеевич с сотрудниками Областного Государственного музея и Южно-Волжского института краеведения и студентами педфака СГУ провел археологические работы в Нижнем Поволжье и Уральской области. Полевые исследования охватили огромные районы Волго-Уральского междуречья в бассейне рек Еруслан, Деркул и Чеган¹². В юго-восточной Покровской группе были раскопаны курганы № 12–18. Погребения эпохи ПБВ, содержащие бронзовые наконечники копий (Покровск, курганы № 7, 8, 15) и кремневые наконечники стрел, исследователь справедливо соотнес с сейминской культурой и Бессарабским (Бородинским) кладом. В результате раскопок Алексеевского городища (правый берег Волги выше Саратова) было установлено присутствие «хвалынской» или «поздне-срубной» керамики в его нижних слоях.

По мнению П. С. Рыкова, в результате новых раскопок в Нижнем Поволжье обнаружили артефакты, которые не могли планомерно войти в схему В. А. Городцова. Поэтому с учетом хронологии А. Тальгрена он предлагает другую рабочую гипотезу развития культур бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье или археолого-культурологических стадий условной ХК, где древнейшей первоначально была ЯК раннего бронзового века¹³. Далее следовала стадия А, включавшая в себя погребения эпохи средней бронзы с воздействием катакомбной культуры (Фриденберг к. 6, 7; Шипово к. 8; Царицынский курган). Памятники ПБВ включали в себя древности ХК, расчлененные на две почти одновременные стадии: стадия В (влияние срубной культуры) и стадия С (бессарабско-сейминское влияние). При построении своей схемы исследователь использовал бытовые и погребальные памятники, а также обрядовые показатели, керамику и другой инвентарь.

Павел Сергеевич отнес к стадии В погребения из курганов: Петровск № 2; Суслы № 4, 8, 9, 10, 20, 33; Покровск № 4, 9, 13, 20–25; Фриденберг № 1–4, 6; Боаро № D 24, 28, 29, 31; Харьковка; Визенмиллер х. Зеленый; Зиновьевка; Ст. Чардым; Ст. Эксарка; Марьевка; Булгаковка; Тонкошуровка с баночными и остро-реберными сосудами, характерными для СК¹⁴. Профессор полагал, что погребения данной стадии пронизаны срубными элементами, четко фиксируемыми в обряде, керамике баночных и остро-реберных

форм с небрежным чеканным геометрическим орнаментом. Рыков справедливо считал, что орнамент керамики этой стадии, состоящий из различных комбинаций углов, параллельных отрезков, прямых и пересекающихся линий, служивал специального изучения. Среди форм и орнаментации данного типа был отмечен сосуд из Покровского кургана № 25, инкрустированный белой пастой-мастикой (определение профессора СГУ И. Райского), который Рыков сближал с закавказскими экземплярами¹⁵. Характеризуя керамику стадии С, он обратил внимание на то, что посуда здесь была не только грубой выделки, но и отличалась преобладанием вазообразных форм при полном отсутствии собственно срубных остро-реберных сосудов. В обряде отмечалось сооружение срубов, слабая скорченность погребенных, северная их ориентировка и др. Сюда были включены волго-уральские захоронения из курганов: № 7, 8, 14, 15, 16, 19, 35 Покровской юго-восточной групп, № 1 (трупосожжение) из Кордона Деркульского, № 1 близ Переметной¹⁶. Исследователь верно отметил сходство ХК и андроновской культуры (АК) по многим показателям.

В 1928 г. Рыков произвел археологические работы в районе г. Покровска (ю.в. группа курган № 40) и Саратова (курган № 2 по Симбирской дороге), а также по левому берегу Волги в Астраханском округе¹⁷. В Покровской юго-восточной курганной группе был раскопан последний курган ПБВ. Во время экскурсии со студентами педагогического факультета СГУ было обследовано Танавское городище. В заложенных шурфах были обнаружены черепки с орнаментом ХК. Профессор одним из первых стал интересоваться определением пограничной территории между ХК и АК. Тогда П. С. Рыков и М. П. Грязнов считали, что пограничье ареалов распространения данных культур проходило по реке Урал, АК бытовала в левобережье р. Урал, а ХК – в Волго-Уральском междуречье¹⁸. Северо-восточной границей для ХК, по мнению Павла Сергеевича, могла служить территория Оренбургского края: «Хвалынская культура не пропускала на средний и верхний Урал Андроновской культуры, границу которой следует искать где-то на Илеке и несколько севернее. Центром же Хвалынской культуры – стадий В и С в Заволжье является район, примыкающий к рекам Терешке, Узе, Саратовка (Покровск), Карамышу и Иргизу, где эта культура дает наиболее яркие свои черты»¹⁹.

Несомненной заслугой Рыкова является создание научной археологической школы в Саратове, среди представителей которой были его талантливые ученики (Н. К. Арзютов, Т. М. Минаева, П. Д. Рау, И. В. Сеницын), занимавшиеся раскопками и изучением ПБВ Нижнего Поволжья. В 1920-е гг. среди них наиболее активным полевиком и способным исследователем был Пауль Рау, опубликовавший новые и важные материалы из

своих раскопок, осуществленных на территории АССР Немцев Поволжья. Он систематизировал материалы на основе периодизации памятников бронзового века Рыкова и данных курганной стратиграфии²⁰. Подчеркнув противоречивость используемой схемы, особенно относительно стадий В и С, Пауль Давидович обратил внимание на некоторые их хронологические и культурные отличия, а также переименовал стадию А с погребениями катакомбной эпохи в «полтавкинскую ступень» и дополнил ее характеристику.

Достаточно оперативно используя результаты полевых и теоретических исследований, Рыков добавил в разрабатываемую модель культурогенеза еще две параллельные и более поздние стадии D и E, следовавшие за стадиями С и В. Основанием для этого послужили материалы курганов ХК, раскопанных в 1930 г. на Хопре и близ села Чардым недалеко от впадения р. Чардым в Волгу²¹. Тогда же обследовалось Ахматское и первое Чардымское городища, а также селище в урочище Мартышкино на правом берегу Волги, где встречались в слоях черепки посуды ХК. В ходе работ на Хопре от с. Рассказань через г. Балашов, вверх по течению реки, до с. Надеждинка близ г. Сердобска было раскопано 15 курганов (Старо-Хопёрское, Репное, Турки, Надеждино и др.). Теперь исследователь считал, что стадию А было бы вернее не включать в состав ХК, а связать с ямной. Ссылаясь на исследования С. А. Теплоухова, он связывал стадию В и АК. Вазообразная посуда медленно, но неуклонно сменялась баночно-вазообразной и баночной, оттеняя тем самым отход от стадии С и образование более позднего комплекса следующей стадии D²². По его мнению, это особенно ярко фиксировалось в погребениях № 9, 10 кургана № 1 и в кургане № 2 близ Чардымского городища. Рыков справедливо подчеркнул, что такие же бронзовые подвески лавролистной формы, как из погребения 9 Чардымского кургана, известны в АК. Более поздние и синхронные стадии D и E характеризовались с использованием новых материалов, открытых Рыковым на севере Нижнего Поволжья в Волго-Донском и Волго-Уральском междуречье (Покровск, Старо-Хоперское, Надеждино, Репное, Переметна, Кордон Деркульский и др.) и из раскопок П. Д. Рау. Таким образом именно Рыков первым расчленил погребения ПБВ Нижнего Поволжья на ранние и поздние, в том числе и те (стадии С и D), которые сейчас относятся к покровскому типу или покровской культуре. Он неоднократно отмечал, что предложенная им концепция ПБВ не окончательная. В последующем Рыков постоянно дорабатывал и уточнял характеристику выделенных культурно-археологических стадий.

Определенные итоги изучения ПБВ Нижнего Поволжья Павел Сергеевич успел подвести во второй главе «Отцовский род» монографии, изданной за год до его осуждения как «враг народа». Существенное место в этой первой обоб-

щающей книге по археологии Нижнего Поволжья уделено проблемам изучения и реконструкции патриархального родового общества, его общественно-экономической и социальной структуры, разделению труда, формам собственности и хозяйства, обмену, производствам, бытовым памятникам, погребальному обряду, керамике и другим изделиям. К этому времени представления исследователя о ХК конкретизировались: «хвалынская культура была своеобразной локальной формой культуры срубной с элементами соседних культур»²³. Характеризуя ХК, он уделил больше внимания ранним (стадии В и С), чем поздним памятникам своей первоначальной схемы. В связи с рассуждением о сходных формах социально-экономической структуры Рыков упомянул и абашевские древности Среднего Поволжья²⁴. Проанализировав материалы селищ и дюнных стоянок, автор отметил, что они принадлежат населению, занимавшемуся мотыжным земледелием, а в южной полосе – также и скотоводством²⁵. При этом большую роль сыграло обнаружение проса (определение А. Д. Фурсаева) в землянке, исследованной Т. М. Минаевой в 1933 г. около г. Сталинграда. Второй вид производства в ПБВ состоял в разведении домашнего скота. Население также занималось охотой и рыболовством, прядением и ткачеством, обработкой кож и металлов. Он не исключал выделку бронзовых орудий в Нижнем Поволжье (не обладающем своей медной рудой), предполагая, что изделия из бронзы поступали сюда не только посредством достаточно развитого обмена²⁶. В этой связи определенный интерес представляет находка «куска малахита» в погребении эпохи средней бронзы кургана № 6 около с. Фриденберг. В последующем эту могилу со ступенькой и сильной скорченностью костяка исследователь отнес к стадии А²⁷. Возражая против трактовки сосново-мазинских «серпов» как косарей, он считал их небольшими косами. При этом в качестве аргумента профессор сослался на практический опыт по их использованию, произведенный Н. К. Арзютовым²⁸. В итоге Рыков пришел к выводу: «Итак, материалы селищ раскрывают перед нами, хотя и в общих, довольно грубых очертаниях, сложный комплекс древнего хозяйства»²⁹.

Отмечая сложность реконструкции религиозных представлений родового общества эпохи бронзы, Рыков назвал в качестве примера примитивное каменное изваяние, обнаруженное И. В. Синицыным в 1930 г. на правом берегу р. Колышлей³⁰. Сейчас появились сомнения в правомерности данного предположения. Интерпретация этого изваяния и единственного без инвентарного погребения, обнаруженного в данном кургане 1 (группа II) близ водяной мельницы между деревнями Ершовкой и Павловкой, как закрытого комплекса СК не имеет под собой абсолютно никаких оснований. Хотя В. В. Отрощенко рассматривает этот курган как место поклонения

или святилище носителей СК³¹. Напомним, что курган 1, насыпь которого состояла из каменной кладки, исследован не полностью – раскопан колодцем 4 x 5 м³². Песчаниковая статуя стояла в центре каменной кладки над прямоугольной могильной ямой, обнаруженной на уровне древнего горизонта. Положение рук (правая согнута в локте – кисть на левой тазовой кости, левая – вытянута вдоль туловища и несколько откинута в сторону), а также ориентировка взрослого погребенного головой на запад, не характерны для СК. Поэтому И. В. Сеницын справедливо подчеркнул, что нет достаточных оснований определить культурную принадлежность исследованных на Колышлее курганов ХК, хотя и пытался, с оговорками, найти им параллели в андроновских древностях³³. Не случайно, что сейчас некоторые исследователи относят данный комплекс к памятникам киммерийского или более позднего времени.

Деятельность Рыкова протекала тогда, когда в советской исторической и археологической науке происходили организационные преобразования, характеризующиеся «консолидацией историков-марксистов и усилением борьбы с антиленинскими концепциями», разработкой и внедрением марксистской парадигмы³⁴. Вероятно, в 1929 г. Рыков впервые продекларировал особое значение использования формационно-социологического подхода и марксистского научного историзма: «Припомним, что К. Маркс еще отмечал важность собирания и изучения остатков далекой от нас во времени жизни, в целях правильного понимания структуры современных социально-экономических формаций»³⁵. В 1931 г. симптоматичное замечание было сделано при публикации статьи Павла Сергеевича в Сообщениях ГИМК: «Редколлегия считает, что в настоящее время уже имеются налицо необходимые предпосылки для переключения исследовательской работы в русло изучения «состояния производительных сил и вытекающих из них производственных отношений», как на это указывает автор»³⁶. С начала 1930-х гг, когда Рыков уже был членом ВКП (б), при рассмотрении проблем эпохи камня и бронзы в его публикациях чаще встречаются термины: «общественно-экономическая формация», «первобытно-коммунистическая формация», «производительные силы», «производственные отношения», «раннее родовое общество», «общественное разделение труда», «разложение родового общества» и т. п. Подводя итоги археологического изучения Среднего и Нижнего Поволжья, в связи с 15-летием Октябрьской революции, профессор констатировал: «Пора переходить от «вещеведения» и установления «культур» к обобщающим построениям в духе «марксизма-ленинизма», а культура поволжской области, «по выражению тов. Сталина, заслуживает изучения и в наиболее отдаленных от нас во времени моментах»³⁷.

Более основательно привлечены труды классиков марксизма-ленинизма в итоговой моногра-

фии Павла Сергеевича за 1936 г. В ней есть ссылки на работу К. Маркса «Капитал» и В. И. Ленина «Государство и революция», но особенно часто использовалось исследование Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»³⁸. Это вполне понятно, поскольку Рыков был ученым-коммунистом, которому, по словам более молодых саратовских коллег, «революционная теория Маркса–Ленина–Сталина открыла широкие перспективы», и к тому же в 1935 г. его назначили деканом исторического факультета СГУ, третьего факультета в РСФСР и первого в провинции³⁹. Павел Сергеевич принадлежал к новой формации исследователей, «преданно служивших» советской власти⁴⁰. Будучи директором Саратовского областного музея краеведения и Нижневолжского института краеведения, а также деканом восстановленного истафака СГУ, он исполнял свои обязанности, руководствуясь постановлениями СНК и ЦК ВКП (б)⁴¹. Например, это отражено во введении к последней его монографии: «Можно думать, что разработка археологических тем, касающихся тех или иных отдельных областей Советского Союза, имеет также известное значение, особенно принимая во внимание постановление партии и правительства о преподавании гражданской истории в средней школе и последнее постановление по поводу учебников истории, вызвавших замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова об ошибках так называемой школы М. Н. Покровского»⁴². Систематизируя памятники эпохи бронзы, Рыков использовал формационный социоархеологический подход корректно, оставаясь приверженцем схемы В. А. Городцова⁴³. Археолого-культурологический термин «стадия» он начал применять в своей периодизации задолго до последующего господства в советской археологии стадийного подхода Н. Я. Марра. К тому же в итоговой монографии Павла Сергеевича отсутствуют ссылки на работы Н. Я. Марра, сторонником концепции которого, вероятнее всего, он не являлся. Академик упомянут в тексте книги только в связи с «кимерской стадией» В. И. Равдоникаса⁴⁴.

В заключение следует подчеркнуть, что Рыков впервые определил общественно-экономическую структуру хвалынской, или срубно-хвалынской, культуры как комплексное скотоводческо-земледельческое патриархальное общество (отцовский род) времени его окончательного разложения и перехода к соседской территориальной общине. Важность предложенной культурно-археологической модели состояла в том, что, верно выделив обрядовые группы – стадии, Павел Сергеевич впервые показал культурную неоднородность погребений позднего бронзового века Нижнего Поволжья, в том числе и Покровских курганов. Полевые и теоретические исследования П. С. Рыкова до сих пор сохраняют свое значение при разработке проблем эпохи поздней бронзы Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий.

Примечания

- 1 См.: Малов Н. М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. Саратов. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 37.
- 2 См.: Максимов Е. К. П. С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историографический сборник. Вып. 15. Саратов, 1991. С. 53–57; Малов Н. М. П. С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе Восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 43–48.
- 3 См.: Малов Н. М. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Изв. Саратов. гос. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 89–92.
- 4 См.: Малов Н. М. Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) Всероссий. археол. съезда в Суздале: в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 420–422. Рис. 1-1.
- 5 См.: Рыков П. С. Краткий отчет о деятельности Отдела Археологии Саратовского общества Истории, Археологии и Этнографии за 1922 г. // Тр. О-ва ист., археол. и этногр. при СГУ. Вып. 34, ч. I. Саратов, 1923. С. 1–2.
- 6 См.: Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Там же. С. 18–19.
- 7 См.: Рыков П. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. // Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки» СГУ. Вып. III. Саратов, 1924. С. 12.
- 8 Там же. С. 16.
- 9 См.: Рыков П. С. Краеведческая работа в Саратовском крае // Новый восток. Кн. 10–11. М., 1925. С. 374.
- 10 См.: Рыков П. С. Древние культуры Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. № 2, июнь. Саратов, 1924. С. 44–51.
- 11 Там же. С. 47.
- 12 См.: Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Изв. Краевед. Ин-та изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. I. Саратов, 1926. С. 89–134.
- 13 См.: Рыков П. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Т. I. Helsinki, 1927. S. 51–84; Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Краевед. Ин-та изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. II. Саратов, 1927. С. 77–101, Табл. I, II; Рыков П. С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю / сост. при участии научных сотрудников Саратовского Областного музея Н. К. Арзютова и Т. М. Минаевой. Саратов, 1928.
- 14 См.: Рыков П. С. К вопросу о культурах... С. 91, Табл. III.
- 15 Там же. С. 82; Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. С. 7–8.
- 16 См.: Рыков П. С. К вопросу о культурах... С. 92–93, Табл. IV.
- 17 См.: Рыков П. С. Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском Крае, произведенные в 1928 году // Изв. Нижне-Волжск. ин-та краеведения. Т. III. Саратов, 1929. С. 132–156.
- 18 См.: Малов Н. М. Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: в 2 кн. СПб., 2012. Кн. 2. С. 155.
- 19 См.: Рыков П. С. Археологические разведки и раскопки... С. 135.
- 20 См.: Малов Н. М. Вклад Пауля Рау в изучение бронзового века степного Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей: материалы науч. конф. Саратов, 1997. С. 8–13.
- 21 См.: Рыков П. С. Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 8. С. 30–35.
- 22 Там же. С. 31–33.
- 23 См.: Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 44.
- 24 Там же. С. 63.
- 25 Там же. С. 36–42.
- 26 См.: Малов Н. М. Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2005. С. 3.
- 27 Рыков П. С. Очерки... С. 31.
- 28 Там же. С. 41.
- 29 Там же. С. 43.
- 30 См.: Рыков П. С. Археологические работы в Среднем и Нижнем Поволжье в 1917–1932 гг. (К 15 – летию Октябрьской революции) // Изв. Саратов. Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 12; Рыков П. С. Очерки... С. 51, 60.
- 31 См.: Отроценко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 12.
- 32 См.: Сеницын И. В. Памятники бронзовой эпохи в районе Колышлея // Изв. Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. V. Историческая секция. Саратов, 1932. С. 25, 29, рис. 4, 5.
- 33 Там же. С. 20–21.
- 34 См.: Малов Н. М. Советская археология в Саратовском университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.
- 35 См.: Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. С. 3.
- 36 Рыков П. С. Археологическая экспедиция... С. 30.
- 37 Рыков П. С. Археологические работы... С. 16.
- 38 Рыков П. С. Очерки... С. 148–152.
- 39 См.: Арзютов Н. К., Сеницын И. В., Сушицкий В. А. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности проф. П. С. Рыкова // Изв. Саратов.

Нижне-Волжск. ин-та краевед. Т. VI. Саратов, 1936. С. 5.

⁴⁰ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 32, 36, 66, 76, 85, 185, 186, 211, 216.

⁴¹ *Малов Н. М.* Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности : памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 721–733. Илл. 60–63.

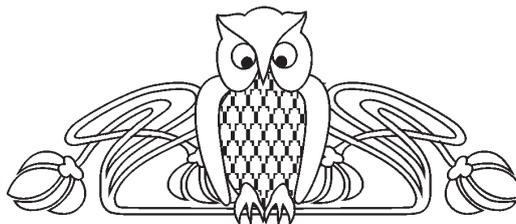
⁴² *Рыков П. С.* Очерки... С. 3, 150. Ссылка № 103.

⁴³ См.: *Мерперт Н. Я., Шилов В. П.* Бронзовый век Поволжья : исследования П. С. Рыкова и современное состояние проблемы // Археология Вост.-Евр. степи. Саратов, 1989. С. 24–32 ; *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 187–190.

⁴⁴ *Рыков П. С.* Очерки... С. 52.

УДК 94(470+571)

121-й ПОЛК ВОЙСК НКВД СССР НА ОХРАНЕ РЯЗАНО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942 годы)

Д. В. Серов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: den.shatilo@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности служебно-боевой деятельности войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, дислоцированных на территории Саратовской области в первом периоде Великой Отечественной войны с 1941 по 1942 г. на примере 121-го полка. Показана необходимость и специфика охраны и обороны участков Рязано-Уральской железной дороги, а также железнодорожных сооружений, находящихся на территории области.

Ключевые слова: Рязано-Уральская железная дорога, войска НКВД, охрана, оборона, гарнизон.

The 121st Regiment of the USSR NKVD Troops Defending the Ryazan-Ural Railway during the First Period of the Great Patriotic War (1941–1942)

D. V. Serov

The article discusses the features of service and combat activities of the NKVD troops for the protection of railway facilities deployed on the territory of the Saratov region during the first period of the Great Patriotic War from 1941 to 1942, on the example of the 121st Regiment. The necessity and the specific areas of protection and defense of the Ryazan-Ural Railway and railway facilities of the region are considered.

Key words: Ryazan-Ural railway, NKVD troops, security, defense, the garrison.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-351-354

Первый период Великой Отечественной войны (с 22.06.1941 г. по 18.11.1942 г.) явился для Советского государства самым тяжелым, как в военном, так и в экономическом плане. Не обошло это стороной и железнодорожное сообщение на территории страны, которое взяло на себя практически всю тяжесть людских и грузовых перевозок. В сторону фронта шла переброска людских резервов, вооружения, военной тех-

ники и материальных средств. Только за первое полугодие войны были передислоцированы 291 дивизия и 94 бригады. Особое напряжение железная дорога испытала в связи с проведением массовой эвакуации населения и промышленных предприятий из прифронтовых районов вглубь страны. Уже в июле 1941 г. на эвакуоперевозках было задействовано более 300 тыс. вагонов, а число переброшенных промышленных предприятий к ноябрю этого года составило 2593 (из них 1523 крупнейшие). По состоянию на февраль 1942 г. на восток страны из западных и центральных районов было отправлено около 10,4 млн человек. С началом наступления немецких войск на юге летом 1942 г. еще было перевезено 150 заводов и около 8 млн человек¹.

Немецкое командование в целях дезорганизации деятельности железнодорожных коммуникаций стремилось вывести их из строя путем диверсионных действий. В связи с этим возникла необходимость усиления охраны и обороны путей и объектов на железной дороге, которую обеспечивали войска НКВД СССР. Перед началом войны в составе войск НКВД по охране железнодорожных сооружений было 9 дивизий и 5 бригад, численностью 62 157 человек, которые обеспечивали охрану 1697 объектов². С начала боевых действий по апрель 1942 г. войсками было принято под охрану более 2500 железнодорожных сооружений, в первую очередь в европейской части СССР³.

14 декабря 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление № 1024/сс «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог». Войскам НКВД было поручено полностью взять под охрану станционные и линейные сооружения, грузы, денежные кассы и сопровождение важных грузов. Совместным приказом НКВД и НКПС СССР от 12 декабря 1941 г. № 1717/с-713/ц существующая стрелковая охрана НКПС в коли-

честве 33320 человек упразднилась, а ее личный состав призывного возраста, оружие, техника и имущество передавались войскам НКВД⁴. Таким образом, охрана и оборона железнодорожных коммуникаций на территории СССР стала полностью обеспечиваться войсками НКВД.

К началу войны на территории Саратовской области располагались такие крупные железнодорожные узлы, как станции Саратов-1 и 2, Ртищево, Урбах, Ершов, Балашов. В начале 1930-х гг. в районе Саратова через Волгу был построен один из крупнейших металлических мостов в СССР, длина пролетов которого в отдельных местах составляла более 190 метров⁵. Мост в годы войны обеспечивал прямое поступление на фронт боевых резервов с Урала и из других восточных районов страны. Железнодорожные сообщения, проходившие через область, позволяли перебрасывать воинские грузы в сторону южного, юго-западного, центрального направлений советско-германского фронта (рисунок)⁶.

На момент начала войны железнодорожные коммуникации в Саратовской области охранял 5-й отдельный батальон войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, дислоцировавшийся в областном центре. 27 июня 1941 г. согласно мобилизационному плану развертывания войск 5-й батальон был переформирован в 121-й полк, с дислокацией в Саратове по ул. Товарная, строение № 217. Полк входил в подчинение 29-й бригады войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, находящейся в Куйбышеве (впоследствии в октябре 1941 г. был переподчинен 33-й дивизии войск НКВД). С ноября 1942 г. он входил в состав 25-й дивизии (бывшая 4-я дивизия), а в 1944 г. на основании приказа НКВД № 001851 был передан обратно в 33-ю дивизию войск НКВД по охране железных дорог⁷. Командиром полка с первых дней формирования и до расформирования в конце 1946 г. (на основании распоряжения № 26/4/001701) являлся подполковник А. П. Кирилов⁸.

Сформированный полк имел в своем составе командование, штаб и два батальона: 1-й батальон – две линейных роты по охране и обороне участков Пензенской ж/д и роту по охране правительственной связи линии «ВЧ»; 2-й батальон – две линейных роты по охране особо важных сооружений РУЖД. В январе 1942 г. полк был реорганизован: в батальонах были дополнительно сформировано по одной линейной роте.

По состоянию на 30 марта 1942 г. подразделения полка дислоцировались и выполняли свою служебно-боевую деятельность на следующих участках РУЖД:

– участок ж/д от станции Князевка – ст. Баланда (ныне г. Калининск) – ст. Саратов – ст. Вольск – ст. Аткарск – ст. Ртищево – 1-я рота 1-го батальона, рота разведки, 5-й запасной полк (сформирован согласно решению ГКО № 1099/сс и приказу НКВД № 00182 от 24.01.1942 г.) и бронепоезд № 78, с дислокацией в г. Саратове. Количество выделяемых

гарнизонов – 12 единиц; под охраной 4 моста через реки Терешка, Аткара (2 ед.) и Медведица; 2 парка груженых вагонов (далее – ПГВ).

– участок ж/д от станции Князевка – ст. Нефтяная 3 – ст. Энгельс (3-я пристань) – ст. Урбах – управление 1-го батальона, 3-я рота, с дислокацией в н.п. Нефтяная-3. Количество выделяемых гарнизонов – 6 ед.; под охраной 2 моста через реки Волга и Нахой; 3 ПГВ.

– участок ж/д от станции Урбах – ст. Ершов – ст. Пугачевск (ныне г. Пугачев) – ст. Илецк Оренбургской ж/д – 4-я рота 2-го батальона, с дислокацией в г. Ершове. Количество выделяемых гарнизонов – 13 ед.; под охраной 7 мостов, через реки Б. Узень, Алтата, Чаган, Урал, Илек и Б. Иргиз; 1 ПГВ;

– участок ж/д от станции Урбах – ст. Красный Кут – ст. Александров Гай – мост через р. Бузань – ст. Бузань Пристань (Астраханской области) – 5-я рота 2-го батальона, с дислокацией в р-не моста через р. Бузань. Количество выделяемых гарнизонов 9 ед.; под охраной 5 мостов, через реки Еруслан, Торгунь, Солянка, Ахтуба, Бузань; 2 ПГВ.

– участок ж/д от станции Ахтуба – ст. Причалная (Сталинградская область) – 2-я рота 1-го батальона. Количество выделяемых гарнизонов – 9 ед.; под охраной 6 мостов; ПГВ нет;

– участок ж/д от моста через р. Ерик Безымянный до ст. Астрахань – 6-я рота 2-го батальона. Количество выделяемых гарнизонов – 12 ед.; под охраной 10 мостов; 1 ПГВ.

Весной и летом 1942 г. 121-й полк для охраны и обороны выделял: 30 железнодорожных постов для охраны мостов, 9 постов по охране ПГВ и, помимо этого, личный состав для сопровождения важных грузов, охраны денежных касс, водокачек, тоннелей, путепроводов и других стационарных объектов. В донесениях командования полка отмечались примеры проявления бдительности личным составом полка при несении службы. Так, в одном из документов говорилось: «21.04.1942 г. красноармеец Алешин В. К. на путях станции Саратов-2 задержал неизвестного без документов, назвавшегося Петровым Иваном Петровичем, который объяснял, что он освобожденный из тюрьмы, но потерял документы об этом. При проверке выяснилось, что это не Петров, а Зякин Иван Васильевич, который добровольно сдался в плен немцам, был завербован и переброшен в советский тыл с диверсионной целью». За проявленную бдительность, приказом по войскам НКВД СССР по охране железных дорог от 29 мая 1942 г. № 51 красноармейцу Алешину была объявлена благодарность и выдана денежная премия. О результативности деятельности личного состава говорит следующий факт: 7 ноября 1942 г. в день празднования 25-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции 121-му полку Саратовским областным комитетом ВКП (б) было вручено боевое революционное Красное знамя⁹.

Согласно директиве начальника войск НКВД СССР № 23 / 2954 от 11 ноября 1942 г. 121-й полк вошел в состав 25-й дивизии, штаб которой дислоцировался в г. Балашове. В связи с этим полк дополнительно принял новостроящиеся участки ж/д:

- ст. Саратов – ст. Петров Вал;
- ст. Саратов – ст. Вольск¹⁰.

К середине ноября 1942 г. под охраной полка находилось 48 железнодорожных объектов по Саратовской области, из них:

- тоннелей, мостов и путепроводов – 29 единиц, к охране привлекались 471 человек;
- водокачек – 7 ед., к охране привлекалось 58 человек;
- парков груженых вагонов – 10 ед., к охране привлекалось 317 человек;
- других ж/д объектов – 2 ед., к охране привлекалось 45 человек.

Самым главным охраняемым объектом являлся железнодорожный мост через реку Волгу, на охрану которого выделялся гарнизон в составе 130 человек. Общая численность полка – 1376 человек, из которых на службе постоянно находился 891 человек¹¹.

Несмотря на самоотверженность большинства военнослужащих при несении службы, имелись факты хищения имущества с охраняемых личным составом полка грузов. Но так как данные по ним содержат личностный характер, они пока не рассекречены для опубликования. Можно лишь привести цифры: за 1–2-й кварталы 1943 г. осуждено 35 чел.; за весь 1944 г. – 31 чел.¹²

Помимо служебной деятельности, личный состав полка на всем протяжении войны тесно взаимодействовал с местными органами власти. Оно выражалось в участии в массовых воскресниках, оказании помощи РУЖД в подготовке станционных хозяйств и ж/д путей к осенне-зимней эксплуатации. Особенно активно личный состав и члены их семей помогали местным колхозам в уборке урожая. Практиковалась даже временная приписка к колхозам военнослужащих, имеющих права комбайнеров и трактористов, на время посевной и уборочной кампаний¹³.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны 121-й полк войск НКВД по охране железных дорог выполнил в полном объеме поставленные перед ним служебно-боевые задачи. Так как полк постоянно реорганизовывался, то полных данных о результатах служебно-боевой деятельности полка за первый и последний периоды войны не сохранилось. Таковые имеются лишь за 1944 г., из которых следует, что под охраной состояло 101 560 вагонов, для чего выделялось 5 383 караула, общей численностью 11 786 человек, с затратой 23 170 человеко-дней; было выявлено 39 случаев хищения грузов, общее количество похищенного составляет 10 006 кг, возвращено государству 5 592 кг; задержано 12887 человек: расхитителей – 110 чел.; дезертиров – 2; нарушителей режима военного времени – 10 602; самовольно проезжавших в товарных вагонах – 1774; мешочников-спекулянтов – 110; уголовного элемента – 18 чел.; обнаружено: 7 800 вагонов с коммерческим браком; 142 случая неисправности путей, с предотвращением крушения эшелонов¹⁴.

Помимо 121-го полка, железнодорожные сооружения на территории Саратовской области в годы войны охраняли и другие воинские части войск НКВД по охране железных дорог, но данная военная часть, как постоянно отмечалось в оперативных сводках НКВД, отличалась наибольшей надежностью и результативностью в выполнении служебно-боевых задач.

Примечания

- 1 История железнодорожного транспорта России и Советского Союза : в 2 т. Т. 2. 1917–1945 гг. СПб., 1997. С. 318–320.
- 2 Российский Государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 38261. Оп. 1. Д. 255. Л. 175–177.
- 3 Там же. Л. 202.
- 4 На страже стальных магистралей. Документы и материалы. М., 1989. С. 126.
- 5 История железнодорожного транспорта в России и Советского Союза. Т. 2. С. 164.
- 6 Там же. С. 331.
- 7 РГВА. «Исторический формуляр 121-го полка 33-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог». Ф. 39026. Оп. 1. Д. 535 Л. 7.

⁸ Кирилов Александр Петрович, 1896 г.р., уроженец села Грязнуха Балашовского района Саратовской области. В войсках НКВД с 1931 г., с 27 июня 1941 г. по 26 декабря 1946 г. командир 121-го полка, награжден орденом Красной звезды, нагрудным знаком «Почетный железнодорожник».

⁹ РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 9. Л. 59.

¹⁰ Там же. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 535. Л. 8.

¹¹ Там же. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 79. Л. 27.

¹² Там же. Ф. 39026. Оп. 1. Д. 535. Л. 53–55.

¹³ Там же. Л. 60.

¹⁴ Там же. Л. 22.

УДК 94(470.44/.47)|1941/1945|

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ БЫВШЕЙ «НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, РЕАЛИЗАЦИЯ

В. А. Конониренко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vspwshka_89@mail.ru

В статье исследуется процесс планового переселения колхозных хозяйств из Украинской ССР и ряда российских регионов в новые районы Саратовской области, образованные после депортации немецкого населения. Анализируется соотношение различных категорий населения, вынужденно перемещенных на постдепортационную территорию. Делается вывод о том, что ядром, вокруг которого формировалось будущее население значительной части Саратовской области, стали переселенцы-колхозники.

Ключевые слова: депортация народов, автономия, переселение, хозяйства колхозников, эвакуация, хозяйственное освоение.

The Removal to the Territory of the Former «German Autonomy» during the Great Patriotic War: Goals, Problem, Realization

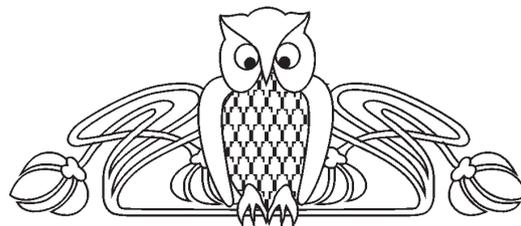
V. A. Kononirenko

The process of the collective farms planning removal from the Ukrainian SSR and the other Russian regions to the new regions of the Saratov region, that were forming after the deportation of the German population, is examined in the article. It is reviewed the ratio of the different categories of population, that have been removed to the postdeportated territory. There is a conclusion about the core, has been formed around the future population of significant part of Saratov region were being organized, has grown up to the settlers-farmers.

Key words: peoples deportation, autonomy, removal, agriculture of farmers, evacuation, economic development.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-354-359

Наряду с масштабной и крайне затратной для бюджета воюющей страны операцией по перемещению и размещению огромных масс депортированных, государству пришлось принять на себя все бремя ответственности за восполнение людского и материального потенциала постдепортационных территорий. Следует отметить, что впервые к проблеме заселения территории

бывшей АССР НП в 1941–1943 гг., «покинутой земли», обратился видный российский историк А. А. Герман¹. Сложности и трудности размещения различных контингентов перемещаемого населения, противоречивые процессы хозяйственного освоения территории бывших немецких кантонов, повседневная жизнь эвакуированных в годы войны служили предметом изучения в ряде работ саратовских исследователей². Целью настоящей статьи является исследование специфики процесса планового переселения колхозных хозяйств в Саратовскую область в 1941–1953 гг., в контексте реализации переселенческой политики Советского государства, осуществляемой в военные и первые послевоенные годы на постдепортационных территориях.

Решить задачу хозяйственного восстановления и развития опустевших после депортации немцев и присоединенных к Саратовской области районов можно было лишь при условии быстрейшего заселения сел и городов бывшей АССР НП квалифицированной рабочей силой. Участники областного агрономического совещания в конце 1942 г. эту задачу сформулировали следующим образом: «перед нашей областью встала задача ... освоить 16 районов, заново ставить там сельское хозяйство»³.

У Советского государства определенный опыт переселения значительных групп сельского населения имелся. Под руководством созданного 27 мая 1939 г. Переселенческого управления в СНК СССР в 1939–1941 гг. было переселено около 135 тыс. семей – 500 тыс. человек. С ноября 1941 г. этот орган входил в структуру Совета по эвакуации, а 31 января 1942 г. на его базе был создан отдел СНК по хозяйственному устройству эвакуированного населения⁴. До войны переселение рассматривалось руководством страны как «средство пополнения трудовых ресурсов для сельскохозяйственного освоения малоземельных районов Союза ССР» при условии «наличия огромных площадей неиспользуемой пашни»⁵.

Решение о переселении на территорию бывшей немецкой автономии советским руководством было принято одновременно с началом депортации немецкого населения. 3 сентября 1941 г. СНК СССР принял Постановление «О мероприятиях по переселению колхозов из прифронтной полосы Украинской ССР, Орловской и Курской областей», предусматривавшее переселение в десятидневный срок с 5 по 15 сентября с этих территорий 65 тыс. колхозных хозяйств⁶. Предполагалось, что переселенцы будут распределены между районами бывшей республики немцев Поволжья (52,2 тыс. колхозных хозяйств), Саратовской (9,3 тыс. хозяйств) и Сталинградской (3,5 тыс. хозяйств) областей⁷.

Переселение из Черниговской, Полтавской, Сумской, Ворошиловоградской, Запорожской, Харьковской, Днепропетровской, Курской и Орловской областей планировалось осуществлять, как правило, целыми колхозами. При переселении устанавливался порядок, существовавший для сельскохозяйственных переселенцев и прежде⁸.

Начать переселение в срок, установленный постановлением СНК СССР, не удалось. Первые хозяйства переселенцев стали прибывать с 21 сентября 1941 г. Если дату начала процесса переселения исследователи не подвергают сомнению, то данные о количестве переселенцев, прибывших в «немецкие» районы, прежде всего осенью 1941 г., существенно разнятся. Это связано, в первую очередь, со сложностью организации учета убывающего и прибывающего контингента переселенцев и их имущества и, как следствие, путаницей в отчетности.

По данным переселенческого отдела облисполкома к 6 октября 1941 г. в Саратовскую область из Украины, Курской, Орловской областей прибыло 5 764 хозяйства колхозников, в то время как по плану должно было прибыть 38 550. Больше всего (4 772) было переселено из Ворошиловоградской области, которая практически план переселения – 5 тыс. хозяйств – выполнила. 770 хозяйств отправилось в Куккуский район, Бальцерский – 822, Зельманский и Маркштадтский – 560, Унтервальденский – 544, Лизадергеймский – 286, Эггеймский – 250, Гнаденфлюрский – 246, Красно-Кутский – 667, Вязовский – 301⁹.

При подсчете прибывших в область и распределенных по районам обнаруживается труднообъяснимая разница в 326 хозяйств. Возможно, эти хозяйства были распределены в другие районы, причем необязательно в бывшие «немецкие». Факт переселения 170 хозяйств из Запорожской области в Ершовский район Саратовской области свидетельствует о наличии такого подхода.

Больше всех (12 тыс. хозяйств) должно было прибыть из Полтавской области, к 6 октября же прибыло всего 262, которые отправились в Мариентальский – 37 и Красно-Кутский – 225. Из Курской и Орловской областей по плану должно было быть перемещено по 3 тыс. хозяйств. По

данным переселенческого отдела, из Курской области к 6 октября переселилось 287, а из Орловской – всего 10. План в 3 тыс. хозяйств был установлен и для Харьковской области, однако по данным на 6 октября прибыло всего 433 хозяйства. Сумская и Черниговская области, которые должны были соответственно переселить 7,55 тыс. и 5 тыс. хозяйств, к выполнению плана не приступали. План переселения из Запорожской области неоднократно менялся. Сначала предусматривалось переселить 10 тыс. хозяйств, затем этот показатель был сокращен до 3 886 хозяйств. На деле же к 6 октября из Запорожской области прибыло лишь 490 хозяйств, из которых на земли бывшей немецкой автономии были поселены 320 (Маркштадтский – 54 и Ней-Вальтерский – 266)¹⁰.

Представляется, что параллельно с процессом переселения в октябре – ноябре 1941 г. начался и процесс возвращения на прежнее место проживания («обратничество»), возможно – неподконтрольного переезда переселенных колхозников в другие районы. Если на начало октября 1941 г. в Саратовскую область по одним данным прибыло 3 219 хозяйств (12 812 переселенцев), по другим – 5 764 хозяйства, в которых, по всей видимости, было не менее 23 тыс. переселенцев, то по данным на 25 ноября 1941 г. обнаруживается, что в новые районы прибыло 8 990 человек, из которых 7 048 удалось заселить в бывшие немецкие колхозы. О. Е. Скучаева, впервые опубликовавшая ноябрьские данные, воздержалась от оценок существенной, практически в три раза, разницы в количественных показателях переселения на территорию бывшей немецкой автономии в 1941 г.

Между тем в Постановлении СНК РСФСР от 26 ноября 1941 г. № 672 «О состоянии сельского хозяйства в районах бывшей АССР Немцев Поволжья» отмечено, что «план переселения колхозников в колхозы бывшей АССР Немцев Поволжья не выполнен (всело 21 % от плана)»¹¹. Можно предположить, что саратовское руководство в центр предоставило завышенные цифры прибывших в немецкие районы (приблизительно около 11 тыс. хозяйств колхозников). В связи с этим российское правительство приняло единственно возможное в чрезвычайных условиях решение. Руководство «делом переселения колхозников в колхозы бывшей АССР НП» сосредотачивалось в «переселенческом отделе Саратовского облисполкома», который должен был «в 2-месячный срок» организовать «переселение в колхозы АССР НП из городов области 2 000 семей»¹², а также направить сюда контингент «из эвакуированного населения, проезжающего через территорию области 10 500 хозяйств и из эвакуированного, проживающего на территории бывшей АССР НП населения – 5 000 семей»¹³. Таким образом, по мнению местных и центральных органов власти, кризисную ситуацию в спасении урожая и имущества на территории бывшей немецкой автономии

могло спасти «дополнительное переселение» 17 500 семей-хозяйств.

Еще в начале сентября 1941 г. бюро Немецкого обкома ВКП (б), предвидя возникновение подобной ситуации, просило Саратовский, Сталинградский и Куйбышевский обкомы, помимо 52 тыс. «хозяйств эвакуированных», направить в бывшую АССР НП «дополнительно 4 тыс. колхозников на временные работы»¹⁴. Внутриобластное переселение, несмотря на тотальный дефицит рабочей силы во всех районах области, по всей видимости, было гораздо более эффективным методом «спасения» имущества и урожая в «новых районах», нежели все остальные. Списание имевшихся недоимок по налогам, предоставление жилья, скота, денежной ссуды на обустройство позволяло заинтересовать колхозников соседних районов (прежде всего малоимущих) в поиске лучшей крестьянской доли в соседних («всегда же можно и вернуться!») районах. С 1 по 10 октября 1941 г. из старых районов Саратовской области в «новые» было переселено 2 тыс. крестьянских хозяйств¹⁵. В распоряжении исследователей имеется также и указание на то, что «для обслуживания бывшего немецкого скота» в октябре – ноябре 1941 г. из колхозов было направлено в бывшие немецкие районы около 8 тыс. «лучших колхозников, доярок, телятниц, свинаяр, чабанов, бригадиров, председателей колхозов, специалистов»¹⁶.

Анализ докладных записок из бывших немецких районов осенью – зимой 1941 г. свидетельствует о фактах явного численного преобладания в бывших немецких селах эвакуированных над «планово» переселенными. В Кукуском районе к декабрю 1941 г. «из 13 колхозов заселены основными колхозниками всего 5 колхозов, а в остальных колхозах работают еще временно командировочные люди и эвакуированные»¹⁷.

Следует отметить, что среди переселенцев, призванных «спасти» сельское хозяйство бывшей Немреспублики, находилось большое количество людей, к сельскому хозяйству не имеющих никакого отношения. Так, среди переселенцев Курской и Харьковской областей было «много служащих, рабочих семей начальствующего состава РККА. Едут и без записи в списки, но в составе маршрутов те же категории людей»¹⁸. Состав переселенцев был довольно неоднородным. Так, по свидетельству уполномоченного Ф. М. Амировой, направленной в октябре 1941 г. в колхоз имени Карла Маркса (село Норки) Бальцерского района, сюда было «прислано всего 65 семей из Украины, из них трудоспособных 120 человек». «В течение 2 недель», сообщила Амирова, «они не работали и не хотели работать: более 60 % бывших кулаков»¹⁹.

В январе 1942 г. секретарь Саратовского обкома партии И. А. Власов вынужден был обратиться в ЦК ВКП (б) с просьбой «в порядке планового переселения до начала весенне-посевных работ вселить 20 000 хозяйств колхозников из других областей Союза ССР»²⁰. Решение о дополнитель-

ном плановом переселении в районы бывшей Немреспублики было принято 27 февраля 1942 г. Совнаркомом СССР. Вскоре 3 марта 1942 г. о переселении в новые районы Саратовской области колхозных хозяйств из Тамбовской, Пензенской и Воронежской областей принял постановление и СНК РСФСР²¹.

Вторую волну переселения планировалось завершить 1 апреля 1942 г., однако уже 11 апреля Саратовский обком «забил тревогу» в связи с тем, что «в прибывших первых эшелонах переселяемых колхозников выявлено значительное количество эвакуированного городского населения». В Пензенскую область был отправлен заместитель начальника Облзо Краюшкин для того, чтобы «на месте» проверить «состав отобранных для вселения в Саратовскую область»²². Из-за весенней распутицы и организационной неразберихи переселение шло не только в апреле, но и мае. Всего из соседних областей прибыло в это время около 6 тыс. колхозных хозяйств²³.

Более организованно шло внутриобластное переселение. По санному пути, в основном до наступления весенней распутицы, удалось перевезти 2175 хозяйств колхозников из «старых» районов Саратовской области²⁴.

Переселенцы второй волны оказались в худшем положении, нежели те, кто был переселен осенью 1941 г. К моменту их прибытия большинство домов бывших хозяев-немцев были заселены либо разграблены и испорчены. В Советском, Подлесновском, Ровенском, Приволжском, Первомайском районах до 30 % прибывших переселенцев не получили домов и были размещены по две-три семьи в одном доме, часть переселенцев была вынуждена ютиться в ветхих землянках. Уже после войны саратовское руководство, пытаясь утаить факт массового уничтожения домов в немецких селах, укажет, что «на территории указанных районов после выселения немцев в колхозах оставалось 33 031 деревянных и *большой частью саманных* (курсив мой. – В. К.) жилых домов с надворными постройками»²⁵. Общеизвестно, что строительство саманных домов в немецких селах не практиковалось.

Несмотря на наличие во многих районах скота, «находящегося под сохранными расписками», переселенцам выдавать скот местные органы власти не спешили. Так, с 1 января по 20 мая 1942 г. переселенцам было продано 6653 коровы, 1603 козы и овцы, 11134 свиньи²⁶. Между тем 15353 хозяйства колхозников не имели коровы. Этот факт имеет большое значение для характеристики тех, кто переселялся на новые места жительства. Из прибывших в Подлесновский и Ровенский районы 2763 хозяйств переселенцев всего 11 колхозников привезли с собой корову, 89 имели обменные квитанции. Остальные 2663 хозяйства (96%) являлись «бескоровными»²⁷. Картина по другим районам была та же. Переселенно, безусловно, подвергались маломощные хозяйства.

Саратовское руководство в феврале 1943 г. в известной записке «О положении в новых районах Саратовской области» (бывшей Республике немцев Поволжья)», направленной в СНК СССР на имя А. И. Микояна, указывало, что «в присоединенных районах к Саратовской области вместо переселенных 40000 немецких хозяйств в 1941-м, заселено в порядке переселения колхозными хозяйствами из других областей 23000 хозяйств»²⁸. В одной из докладных записок, подготовленных в обкоме партии и отправленной в ЦК ВКП (б), приводятся те же самые цифры: «должно быть вселено 33 068 хозяйств, фактически же вселено – до 1 марта – 17 268 хозяйств и к 1 июля 1942 г. всего 23463 хозяйства»²⁹.

По данным Переселенческого управления СНК РСФСР, в 1942–1943 гг. в Саратовскую область было переселено 12 822 хозяйства, а в 1944 г. – еще 4200 семей³⁰. В записке А. Н. Косыгина Н. А. Вознесенскому от 18 апреля 1945 г. указывается, что «в районы, присоединенные к Саратовской области», в 1942–1945 гг. было переселено «16440 хозяйств»³¹.

В статистических отчетах Главного переселенческого управления при СНК СССР указано, что в 1942 г. в Саратовскую область переселено 12 822 колхозных хозяйства³², в 1944 г. – 3 619, в 1945 г. – 793³³. В «сводной карточке по РСФСР за 1945 год» приводятся данные, согласно которым в Саратовскую область в победный год было направлено 4 412 семей³⁴.

До выселения немцев в 280 колхозах немецких кантонов «было 43974 хозяйства, из которых только 6323 хозяйства русских старожилов, проживающих, главным образом, в районах: Краснокутском, Комсомольском, Безымянском и Первомайском»³⁵. На первый взгляд можно предположить, что плановое переселение (около 24 тыс. в 1941–1943 гг., около 5 тыс. хозяйств в 1944–1945 гг. из Украинской ССР, Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской областей, свыше 4 тыс. хозяйств колхозников из «русских» районов Саратовской области) в основном компенсировало за годы войны потерю 37 651 «немецкого» хозяйства. Однако массовый характер обратного выезда переселенцев не дает оснований для подобного предположения.

Процесс возвращения на прежнее место жительства («обратничество») начался еще зимой 1942 г., после первых крупных побед Красной Армии. Начальник Краснокутского районного отдела НКВД Ладатко в марте 1942 г. жаловался в обком партии на «нездоровые настроения, выражающиеся в стремлении выехать из района на территории, освобожденные от немецких захватчиков», и сообщал, что к нему «много является граждан с просьбой о выдаче им пропусков на выезд в Москву, в Курскую, Орловскую, Харьковскую и другие области Советского Союза»³⁶. «Выездные» настроения резко усилились в 1943 г. с началом массового освобождения советских

территорий от фашистских захватчиков. По некоторым данным, из Марковского и Ровенского районов в этом году выехало до 5 тыс. хозяйств переселенцев. Из одного лишь села Луговое Ровенского района в «самый разгар уборки выехало на Украину 126 семей»³⁷.

По данным Главного переселенческого управления, бывшие «немецкие» районы в 1944 г. покинуло 210 хозяйств бывших переселенцев, в 1945 г. – 1222³⁸. Начальник Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР М. П. Шалаев указывал, что из переселенных в Саратовскую область в 1944–1945 гг. «4 202 семей осталось в районах вселения 927 семей или 22,1 %»³⁹.

Недостаток рабочей силы в новых районах Саратовской области заставил власть продолжить переселение колхозных хозяйств в эти районы и после войны. Причем планировалось как межобластное, так и внутриобластное переселение. Следует учесть, что плановое переселение продолжалось и на другие постдепортационные территории: в 1947 г. в Грозненскую область было переселено 1911 хозяйств, а в Крымскую – 1000 семей колхозников⁴⁰. «Доноры» оставались прежние – преимущественно центральные российские регионы. В 1946–1947 гг. переселение в бывшие немецкие районы не осуществлялось. На 1948 г. было запланировано переселить 2000 хозяйств, но исключительно – из «старых» районов Саратовской области. Переселить удалось менее половины – 884 хозяйства⁴¹.

В следующем 1949 г. план внутриобластного переселения был вообще сорван: вместо «запланированных» 1116 хозяйств удалось вселить всего лишь 172 семьи, в которых трудоспособных было 446 человек⁴². Все это не осталось без внимания Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР, руководитель которого, М. П. Шалаев, на республиканском совещании начальников переселенческих отделов 18 ноября 1949 г. указал на неудовлетворительную организацию внутриобластного переселения в Саратовской области. К тому же Саратовский облисполком «за развал работы в переселенческом отделе» освободил от должности его начальника Куприянова⁴³. По плану межобластное переселение должно было охватить 500 хозяйств: из Мордовской и Чувашской АССР – по 200 хозяйств, из Татарской АССР – 100. Республики в результате план перевыполнили: Татарстан прислал на 11 хозяйств больше, Чувашия – на 2, Мордовская АССР – на пять. Всего в бывшие немецкие районы в 1949 г. было направлено 690 хозяйств, в которых насчитывалось 1573 трудоспособных⁴⁴. Саратовское руководство, добиваясь от центра выделения дополнительных «фондовых строительных материалов», явно преувеличивало масштабы переселения: «в 11 заволжских районах области для переселения в 1949 г. 2 500 хозяйств-переселенцев из центральных областей и автономных респу-

блик РСФСР необходимо построить 2 500 новых многоквартирных домов». По мнению местных руководителей, около 500 домов требовали «капитального ремонта», но «предназначались» для «внутриобластного переселения»⁴⁵.

Отсутствие жилья, безусловно, являлось главной причиной «обратничества». Данный процесс после войны захватил практически все постдепортационные территории, на которые были вселены колхозники-переселенцы. Так, в 1946–1949 гг. Грозненскую область покинуло 1550 хозяйств переселенцев, Крымскую – 8309, Саратовскую – 2238 хозяйств. В 1946 г. из Саратовской области выехало – 1049, в 1947 г. – 899, в 1948 г. – 147, в 1949 г. – 143 хозяйства⁴⁶. В 1949 г., по данным российского Переселенческого управления, «из Саратовской области выбыло обратно 191 семья переселенцев, в том числе: 89 семей из числа переселенных летом 1949 г.»⁴⁷. «Новое жилищное строительство» для переселенцев «особенно плохо» проводилось в Саратовской области, которая обеспечивала потребности переселенцев в жилье к 1950 г. «на 14,5 %». Хуже обстояли дела с жилыми домами только «в Краснодарском крае – 9,3 %»⁴⁸.

Анализ причин обратного выезда переселенцев из Саратовской области показывает приоритет экономических мотивов. Такой фактор, как «слабая экономика районов и колхозов вселения, а в отдельных случаях большая задолженность колхозов вселения», был характерен как раз для бывших немецких колхозов, которым депортация нанесла огромный и трудно восполнимый урон. В этих районах и колхозах отсутствовали возможности предоставления предусмотренных льгот переселенцам. Другая группа причин обратного выезда связана с «хозяйственной» спецификой переселенцев. Зачастую переселение шло без учета направления переселяемого хозяйства и природных условий: «из лесных перемещали в безлесные районы, из колхозов с зерновым направлением хозяйства в колхозы с садово-овощным направлением хозяйства». Семьи для переселения подбирались по остаточному принципу, поэтому повсеместно нарушались требования «об обязательности иметь в составе семей не менее двух трудоспособных членов», нередким явлением было «направление инвалидов и лиц, не связанных с сельским хозяйством»⁴⁹.

Переселенцы на первых порах сохраняли «хозяйственные связи с местами выхода», на местах выхода не продавали дома, оставляли там же «скот и сельскохозяйственные продукты». Сохранялся и «свободный обратный прием переселенцев в колхозах выхода», что не способствовало стремлению переселенцев любыми способами закрепиться в новых для себя районах и условиях. Тем более что случаи «взыскания средств, затраченных государством на переселение» по отношению к «обратникам», были не частыми. Широко была распространена практика «беспрепятственного приема на работу самовольно выбывших из кол-

хозов переселенцев совхозами и другими хозяйственными организациями области вселения». Для Саратовской области, в которую переселяли из Татарской, Мордовской, Чувашской автономных республик, существенное значение имел такой фактор, как «несоблюдение компактности размещения переселенцев в местах вселения по национальным признакам, затрудняющим в отдельных случаях обучение детей на национальных языках»⁵⁰. Упрек же местным органам власти в том, что они «слабо выдвигают переселенцев на руководящие должности в колхозах вселения»⁵¹, вряд ли мог считаться причиной «обратничества». Данный фактор скорее характеризовал качественный состав переселенцев.

В 1950–1953 гг. масштабы переселенческой политики сократились. В 1950 г. планировалось переселить из Чувашской и Татарской автономных республик, Курской, Воронежской и Рязанской областей по 200 семей. Однако из Чувашии было отправлено всего 30 семей. Остальные регионы в основном плановые показатели выполнили: из Воронежской в Саратовскую область было направлено 199 семей, из Курской – 196, из Татарстана – 191, а Рязанская область отправила на 4 хозяйства сверх плана. В 1951–1953 гг. в Саратовскую область были переселены еще 1799 хозяйств из Курской области, а в 1953 г. – 399 семей из Тамбовской области. По-прежнему среди переселенцев количество трудоспособных и нетрудоспособных было примерно одинаковым: в 1950 г. среди 3527 переселенцев трудоспособных насчитывалось 1896, в 1951 г. среди 1202 – 626, в 1952 г. среди 3805 – 2072, в 1953 г. среди 4931 – 2348⁵².

Таким образом, часть хозяйств переселенцев покинула немецкие районы в годы войны, часть – в послевоенный период. Оставшиеся в бывших немецких селах переселенцы стали той основой, вокруг которой и формировалось будущее население более чем 10 районов Саратовской области. Тот факт, что «заселение территории бывшей АССР НП происходило главным образом за счет прибывшего в Поволжье эвакуированного населения в большей части – жителей городов»⁵³, вряд ли стоит отрицать. Однако следует признать, что эвакуированные оказались всего лишь «транзитными» жителями бывших немецких районов, существенную роль в хозяйственном восстановлении районов не сыгравшие. Переселенцы, наоборот, вынуждены были приспособлять свой жизненный уклад и производственные навыки к новым для себя реалиям с целью достижения тех целей, которые они не смогли реализовать на прежних местах жительства. Поэтому цель «укорениться и обжиться» для переселенцев могла быть реализована только в длительной перспективе проживания в новых районах Саратовской области.

Примечания

¹ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007.

- ² См.: Скучаева О. В. «Новые районы» Саратовской области в годы Великой Отечественной войны : миграционный аспект // Саратовское Поволжье в панораме веков. Саратов, 2000 ; Малова Н. А. Заселение территории бывшей Республики Немцев Поволжья в 1941–1945 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 4. Саратов, 2009 ; Козурман С. О. Эвакуированное и перемещенное население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011 ; Данилов В. Н. Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Серия История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3.
- ³ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3196. Л. 15.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ⁵ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 354. Л. 1.
- ⁶ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2338. Л. 13.
- ⁷ Там же. Л. 28.
- ⁸ Там же. Л. 13, 14, 15.
- ⁹ Там же. Д. 2331. Л. 26.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 14. Л. 66.
- ¹² Данилов В. Н. Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 117.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 1а. Д. 14. Л. 67, 68.
- ¹⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 1870. Л. 5.
- ¹⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2298. Л. 270.
- ¹⁶ Там же. Д. 3022. Л. 35.
- ¹⁷ Там же. Д. 2319. Л. 135.
- ¹⁸ Там же. Д. 2359. Л. 36.
- ¹⁹ Там же. Д. 3144. Л. 35.
- ²⁰ Там же. Д. 2744. Л. 9.
- ²¹ Там же. Д. 2679. Л. 24.
- ²² Там же. Л. 314.
- ²³ Там же. Л. 68.
- ²⁴ Там же. Л. 69, 70, 71, 72.
- ²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 18.
- ²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2786. Л. 34.
- ²⁷ Там же. Л. 298.
- ²⁸ Там же. Д. 3208. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Д. 3022. Л. 33.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
- ³¹ Там же. Л. 22.
- ³² РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 29.
- ³³ Там же. Д. 400. Л. 11.
- ³⁴ Там же. Д. 678. Л. 32.
- ³⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 82. Л. 18.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2331. Л. 76.
- ³⁷ Там же. Д. 3180. Л. 159.
- ³⁸ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 400. Л. 12.
- ³⁹ Там же. Д. 401. Л. 23.
- ⁴⁰ Там же. Д. 400. Л. 11.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Д. 543. Л. 115.
- ⁴³ Там же. Д. 401. Л. 5, 6.
- ⁴⁴ Там же. Д. 543. Л. 115.
- ⁴⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 512. Л. 4.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 400. Л. 12.
- ⁴⁷ Там же. Л. 23.
- ⁴⁸ Там же. Д. 401. Л. 17.
- ⁴⁹ Там же. Д. 400. Л. 7, 8.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 8.
- ⁵² Там же. Д. 427. Л. 38 ; Д. 543. Л. 41, 44, 45, 51, 115.
- ⁵³ Герман А. А. Указ. соч. С. 459.

УДК [94+339](470.44/47)|1953/1985|

НОВЫЕ ФОРМЫ СОВЕТСКОЙ ТОРГОВЛИ И БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В 1953–1985 ГОДЫ (на материалах Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В статье дан анализ модернизации советской сферы услуг в период хрущевских и брежневских экономических реформ. Главное внимание сосредоточено на внедрении различных прогрессивных форм обслуживания. При этом акцент сделан

на влиянии этого процесса на повседневную жизнь населения Нижней Волги. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, интервью.

Ключевые слова: выставки-продажи, домовая кухня, комплексный обед, комплексный приемный пункт, полуфабрикаты, прокат, самообслуживание, стол заказов, торговля в кредит, универсам.

New Forms of Soviet Retail Trade and Public Service in the Daily Life of a Soviet Citizen in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region)

A. A. Gumenyuk

In the paper, the modernization of the Soviet service sector during Khrushchev's and Brezhnev's reforms with primary focus on implementation of various advanced forms of service is analyzed. Emphasis is made on the influence of this process on daily life in the Lower Volga Region. The paper is based on a wide range of factual material collected from archives, periodical press, and interviews.

Key words: exhibition-and-sale, takeaway, fixed meal, integrated receiving center, semi-processed goods, hire, self-service, catering service, credit trade, supermarket.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-359-365

С середины 1950-х гг. одной из первоочередных задач социальной политики для советского руководства стало создание условий для повышения уровня благосостояния советских людей, для чего предпринимается ряд шагов по совершенствованию сферы обслуживания населения. Наряду с количественным ростом торговых и иных предприятий данной отрасли, повышающим степень доступности потребителям товаров и услуг, важнейшим компонентом являлись меры по внедрению самообслуживания и других прогрессивных методов.

О повышенном внимании в то время руководства страны к модернизации сферы услуг свидетельствуют как материалы партийных съездов и пленумов¹, так и специальные правительственные решения, направленные на развитие торговли и бытового обслуживания². Основными компонентами программы реформирования сферы услуг являлись доступность, качество, комфорт. Экономия времени при посещении заведений общепита, торговли и быта была призвана облегчить быт советского человека с целью увеличения возможностей для удовлетворения духовных потребностей. Именно такую установку содержала третья программа партии, принятая XXII съездом КПСС в октябре 1961 г.³

В рассматриваемый период в Нижнем Поволжье, как и в других российских регионах, действительно происходят сдвиги в развитии торговли и общественного питания. Так, в городских магазинах региона появились отделы по продаже полуфабрикатов (котлет, мясного фарша, теста,пельменей, различной начинки для пирожков). Покупка полуфабрикатов значительно облегчала процесс приготовления пищи. Данный вид торговли широко распространение получил главным образом в самых крупных городах – Саратове и Волгограде⁴. Неотъемлемой частью повседневной жизни также стали специализированные магазины по продаже различной гастрономии, головных уборов и меховых изделий, тканей, обуви, телевизоров и радиоприемников, книг, подарков и даже

ювелирных изделий. Торговая сеть Астрахани к середине 1960-х гг., например, пополнилась такими фирменными и специализированными магазинами, как «Каспий», «Космос», «Радуга», «Колос» и др. За 1970–1974 гг. специализированная торговая сеть в этом городе увеличилась на 35 магазинов. В начале 1980-х гг. их стало еще больше за счет открытия таких торговых комплексов, как «Мебель», «Все для спорта», «Филателист». Расширялась сеть специализированных магазинов в Волгограде. Только за вторую половину 1970 – начало 1980-х гг. в этом городе были открыты такие фирменные магазины, как «Детский мир», «Для женщин», «Для мужчин», «Дом одежды», «Дом обуви», «Промтовары», магазин для новобрачных⁵. Вырос удельный вес специализированных магазинов и в Саратовской области⁶.

С конца 1950-х гг. на Нижней Волге получает распространение такая услуга, как торговля в кредит на срок от шести до двенадцати месяцев. В ассортимент продаваемых таким образом товаров входили телевизоры, аккордеоны, щипковые музыкальные инструменты, радиоприемники, радиолы, фотоаппараты, велосипеды, мопеды, мотороллеры, мотоциклы, охотничьи ружья, гармонии, мех черно-серебристых лисиц, мужская, женская и детская одежда, штапельные и шерстяные ткани, шерстяные и шелковые платья, мебель, ковры ручной работы, универсальные кухонные машины, проигрыватели, наручные, карманные, стенные часы, швейные машины, лодочные моторы. Сельские жители получили возможность приобретать в рассрочку стандартные дома и детали к ним, цемент, а также лесоматериалы лиственных пород. Данное нововведение населением было встречено одобрительно, особенно низкооплачиваемыми категориями трудящихся. Так, в ноябре 1960 г. в двух магазинах города Урюпинска Сталинградской области уже за первые три дня с момента осуществления торговли в кредит было продано товаров на 100 тыс. руб. Если в первом полугодии 1961 г. населению Саратовской области в кредит было продано товаров на 3,5 млн руб., то в первом полугодии 1962 г. продажа в кредит составила 5,8 млн руб.⁷ Новой формой торговли, появившейся в конце 1950-х гг., стали выставки-продажи. В 1967 г. магазинами Саратова было проведено 124 таких выставки, а в 1970 г. – уже 342⁸.

На создание для населения наибольших удобств в приобретении товаров была сориентирована такая форма торговли, как доставка магазинами товаров по заявкам на промышленные предприятия. Суть ее сводилась к тому, что магазины присылали на фабрики и заводы своих работников для предварительного сбора заявок на товары. По этим заявкам магазины производили развеску и упаковку товаров и в конце рабочего дня доставляли покупателям на завод. На предприятиях выделялось специальное помещение под стол заказов. Например, на саратовском заводе им. С. М. Кирова ежедневно в стол заказов обращалось 150–170 ра-

ботников предприятия. В 1984 г. на промышленных предприятиях и стройках Саратовской области действовало 98 постоянных пунктов приема заказов, а магазинов, торгующих по предварительным заказам населения, насчитывалось 223. С начала 1970-х гг. стал использоваться другой передовой метод торговли промышленными и продовольственными товарами – так называемые плавучие магазины, специализирующиеся на обслуживании речников. Они были закуплены в 1971 г. в ГДР. В Саратовской области к концу июля 1975 г. только два таких магазина с начала навигации обслужили команды 2400 судов. Практиковалась и такая услуга, как доставка магазинами товаров на дом покупателям. Так, в Волгограде за 1966–1970 гг. число волгоградских магазинов, осуществляющих доставку товаров на дом, увеличилось в 2,6 раза – с 82 до 215, что составило 26% от всех магазинов города. В Саратовской области число магазинов, оказывающих такую услугу, только за 1970–1972 гг. возросло с 87 до 115⁹.

Познакомиться с первыми советскими «супермаркетами» население Нижнего Поволжья смогло уже в конце июля 1955 г. Именно в это время в Саратове был организован первый магазин без продавцов, а в универсаме этого города появилась секция по продаже галантерейно-парфюмерных товаров «без помощи продавца». В это же время первый магазин самообслуживания появился и в Сталинграде. Их преимущество было очевидным – при малом числе работников покупатели «отоваривались» там очень быстро. К концу июля 1959 г. в Астраханской области насчитывалось 36 магазинов, работающих по новым формам обслуживания (самообслуживание, торговля фасованными товарами, по образцам, с открытой выкладкой и др.)¹⁰. ЦК КПСС и Совмин СССР в своем постановлении «О мерах по дальнейшему развитию торговли» (8 августа 1960 г.) всячески пропагандировал метод самообслуживания, указав, в частности, на необходимость расширения в 1961–1963 гг. сети «магазинов без продавцов» в целом по стране на 6,5 тыс. единиц¹¹.

Реформируя торговлю, органы власти и управления старались опираться на рекомендации ученых, в частности, на материалы социологических исследований, которые показывали, что внедрение метода самообслуживания позволяло на 30–40% экономить время покупателя, более производительнее использовать торговую площадь, повысить без дополнительных затрат товарооборот¹². Поэтому со второй половины 1960-х гг. на смену магазинам без продавцов пришли универсамы – торговые заведения, имевшие в своем ассортименте продукты питания и некоторые сопутствующие промышленные товары. Торговля в универсаме велась также по системе самообслуживания. Товары сюда поступали чаще всего в фасованном виде прямо от изготовителя. Посещавшие эти магазины горожане указывали на их высокую функциональность.

Особенно широко в годы VIII пятилетки прогрессивные формы внедрялись в г. Волгограде. В 1971 г. универсамы составляли три четверти городской торговой сети¹³. Не менее активно практиковались методы самообслуживания и в Саратовской области¹⁴. В Астраханской области в течение первой половины 1970-х гг. продажа товаров по методу самообслуживания возросла с 11 до 40%. В Волгограде только за 1971–1972 гг. на самообслуживание было переведено 98 предприятий торговли. К концу 1975 г. в сельской местности Волгоградской области по методу самообслуживания реализовывалось до 77,3% розничного товарооборота. В Калмыцкой АССР к этому времени каждая третья торговая точка в сельской местности являлась магазином самообслуживания. В целом в системе государственной торговли этой автономной республики удельный вес товаров, продаваемых методом самообслуживания, составлял 30%, а в системе Калмпотребсоюза – 24% к общему объему товарооборота¹⁵.

Реформирование торговой сети затронуло и сельскую местность региона. Уже к середине июня 1956 г. саратовским облпотребсоюзом торговля без продавцов была организована в 102 полях станах, бригадах и на животноводческих фермах. Отдаленные населенные пункты Нижнего Поволжья обслуживались так называемыми «магазинами на колесах», или автомагазинами. Только за три месяца 1966 г. в Яшкульском районе Калмыцкой АССР ими было продано чабанам и гуртоправам Черных земель товаров на сумму 25 тыс. руб., в том числе три мотоцикла и холодильник¹⁶.

Стремясь повысить качество торгового обслуживания населения и одновременно сэкономить время покупателей, Н. С. Хрущев прибегнул к заимствованию европейского опыта по использованию магазинов-автоматов. В целесообразности такого шага советского лидера убедили результаты опросов, проводившихся западногерманским Институтом психологии рекламы и изучения рынка (Франфурт-на-Майне). Определенный резонанс это нововведение имело и в Нижнем Поволжье. В Астраханской области уже в середине 1959 г. было установлено 27 автоматов, в Калмыцкой АССР в 1962 г. было введено в действие семь полуавтоматов для продажи газет. Весной 1958 г. в Саратове были установлены автоматы по продаже бутербродов, пирожных, тортов, фруктовых соков и безалкогольных напитков. В середине 1970-х гг. в области уже насчитывалось 115 торговых автоматов¹⁷.

Введение передовых форм обслуживания в сфере общепита на Нижней Волге стало осуществляться уже в 1954 г., когда для трудящихся сталинградского тракторного завода была организована предварительная продажа обедов по цехам, где, кроме того, устанавливались развозные буфеты. Новый метод обслуживания был введен также на саратовском заводе «Серп и Молот» и других предприятиях города¹⁸. Постепенно ме-

тоды самообслуживания внедрялись и не только в заводских, но и в общедоступных столовых. В начале 1960-х гг. в Саратовской и Сталинградской областях на самообслуживание были переведены все предприятия общепита, подведомственные Министерству торговли¹⁹. Для облегчения домашнего труда женщин и тех, кому в силу занятости или каких-либо других причин сложно было приготовить себе полноценный обед или ужин, предприятиями общественного питания стал практиковаться отпуск обедов на дом. Уже в летом 1956 г. в Саратовской области половина из 52 столовых и четырех ресторанов оказывала населению данную услугу. Для удобства горожан также открывались домовые кухни, где продавались изделия мясной и рыбной кулинарии, полуфабрикаты, пироги, кондитерские товары. В Саратове первая домовая кухня появилась в начале марта 1959 года. За семилетку (1959–1965 гг.) в Саратове и городах области было открыто 17 домовых кухонь. В Волгоградской области в начале 1962 г. насчитывалось 22 домовых кухни, расположены они были преимущественно в областном центре. На экономию времени домохозяйки во время приготовления пищи было нацелено и открытие магазинов по продаже кулинарных изделий и полуфабрикатов. В Волгоградской области в начале 1960-х гг. функционировало около 30 кулинарных магазинов, большое количество таких отделов создавалось в различных учреждениях и организациях. В Саратове и других городах области в середине 1960-х гг. действовало 26 магазинов по продаже полуфабрикатов и кулинарных изделий. Реализация этих весьма востребованных населением изделий ежегодно возрастала²⁰.

Значительному сокращению времени приема пищи и удешевлению стоимости блюд способствовало внедрение такой прогрессивной формы обслуживания, как комплексные обеды. Особенно востребованы они были в учреждениях, работники которых имели фиксированный обеденный перерыв. Только за 1966–1967 гг. в Саратовской области продажа населению комплексных обедов увеличилась на 34%. Если в 1970 г. их было реализовано 6520 тыс., то в 1972 г. – уже 10100 тыс. штук²¹.

Весьма существенная роль в повышении качества жизни населения СССР отводилась бытовому обслуживанию. Происходившие в период со второй половины 1950-х гг. по середину 1980-х гг. перемены в облике службы быта, оснащение ее современной и передовой на тот момент техникой создавали необходимые условия для применения таких прогрессивных форм обслуживания, как прием заказов на ремонт бытовой техники и радиоаппаратуры по телефону, доставка на дом предметов бытовой техники после ремонта, покупка и доставка подарков, функционирование выездных приемных пунктов в городах и в сельской местности, абонементное обслуживание на ремонт телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин и другой техники, из-

готовление портьер, услуги проката. Ассортимент прокатных пунктов, первые из которых появились еще в конце 1950-х гг., был весьма разнообразным: дачная мебель, свадебные принадлежности, музыкальные инструменты (гитары, гармоники, пианино, баяны), патефоны и пластинки к ним, универсальные радиogramмофоны, магнитофоны, телевизоры, фотоаппараты, бытовая техника (холодильники, стиральные машины, пылесосы, полотеры, электрические утюги, соковыжималки), столовые и чайные сервизы, велосипеды, спортивный и прогулочный инвентарь, детские игры. Наиболее широкое распространение услуги проката к 1976 г. получили в Волгоградской области, которая по этому показателю в 4 раза превосходила Саратовскую²².

Облегчали населению решение многих бытовых проблем открывавшиеся с 1960-х гг. бюро добрых услуг, позвонив в которые человек получал помощь в уборке квартиры, ремонте мебели, электропроводки, уходе за детьми и больными, доставке посылок, перевозке вещей на новую квартиру, получал возможность обучиться вязанию и печатанию на машинке, поздравить с праздником и вручить подарок родственникам или друзьям. Большой спрос на свои услуги такие бюро и фирмы в Саратовской области удовлетворяли путем приглашения один-два дня в неделю на неполный рабочий день студентов вузов и училищ. Этот опыт стремились перенять и в других областях Нижней Волги, в частности в Волгоградской²³.

Банно-прачечные тресты в областных центрах Нижней Волги активно внедряли самообслуживание, открывая автоматические прачечные, в которых за непродолжительное время женщины могли постирать и погладить солидные объемы белья. Еще в 1970 г. несколько прачечных самообслуживания было введено в действие в Саратове, а в начале 1974 г. в этом городе было построено кооперированное предприятие по химчистке и стирке белья методом самообслуживания, мощностью 575 килограмм в смену. В Астрахани и Волгограде также функционировали химчистки самообслуживания и автоматы-прачечные²⁴.

В конце 1970-х гг. в целом по СССР благодаря развитию службы быта население затрачивало на домашние работы на 9 млрд часов в год меньше, чем в 1959 г.²⁵ Тем не менее уровень развития сферы обслуживания население Советского Союза не устраивало. На протяжении всего рассматриваемого периода промышленность так и не смогла обеспечить сферу обслуживания многими товарами в необходимом объеме. Люди сталкивались с трудностями в приобретении таких предварительно расфасованных пищевых продуктов, как плавленые сырки, сливочное масло, полуфабрикаты, макаронные изделия. В 1969 г. саратовским областным управлением хлебопродуктов годовое задание по фасовке крупы было выполнено всего на 19,6%, муки – на 0,25%, областным управлением мясной промышлен-

ности – только на 50%. Областная макаронная фабрика в Астрахани в 1968 г. из 22 изделий в фасованном виде выпускала только вермишель, а астраханская кондитерская фабрика из всего множества кондитерских изделий – два наименования конфет. В начале 1970-х гг. в торговой сети Саратовской области продавалось 72–73 тыс. тонн сахара, а в фасованном виде его поступало лишь 6–7 тыс. тонн, или 10–11%. Нехватку фасованной продукции торги пытались восполнить путем самостоятельной организации их фасовки. Однако существовавшие автоматы по расфасовке быстро выходили из строя, и эта операция осуществлялась вручную, поэтому была малоэффективна. Имели место хищения особо дефицитных товаров и продуктов во время их расфасовки. К тому же магазины не располагали в достаточном количестве необходимыми помещениями²⁶.

Тормозил широкое внедрение самообслуживания в повседневную жизнь региона не только дефицит фасованной продукции, но и неудовлетворительное состояние материально-технической базы торговых предприятий. Торговая сеть областных центров Нижней Волги имела большое количество старых, слабо оснащенных необходимым технологическим оборудованием магазинов. Остро сказывалась нехватка техники, транспортных средств, подсобных помещений. Без этого было невозможно эффективное применение таких прогрессивных форм обслуживания, как открытая выкладка товара, торговля по образцам. Поэтому широкого распространения магазины «без продавцов» в регионе так и не получили. Например, в Саратовской области в 1969 г. их количество, кроме хлебных, едва превышало 1% к общему числу магазинов. С 1971 г. по 1980 г. в этой области прирост товаров, реализуемых в магазинах самообслуживания, составил всего 0,6%. Робко внедрялись методы самообслуживания и в сельской местности. Так, в Малодербенском, Ики-Бурульском и Приозерном районах Калмыцкой АССР в середине 1970-х гг. удельный вес магазинов самообслуживания был почти в два раза ниже среднереспубликанских показателей. В некоторых случаях новые формы торговли внедрялись формально. Торговое предприятие по документам считалось магазином самообслуживания, но в нем в действительности, например, вместо открытой выкладки товары закрывались стеклами или подменялись выкладкой лишь отдельных образцов²⁷. Не получила широкого развития выездная торговля на промышленных предприятиях, учреждения, отдаленные села, организация столов предварительных заказов, выставок-продаж, доставка продуктов и товаров на дом, торговля полуфабрикатами и в кредит. Доступность населению многих передовых форм обслуживания снижалась из-за недостаточно хорошо организованной рекламы, вывесок в оконных наприлавочных витринах и пристенных шкафах²⁸.

Медленно внедрялись прогрессивные формы обслуживания в общественном питании. Призванные высвободить женщину от необходимости приготовления пищи в домашних условиях, домовые кухни открывались в недостаточном количестве. Например, в Саратовской области за девять месяцев 1960 г. было открыто лишь шесть из девяти запланированных домовых кухонь. В Астраханской области за восемь месяцев того же года из намеченных к открытию 26 домовых кухонь в эксплуатацию было введено только четыре²⁹. Чтобы приобрести в них обед или ужин посетителям приходилось выстоять большие очереди, что было идентично потраченному времени у домашней плиты. Планы по переводу столовых на самообслуживание с последующей оплатой не выполнялись. Например, в Астраханской области весной 1959 г. из десяти предприятий общепита на новый метод обслуживания областным управлением торговли и облрыболовпотребсоюзом не было переведено ни одного. В Саратовской области из 145 точек общепита, запланированных к переводу на самообслуживание к концу 1961 г., на 1 ноября этого года было открыто только 98. Отмеченная тенденция сохранялась и в последующем, ограничивая возможности волжан быстро и качественно питаться. Например, из 325 млн блюд, проданных в 1974 г. населению Саратовской области, только 40 млн было реализовано комплексно-обслуживаемыми³⁰. Медленные темпы перевода столовых на комплексное снабжение полуфабрикатами осложняло организацию процесса потребления на производстве, в школах и в местах массового отдыха. Так, в 1961 г. из 150 предприятий системы государственной торговли Саратовской области на работу с полуфабрикатами было переведено лишь 27, при этом за 1961–1962 гг. в городах этой области количество таких предприятий даже сократилось на десять единиц. Летом 1964 г. из 200 саратовских предприятий на комплексном снабжении полуфабрикатами работало лишь 87. В ряде случаев такой перевод осуществлялся формально. Например, в Астрахани большинство прикрепленных к цеху полуфабрикатов столовых в конце 1950-х гг. работало в прежнем режиме. К тому же количество фабрик-кухонь и столовых, производящих полуфабрикаты для договорочных предприятий общепита было недостаточно. Многие из них использовались не по назначению, как, в частности, в Астраханской области³¹. Автоматизация сферы обслуживания проходила крайне неудовлетворительно: буфетов без продавцов и магазинов-автоматов и полуавтоматов не хватало, а имеющиеся долгое время бездействовали из-за отсутствия ассортимента. Например, в 1962 г. 80% всех имеющихся в торговых организациях Саратовской области автоматов не функционировало. К тому же они были некачественными и быстро выходили из строя. Чаще всего это случалось с магазинами-автоматами по продаже молока, масла, спичек, папирос и газет³².

Сеть прокатных пунктов была узкой. Имевшиеся же в наличии размещались в малолюдных местах и малоприспособленных помещениях, лишенных телефонной связи и транспортных средств. Из-за тесноты в них негде было хранить вещи, предназначенные для проката. В их ассортименте были редкостью или отсутствовали пользующиеся большим спросом у населения, особенно на селе, стиральные и швейные машины, холодильники, электрические утюги, пылесосы, мотоциклы, велосипеды, мясорубки, настольные вентиляторы, складные стулья и столы, пишущие машинки, лодочные моторы, магнитофоны, музыкальные инструменты. В то же время они предлагали мало востребованные населением волейбольные сетки, электрические плитки, керогазы, примусы, гамаки. Все это снижало процент посещаемости прокатных пунктов, в результате расходы на их содержание не окупались.

Дефицит приемных пунктов, особенно в сельской местности, ограничивал доступ населения к таким услугам, как ремонт обуви, бытовой техники, химическая чистка и окраска одежды. Степень проникновения в повседневную жизнь региона таких передовых для того времени форм бытового обслуживания населения, как предварительный прием заявок от населения, выезд бригад для обслуживания населения на предприятиях, в общежитиях и по месту жительства, моментальный ремонт одежды, обуви в присутствии заказчика, чистка и утюжка одежды, пошив в кредит была невысокой. Не хватало бюро добрых услуг, а существующие не практиковали доставку на дом бытовой техники, предоставляемой населению в кредит³³.

Таким образом, радикально облегчить быт советских людей, удовлетворить потребности населения в культурном и быстром обслуживании в 1953–1985 гг. в полной мере не удалось. Тем более что существенный прогресс в данной сфере жизнедеятельности советского общества, достигнутый во второй половине 1950 – первой половине 1970-х гг., был нивелирован «победой дефицита всего и вся» на рубеже 1970 – 1980-х гг. Низкое качество и недостаточный круг предоставляемых услуг выступали своеобразными социальными раздражителями, превратившимися в начале 1980-х гг. в массовое социальное недовольство простых советских людей. В середине 1960 – 1970-е гг., когда еще свежи были воспоминания «о военном и послевоенном лихолетье», новые формы обслуживания и торговли производили эффект новизны, поступательности, роста, расширения «заботы» государства о простом советском трудящемся. Признание государством существования «продовольственных» проблем в условиях «коммуникационной революции» 1980-х гг. и стремительно расширяющихся сведений о потребительских стандартах западного общества многократно усиливало критическое отношение к достигнутому уровню социального развития

советского общества. Невысокий уровень политической культуры советских людей, отсутствие в СССР признаков гражданского общества при известных обстоятельствах (прежде всего, крахе «железного занавеса») превращали недовольство «пустыми» прилавками в отрицание социалистической модели общественного развития.

Примечания

- 1 См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. М., 1956. С. 79–80; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 238–239; Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959. С. 525.
- 2 См.: Собрание постановлений (далее – СП) РСФСР. 1959. № 4. Ст. 24; № 9. Ст. 76; № 13. Ст. 112; 1962. № 6. Ст. 34; 1964. № 20. Ст. 143; 1960. № 26. Ст. 123; СП СССР. 1960. № 14. Ст. 114; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 21. Л. 101–104; Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам: в 4 т. Т. 4. 1953–1957. М., 1958. С. 599.
- 3 См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 93, 97–98.
- 4 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 846. Л. 49; Луткова Г. Н. Деятельность КПСС по развитию и совершенствованию торговли в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) (на материалах городов Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1981. С. 142.
- 5 См.: РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 786. Л. 2; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 453. Л. 26; ЦДНИВО, Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 122; Волга. 1964. 15. 01. Л. 4; 1975. 23. 01. Л. 1; 1981. 26. 02. Л. 3.
- 6 Об этом подробнее см.: Гуменюк А. А. Человек и реформы в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 93–94.
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4864. Л. 119; Д. 4720. Л. 25; Ф. 2137. Оп. 1. Д. 272. Л. 30; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1013. Л. 168; Оп. 4. Д. 88. Л. 24 об.; Сталинградская правда. 1960. 19. 11. Л. 3.
- 8 См.: Луткова Г. Н. Указ соч. С. 47, 49;
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 14. Д. 136. Л. 26; Ф. 4254. Оп. 31. Д. 27; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 956. Л. 47; Советская Калмыкия. 1968. 18. 05. Л. 3.
- 10 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3337. Л. 18; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 36. Д. 96. Л. 14.
- 11 СП СССР. 1960. № 14. Ст. 114; Молодой ленинец. 1955. 26. 06. Л. 4.
- 12 Коммунист. 1970. 04. 03. Л. 3.
- 13 См.: ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 122; Волгоградская правда. 1973. 02. 06. Л. 3; 17. 06. Л. 2.
- 14 Об этом подробнее см.: Гуменюк А. А. Человек и реформы в СССР в 1953–1985 гг. С. 96; Его же. Реформирование торговой сети Саратовской области в 1953–1985 гг. // Актуальные проблемы истории российской цивилизации: сб. материалов III межвуз. науч. конф. 26 февраля 2010 г. Саратов, 2010. С. 250.

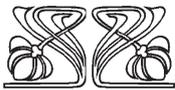
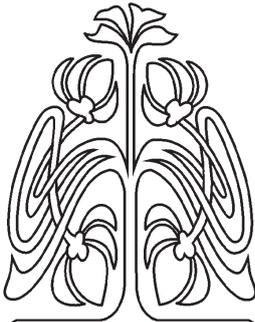
- ¹⁵ См.: ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 264. Л. 36, 86; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 72. Д. 10. Л. 29; Советская Калмыкия. 1976. 06. 02. Л. 2; 12. 03. Л. 1; 04. 11. Л. 2; 1981. 31. 12. Л. 4.
- ¹⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 846. Л. 19, 184; Оп. 4. Д. 156. Л. 16 об.; Волга. 1978. 01. 12. Л. 4; Волгоградская правда. 1968. 15. 05. Л. 4; 1981. 18. 12. Л. 3; Советская Калмыкия. 1966. 30. 12. Л. 4.
- ¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. А-1389. Оп. 1. Д. 1386. Л. 69; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4308. Л. 168; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 751. Л. 1; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 36. Д. 96. Л. 14.
- ¹⁸ См.: ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 336. Л. 40; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3056. Л. 45.
- ¹⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3338. Л. 75; Д. 3857. Л. 22; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1011. Л. 8; Д. 1125. Л. 9–10; Волгоградская правда. 1962. 19. 01. Л. 2.
- ²⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 6. Л. 145, 124; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8-пр. Д. 1435. Л. 56; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 6. Д. 44. Л. 19.
- ²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 14. Д. 136. Л. 35, 36; Оп. 27. Д. 212. Л. 42; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 179. Л. 24; ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 1714. Л. 51; Д. 1908. Л. 48; Д. 2050. Л. 24; Волга. 1975. 23. 01. Л. 1.
- ²² См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 88. Л. 12 об.; Оп. 8. Д. 1191. Л. 6, 12; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 14. Д. 136. Л. 44; Оп. 15. Д. 189. Л. 44; Оп. 19. Д. 148. Л. 5; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 430. Л. 23; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 50. Д. 72. Л. 138; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 1. Л. 111; ГАРФ. Ф. А-500. Оп. 4. Д. 55. Л. 134; Советская Калмыкия. 1959. 27. 12. Л. 3.
- ²³ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 88. Л. 12 об.; Комсомолец Каспия. 1966. 22. 07. Л. 3; Молодой ленинец. 1971. 27. 03. Л. 3.
- ²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 15. Д. 189. Л. 43; Волга. 1968. 04. 05. Л. 4.
- ²⁵ Голиков А. Империя СССР. Народная сверхдержава. М., 2010. С. 217.
- ²⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4720. Л. 14; Ф. 972. Оп. 45. Д. 1. Л. 110; Оп. 51. Д. 1. Л. 122; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 339. Л. 12; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1146. Л. 11; Оп. 8. Д. 141. Л. 101; Д. 516. Л. 47; Д. 832. Л. 7, 24; Сталинградская правда. 1953. 13. 11. Л. 3; Волга. 1968. 16. 05. Л. 3; Советская Калмыкия. 1976. 4. 11. Л. 2.
- ²⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1146. Л. 2; Д. 1956-а. Л. 17; Д. 1123. Л. 10; Оп. 4. Д. 88. Л. 24 об.; Оп. 4-пр. Д. 405. Л. 83; Д. 407. Л. 27; Д. 479. Л. 22; Оп. 7. Д. 503. Л. 5; Оп. 8. Д. 516. Л. 38, 47; Д. 1025. Л. 6, 30–31; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4524. Л. 49; Д. 4916. Л. 27; Оп. 6. Д. 145. Л. 142; Оп. 19. Д. 147. Л. 40; Д. 148. Л. 57; Оп. 22. Д. 220. Л. 59; Оп. 32. Д. 147. Л. 61; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 803. Л. 10; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 34. Д. 81. Л. 21; Оп. 40. Д. 52. Л. 76; Оп. 53. Д. 8. Л. 27; ГААО. Ф. Р-2729. Оп. 5. Д. 875. Л. 63; ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 113. Д. 125. Л. 31; Советская Калмыкия. 1976. 04. 11. Л. 2. 1986. 25. 01. Л. 2.
- ²⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4324. Л. 196; Д. 4525. Л. 40; Д. 4525. Л. 39; Д. 4720. Л. 31, 42–43; Д. 4916. Л. 28; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 500. Л. 3; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1123. Л. 10; Д. 1144. Л. 8 об.; Оп. 4. Д. 88. Л. 2 об., 9; Оп. 8-пр. Д. 739. Л. 126; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 5. Д. 188. Л. 87; Оп. 15. Д. 333. Л. 49; Д. 514. Л. 6; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 53. Д. 8. Л. 27; ГАВО. Ф. Р-2115. Оп. 11. Д. 861. Л. 25; Советская Калмыкия. 1981. 06. 03. Л. 2.
- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1138. Л. 42; Д. 1143. Л. 1 об.; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4309. Л. 101; Д. 4720. Л. 21, 136; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 38. Д. 97. Л. 17.
- ³⁰ См.: ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 36. Д. 96. Л. 7; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3595. Л. 11, 12; Д. 4720. Л. 43, 145; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 372. Л. 46, 49, 51, 75.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4312. Л. 3; Д. 4525. Л. 5; Д. 4720. Л. 145; Д. 4908. Л. 53; Д. 4909. Л. 41–42; Ф. 2137. Оп. 1. Д. 272. Л. 19; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 772. Л. 41; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 223. Л. 2; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 34. Д. 81. Л. 4; Оп. 36. Д. 96. Л. 81–82.
- ³² См.: ГАРФ. Ф. А-1389. Оп. 1. Д. 1370. Л. 33; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3596. Л. 53; Д. 4309. Л. 96; Д. 4525. Л. 39–40; Оп. 3. Д. 4916. Л. 121–122; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1123. Л. 15; Д. 1136. Л. 9.
- ³³ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 4. Д. 86. Л. 25; Д. 202. Л. 38 об.; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4864. Л. 130; Оп. 8. Д. 124. Л. 13; Ф. 1012. Оп. 1. Д. 148. Л. 49–50; Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 430. Л. 3; ГАСДАО. Ф. 325. Оп. 49. Д. 47. Л. 47; Оп. 72. Д. 10. Л. 29.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ТЕАТР ВЛАСТИ» В ЭПОХУ «НЕСПОКОЙНОГО СТОЛЕТИЯ»

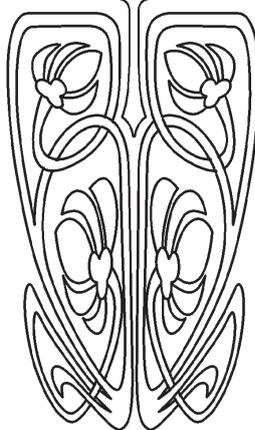
Рецензия на книгу: **Золотов В. И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск : Курсив, 2010. 232 с.**

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

Монография В. И. Золотова посвящена одному из наиболее сложных и одновременно наименее изученных периодов в истории средневековой Англии – XV столетию. Её появление в 2010 г. стало весьма значимым и как нельзя своевременным в контексте развернувшейся дискуссии медиевистов и историков раннего нового времени о хронологических границах средневековья, о сущностных процессах и содержании перехода от «старого» к «новому». В дискурсивном поле транзитивности автор исследует политическое и социальное развитие английского общества с позиций современного исторического знания, применяя методологию новой политической и интеллектуальной истории, исторические подходы в рамках социокультурного и культурно-антропологического направлений. Отталкиваясь от принципиально нового понимания соотношения политических и других факторов общественной и культурной жизни, В. И. Золотов сумел поставить на новый уровень изучение английского общества кануна раннего нового времени. А источники, с одной стороны, известные, опубликованные в начале XX в., но широко не использовавшие, с другой – опубликованные сравнительно недавно, позволили автору расширить тематику исследования и разнообразить подходы к рассмотрению истории XV столетия.

В. И. Золотов удачно использует конструкт «политическая культура» для оценки политического развития Англии, увязывая его с понятием политического поведения. Он справедливо отмечает, что политическая культура позднего средневековья в первую очередь определялась взглядами на монархическое правление. Одним из ее стереотипов являлась сакральность монархической власти, эволюционировавшая в направлении десакрализации. Политическое поведение как часть политической культуры автор представляет как ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил, принципов принятия политических решений.

В. И. Золотов замечает, что выделение XV столетия для постановки заявленного ракурса исследования политической истории английского государства не случайно. Именно к этому времени относится формирование дихотомии общества – государства (власти) в общественном сознании, начинается выделение из семантического комплекса политии понятия государства, вместе с попытками эмансипации политики от религии и морали, и понятия гражданского общества.

Результатом исследований автора первого десятилетия 2000-х гг. в рамках обозначенных подходов стала первая часть монографии «Идейно-политические поиски в английском обществе XV века». На основании ряда трактатов («Об управлении государей», «Три условия, истинно необходимые для лучшего управления», «Об управлении Англией» Джона Фортеस्कью) и других повествовательных источников (стихотворных произведений анонимного автора, программных документов восстания Джека Кэда в 1450–1451 гг., «Падения государей» Джона Лидгейта) здесь рассматриваются представления и образы королевской власти в глазах отдельных социальных групп англий-

ского общества. Автор убедительно доказывает, что переходный характер эпохи социальные, политические, культурные, этические ценности общества аккумулирует в сознании основных социальных групп, прежде всего, в образе королевской власти, который предполагает взаимную ответственность, возрастающую роль права, отказ от узкосословной политики государства.

Основываясь на свидетельствах разнообразных источников, В. И. Золотов показывает, что политическая мысль в английском обществе XV в. прошла интересный, но трудный путь. Первоначально традиция «зеркала» сводит проблемы политического развития к апологетике королевской политики, к идее непогрешимости и тяжести бремени, особенно на последнем этапе Столетней войны. Трактат «Об управлении государей» отражает кризисную ситуацию, в которой оказалась монархия после 1435 года. По мнению автора, общие пожелания и советы по управлению на основе достаточно узкой поддержки и на фоне тревожных реалий Столетней войны, борьба королевского окружения при молодом и неопытном Генрихе VI говорят об известном тупике, в котором оказалась монархия. Голос власти в трактате «Об управлении государей» звучит тревожно, но власть не видит потребности в диалоге с обществом. Ее позиция формулируется в основном как сплочение вокруг короля его подданных, необходимость решительного отпора всем недоброжелателям, соперникам и врагам. Общины как наиболее широкая часть общества упомянуты в последнюю очередь. Власть как бы оказалась во враждебном окружении, ищет, но не может предложить ясного выхода из сложившегося положения.

Справедливо подчеркивается, что важным этапом в эволюции политической мысли в Англии XV в. стало появление, очевидно, по инициативе герцога Йорка, трактата «Три условия, истинно необходимые для лучшего управления» (перевода малооригинального французского трактата середины XIV в.), который звучит как пропагандистский документ. Можно полностью согласиться с мнением автора о том, что реалии английской действительности буквально выплескиваются со страниц этого произведения. Образ благоразумного, предусмотрительного правителя в немалой степени рожден проблемами правления Генриха VI Ланкастера, уходящим из рук материковым наследием, а также начинающейся борьбой двух группировок английской знати. Провалы и слабости ланкастерского трона давали неплохую возможность предложить англичанам действенную альтернативу. Умелый, знающий, толковый в управлении государь – вот что необходимо стране. Тема советников при короле-правителе – постоянная тема в тревожной ситуации столетия. Она отражает политическое противостояние, грозящее хаосом, и, как отмечает автор, станет сквозной

до конца династии не только Ланкастеров, но и Йорков. С другой стороны, деятельность такого правителя, судя по содержанию трактата, основана на законе и справедливости. Такие ценности делают государя внимательным к «низшим», к народу, заставляют думать о его интересах, «пасти и кормить» своих людей в мире, любви и справедливости. Необходимо существовать «в согласии» с другими и заботой о них. Речь идет о взаимных обязательствах власти и подданных.

Таким образом, заключает В. И. Золотов, в условиях слабой королевской власти и потерь Столетней войны образ мудрого, справедливого, компетентного правителя был необходим, прежде всего оппонентам правящей династии Ланкастеров. Однако он выражает мысли не только той или иной политической группировки королевства, а чаяния и надежды той части общества, для которых узкосословная политика двора ведет страну к краху. Общий смысл призыва – мудрое и разумное правление возможно только при условии, что власть слушает своих подданных, учитывает их интересы, заботится о них. Идея «*good governance*» фактически представляет призыв к диалогу, призыв переосмыслить политические ценности и идеалы власти.

Автор убедительно показывает, что идея взаимных обязанностей власти и общества, взаимной ответственности уже существовала в английском обществе, прежде всего, в общинах, *commons* страны. В ряде публицистических произведений, исходивших из круга представителей этих социальных общностей первой половины XV в., очерчивается программа новых сил, смысл которой заключается в особой роли общин Англии и особом отношении королевской власти к ним, требовании таких порядков, которые отражали бы интересы общин. При этом, как справедливо полагает автор, никто не оспаривает исключительной роли монарха, никто не претендует на то, чтобы ограничить его полномочия. Однако социально-политические потрясения начинающейся Войны Роз вносят в эту модель управления свои дополнения: мотив единения общин и короля в деле спасения монарха, королевства, могущества и славы государства звучит настойчиво.

Заслуживает внимания проведенный автором анализ так называемых «плачей» в обществе: фактически все эти «плачи» говорят о короле и его мудрых, доблестных, а чаще лживых, недалеких советниках. Окружение короля – источник его добродетельного правления и славы или бед, несчастий и зла для его подданных. Этот мотив – король и его окружение, мудрость короля и советников, а также богатство короны – истинное богатство правителя, пронизывает, по наблюдению автора, все столетие, получая завершение к концу Войны Роз. В этих ожиданиях наблюдается все большее упование на разумное, ответственное поведение советников короля при

нарастающем падении значения в жизни общества палаты общин как существенного элемента парламентской системы управления. В обществе слышен голос общин, но они не настаивают на увеличении своего политического веса, своей роли в управлении государством.

В. И. Золотов показывает, что идею сильной королевской власти, которая в публицистике его времени присутствовала как идея мудрого, разумного правителя, живущего в повседневном диалоге с обществом, в постоянной заботе о своих подданных, в правовой мысли воплотил юрист Дж. Фортескью. В его учении, сформировавшемся в условиях общественно-политического хаоса, который переживало государство, получило развитие представление о важности для монарха опоры на толковых советников, эффективный и сплоченный королевский совет.

Очень интересен раздел монографии, озаглавленный «Подданные короны в поисках выбора. В споре с короной: королевский чиновник и рыцарь в поисках выбора на исходе Столетней войны», написанный на материале известного, но малоизученного памятника тех лет – «Маленькой книжечки об английской политике», а также на основе анализа докладов сэра Джона Фастольфа (1378–1459).

Автор указывает на то, что общественное мнение не могло оставаться равнодушным к поражениям, вызванным военными неудачами и политическими потерями, к изменениям в настроениях различных слоев общества XV века. Очевидно, можно говорить, что в различных общественных группах идет переосмысление характера, целей, хода войны, пересмотр многих позиций и привычных ценностей.

Обращаясь к трактату «Маленькая книжечка об английской политике», В. И. Золотов заключает, что он дает законченную картину мыслей автора, программу государственных интересов королевства. Создана программа спасения Англии, показано, что залог ее процветания, ее перспективы – на морских просторах, а не в господстве на чужой земле. Фактически в трактате прозвучал отказ следовать династическому принципу в политике страны, призыв к пересмотру сложившихся стереотипов поведения короны. По мнению В. И. Золотова, автор трактата попытался сформулировать позицию, отвечающую перспективам общественных интересов, в том числе политических, кануна раннего нового времени.

Обращаясь к Дж. Фастольфу, В. И. Золотов ярко показывает, как этот человек, один из самых опытных капитанов короны, обладавший неукротимой энергией, являвшийся воплощением воинственности как неотъемлемого элемента рыцарского образа, возможно, не осознавая, встает на путь переоценки ценностей, ведет себя то традиционно «феодално», то как ответственный политик. Автор полагает, что приходит понимание того, что рыцарские идеалы могут быть стимулом

личного поведения, но совершенно неадекватны в общественных потребностях.

Таким образом, подчеркивает В. И. Золотов, автор «Маленькой книжечки об английской политике» и Дж. Фастольф, по сути, олицетворяют сложные линии общественного развития Англии XV столетия. Один из них представляется фигурой уходящей, идеалы и помыслы другого устремлены скорее в будущее. Как представляется автору, эти две судьбы соответствуют месту XV в. в истории средневековой Англии накануне раннего нового времени.

Безусловно, интересен вывод автора о том, что человек XV в. сумел выйти за рамки своей социально обусловленной ипостаси послушного подданного короны. Он продемонстрировал возможность выбирать ту или иную модель поведения. Человек этого столетия предстал гораздо более свободным в выборе идентичности, чем это считалось ранее. Именно XV столетие с его потрясениями, войнами, усобицами представляло для такого выбора наиболее широкие возможности.

Во второй части монографии «Социальные общности в английском обществе XV века», в основе которой – поиски автора начала 1990-х гг., с некоторыми незначительными дополнениями и исправлениями, с привлечением документального материала делопроизводства королевской канцелярии (зарегистрированные и удостоверенные печатью письма-патенты, разбирательства сторон, касающиеся их земель и поместий, сделки, связанные с покупкой и оформлением различных видов займов, залогов, долговых обязательств по таким сделкам, обеспечение контрактов, распоряжения по судопроизводству, апелляции, распоряжения о ряде комиссий и т. д.) анализируются процессы социальной трансформации ведущих общностей страны, формирование их поведенческих установок в политически неспокойном столетии.

В. И. Золотов справедливо отмечает сложный характер всех общественных явлений переходной эпохи, в которой грани между новым и старым, зарождающимся и отживающим весьма подвижны, неопределенны. С полным правом можно согласиться с тем, что социальную структуру общества такого времени «по полочкам» разложить невозможно, особенно в Англии с размытыми статусными границами ее социума.

Конкретно в исследовании речь идет о ряде социопрофессиональных групп английского общества. Это ведущие гильдии страны – мерсеры, бакалейщики, сукноторговцы и некоторые другие из официально признанного к началу XVI в. списка «Больших» купеческих корпораций; все группы английского джентри – рыцари, сквайры, джентльмены; королевские и городские чиновники. Характеризуя эти группы с точки зрения динамики развития, эволюции, места в общественной и политической структуре обще-

ства, особенностей формирования, приоритетов хозяйственных интересов, автор представляет социальное развитие английского общества многопланово и объемно.

Исследование В. И. Золотова отличается комплексным характером и является важным этапом на пути многолетних изысканий автора по истории позднесредневековой Англии.

Сама постановка проблемы, современные методологические подходы, использование комплекса разнообразных, в том числе «свежих»,

источников позволили автору сделать целый ряд интересных наблюдений и выводов.

Подводя итог, хочу отметить, что монография В. И. Золотова вносит весомый вклад в современное историческое знание. Несомненно, книга должна быть востребована не только специалистами, но и всеми, кто интересуется политической и социальной историей западно-европейского средневековья.

Л. Н. Чернова,
доктор исторических наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Высубов Станислав Павлович, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: stas_16-92@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: galyamichev57@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: a.a.german@mail.ru

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: goloub@sgu.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Конониренко Виктория Анатольевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук и Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва. E-mail: Liseitsev@mail.ru

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории

и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: malovnm@mail.ru

Мальшев Алексей Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: Ordynetz@yandex.ru

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: mezinsa@mail.ru

Михайлик Александр Григорьевич, доктор экономических наук, доктор юридических наук, заместитель руководителя Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Москва. E-mail: mikhaylik2015@inbox.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Пирогова Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург. E-mail: eppirogova@yandex.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Руфин Сергей Михайлович, соискатель кафедры истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: vmf-86@mail.ru

Серов Денис Владимирович, соискатель кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: den.shatilo@yandex.ru

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: larisachernova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernova Larisa Nikolaevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Galyamichev Alexandr Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: galyamichev57@mail.ru

German Arkady Adol'fovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru

Golub Yury Grigoryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: goloub@sgu.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, PhD in History, Assistant Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenyukAA@rambler.ru

Kiyasov Sergey Evgenievich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the History of Russia and Archaeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Kononirenko Victoria Anatolyevna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of history and international relations, Saratov State University. E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Liseitsev Dmitry Vladimirovich, Dr. Sc. (Hist.), Leading Researcher of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, and National Research University Higher School of Economics, Moscow. E-mail: Liseitsev@mail.ru

Malishev Alexey Borisovich, PhD in History, Associate Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Ordynetz@yandex.ru

Malov Nikolay Mihailovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and

International Relations of Saratov State University. E-mail: malovnm@mail.ru

Mezin Sergey Alekseevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the History of Russia and Archaeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mezinsa@mail.ru

Mikhaylik Aleksandr Georgievich, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Juridical Science, Deputy Head of the Federal Service for Ecological, Technological and Nuclear Supervision, Moscow. E-mail: mikhaylik2015@inbox.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Pirogova Elena Pavlovna, PhD in History, Associate Professor of the Chair of Document science, History and Legal support, Russian State Professional Pedagogical University, Yekaterinburg. E-mail: ep-pirogova@yandex.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

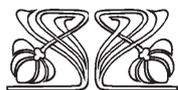
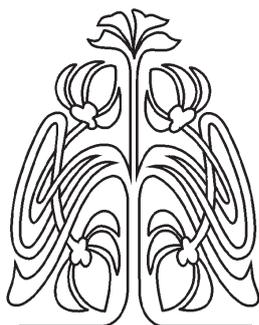
Rufin Sergey Mihaylovich, Postgraduate student of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: vmf-86@mail.ru

Serov Denis Vladimirovich, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: den.shatilo@yandex.ru

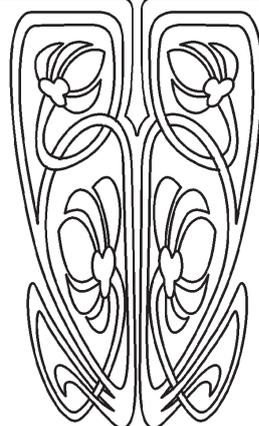
Tretiakova Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of History and Social Science Chair, Arzamas Branch of N. I. Lobachevskii Nizhny Novgorod State University. E-mail: marinatreyakova@mail.ru

Vyskubov Stanislav Pavlovich, Postgraduate student of Ancient History Chair, Institute of History and International Relations of the Saratov State University. E-mail: stas_16-92@mail.ru

Zaytsev Maxim Vyacheslavovich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ZaytsevMV@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2017 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36018.

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru